

Банин (Ум-эль Бану)

«ПАРИЖСКИЕ ДНИ»

Роман

Перевод с азербайджанского

Гюльшан Тофик гызы

НА ПОРОГЕ НАДЕЖДЫ

Ориент-Экспресс стремительно двигался туда – к обители надежды. Он, оглушительно ревя, неся, стуча по рельсам, как молодая, горячая необъезженная лошадь, минуя пути и стрелки. Поезд своим звонким металлическим голосом сообщал мне о скором приближении желанного места спасения и долгожданного счастья. Он нес меня из разрушенного четырехлетней революцией и обезображенного мира в страну, манящую светом надежды» Четыре года назад, когда Кавказ был еще свободен, часть моей родни перебралась сюда. Я же со своим отцом, который был министром в Правительстве Независимой Азербайджанской Республики, оставалась на родине. Позже русские вновь захватили Кавказ. Отец был арестован и объявлен врагом (ведь он был богат!), а меня в пятнадцать лет вынудили выйти замуж. В самые безнадежные дни всех этих чудовищных времен я не переставала грезить о волшебстве грядущего счастья, успехов и побед. Мое воображение переносило меня в далекие страны, где я обретала мирный кров, радость и умиротворение. Не переставала рисовать себе эту сказку...

Наконец, я осознала, что такое решающие моменты в жизни человека. И вот сейчас, в один из таких судьбоносных моментов, я приближалась к райским вратам новой, неведомой, но желанной жизни. От волнения я не чувствовала своего тела, в горле пересохло, а сердце, казалось, стучало в каждой клетке организма. Я вся была оно, колотящееся сердце, переполненное чувствами, терзаемое необъяснимыми приливами неких бурлящих потоков и гулко стучащее.

Разглядывая через окно пробегающие картины кипучей жизни, я не замечала захламленных и неопрятных пригородов. Волнение переполняло ме-

ня, и я видела лишь то, что хотела видеть – свои грезы, свое воображаемое счастье. Теперь я крепко буду держать его в руках и никогда, ни за что не отпущу! Это моя победа – я не отдам ее! Я пришла к порогу своей Надежды! Добралась до нее, бежав с Кавказа в Стамбул, обманув лживыми обещаниями постылого мужа и покинув Стамбул. Какое мне дело до его любви и желания встречи со мной? Я больше не хотела его видеть. Никогда! Что ж, и он был жертвой... Как и все мы. Жертвой истории, перемоловшей всех нас под своими колесами, жестокой и беспощадной...

Купол Лионского вокзала принял поезд под свод и укрыл в своей тени. Состав сбавил ход. Он почти бездвижен, едва ползет и, наконец, останавливается. Казалось, вместе с ним остановилось и мое сердце. Я боюсь вздохнуть! Боже, я сейчас умру! Нет, не умерла – тихонько, дрожа и спотыкаясь, спускаюсь по ступеньке на перрон. Ноги едва держат, боюсь упасть и ищу глазами, застланными туманом слез, своих близких. Ах, вот же они! Их четверо: моя красавица - мачеха Амина, сестры Зулейха и Марьям и зять, которого я не люблю. До чего же он неприятен! Я, смеясь, поочередно обнялась с каждым из встречающих. Прижимаясь к своим родным, я думала, что обнимаю свое счастье, с которым отныне и смерть меня не разлучит. Вскоре слезы сменил смех, бесконечный поток вопросов. Но ответы были короткими и ничего не значащими. В какой-то миг я даже пожалела о том, что была несдержанна в чувствах и слишком взволнована встречей. В нашей семье чувства были не в чести – надо уметь ими управлять! Порой чувственность наткнулась на грубость. Тем более, что среди встречающих был мой зять Шамси. А он славился тем, что мог жестоко шутить, и его смех не всегда означал радость. При таком чудовище расчувствоваться было весьма неосторожно и даже опасно. Он что-то вертел в руках и с неприязнью разглядывал меня. Я чувствовала, что Шамси готов пустить в ход свое ядовитое жало. Его раздражал мой головной убор – платок повязанный на турецкий манер. Он с презрением разглядывал мой дешевый костюм, купленный в Стамбуле, оценивающе мерил взглядом мою походку: провинциалка! Наконец, сделав пре-

зрительный указующий жест в мою сторону (я была очень смущена!), Шамси со злой усмешкой произнес:

– Ей Богу, тебе место в пантомиме «Деревенский прогресс»! В таком виде эта роль тебе очень к лицу. Явилась в чаршабе в Париж! А брови точь-в-точь как у кавказских извозчиков! Смотрите-ка на ее костюм – он, наверняка, из Ташкента. А с такой фигурой в самый раз пристроиться в гарем Адбул Гамида. Нет-нет, ее нужно немедленно увезти отсюда!

Амина и сестры попытались пристыдить его, просили оставить меня в покое. Но он не унимался. Я старалась не подавать виду и, улыбалась, скрывая смущение. Ведь, в действительности причин для радости и смеха было гораздо больше. Жизнь казалась мне прекрасной. Я переживала такие чудесные минуты своей жизни, что сладчайший вкус этих мгновений не могли испортить никакие горькие и обидные слова. Я была переполнена ощущением счастья, пришедшего на смену четырехлетним мук и лишений, взволнована вокзальной суматохой и многоголосицей, долгожданной встречей. Казалось, мне удалось вырваться их холодного, полного теней и страхов подземелья. Я как будто оказалась на чудесном лугу, залитом солнечным светом. Тут-то меня и прихватил «писательский недуг». Его симптомы проявлялись в интересе, с каким я разглядывала украшения и туалеты сестер. И это несмотря на неподдельное волнение и впечатление от встречи! Я заметила, что Зулейха, обладавшая художественными способностями, использовала все краски творческой палитры и весьма серьезно поработала над своей внешностью. Марьям заметно проигрывала рядом с ней. Ее длинные ресницы были отягощены черной тушью и обвисали, как еловые ветки, а слишком густые румяна и яркая помада были нелепы. Конечно же, я не высказала вслух своего мнения о вульгарной внешности сестер, но сделала пометку в памяти. На будущее. Моя сестра Зулейха была верна себе, ее «художественный вкус» был весьма своеобразен: на голову водружена шляпа, напоминающая цветочный горшок (натянула до самых ушей!), огромные серьги висят до плеч, от разноцветных бус на шее рябило в глазах. Пояс был повязан не на талии, а на бед-

рах. Так было модно. Все яркие краски жизни запечатлела не только одежда, но и лицо Зулейхи.

Мы втиснулись в большущее красное такси. Оно было таким здоровенным, что не пришлось даже нагнуться, садясь в кабину. Сиденье было высоким и удобным. Мой багаж состоял из единственного чемодана. Я поставила его около водителя. Итак, началось мое великое приключение.

Я В ПАРИЖЕ

Париж... Чтоб полностью прочувствовать смысл слов «Я в Париже», нужно пройти через муки ада на другом конце света. А еще для этого нужно долгие годы мучительно желать оказаться в Париже, ощущая себя в родном городе как в ссылке. Для человека, грезившего Парижем на протяжении всей жизни, этот город отождествлялся с вратами рая. Он вышел из пелены грез и оживал перед глазами, превращаясь из воображаемого в настоящий: с камнями и улицами, площадями и памятниками. Мечты расцветали пышным букетом – в этом заветном мире соединялись все маленькие мирки, смешивались, таяли и превращались в сокровищницу новой жизни.

Будучи по природе человеком непостоянным, я и через полстолетия осталась верна Парижу. Но и то остается фактом, что даже длительная дружба и привязанность имеет не только положительные стороны. Порой и она утомляет, как ни странно, именно своим постоянством.

О, вы, мечтатели, создающие свой мир в воображении! Я призываю вас в свидетели – ведь кому, как не вам, известны все благие и худые стороны таких фантазий. Благо то, что мечта отдаляет от тягот и горечи действительности, дурманит нас. Когда нам худо, мы уходим в мир своих грез, находя в них облегчение и питаем ими свой изголодавшийся дух, как сдобной лепешкой. Но если вдруг грезы материализуются и становятся явью, начинаешь думать: «Только и всего-то?» Когда чистая и светлая мечта оказывается за-

маранной нечистотами реальной жизни, уныние и разочарование рождает все тот же вопрос: «Только и всего-то?..»

Но мои первые дни в Париже пока еще давали положительный ответ: «Да, именно этого я и желала!» Я была еще очень молода, все вызывало интерес к жизни, будущее вселяло надежду. Даже те грязные и задымленные пригородные территории на подъезде к Лионскому вокзалу были милы моему сердцу – ведь я вступала в Париж! А после я увидела прекрасную улицу Риволи, чудесную площадь Канкорд, напоминающую хрустальный ларец. Водителю велено было ехать через Шан-Элизе. Эта улица в те годы, полвека назад, была еще красивее. Тут был всего один магазин – магазин Грелен. Кроме кафе Селест и Фукс, двух домов мод и гостиницы Кларидж, никаких иных заведений здесь не было. Позже, во времена демократизации, этот чудный уголок изрядно попортили и обезобразили. Тут стояли весы для распродажи конфет, а вдоль тротуара, в киосках, продавались легкие платья, пластиковая обувь, пакеты с арахисом. Здесь еще не было афиш с элементами порнографии, злачных мест и кинотеатров, обслуживающих всякого рода извращенцев.

Медленно двигаясь по Шан-Элизе, мы подъехали к Триумфальной Арке. Сейчас она праздновала триумф надо мной. Проехав чудные кварталы проспекты Буа, мы подъехали к Мюнет. Да, кажется, еще тогда Буа был переименован в Рош. Здесь, на первом этаже одного из роскошных зданий на улице Луи Буали, мои родители снимали квартиру. Мы прожили в богатом квартале до тех пор, пока не кончились деньги, вырученные от продажи многочисленных ювелирных украшений, которые удалось вывезти с родины. Это были жалкие крохи тех несместных богатств нашей семьи, которые поглотило пламя революции и чрево демократизации, коллективизации, социализации.

Когда мы спускались вниз по проспекту Буа, передо мной вдруг возник образ другого бульвара. Того, что лежал вдоль берега Каспия... Бакинского бульвара... Я вспомнила, как, гуляя, в тени небольших деревьев на набереж-

ной, я уносила в своих фантазиях далеко-далеко... в Париж. И вот, наконец, мои фантазии обрели «плоть» и волна революции забросила меня в Париж. Богатству на родине я всегда предпочитала бедности, но здесь. Нет, не думайте, что я лицемерю. Помните, когда-то, в далеком детстве я была влюблена в красивого юношу одного из двенадцати садовников, служивших в нашем загородном имении? Тогда в своем воображении я рисовала картину банкротства моего отца и мечтала (глупый ребенок!) превратиться в нищенку, чтоб стать ровней предмету своего обожания. Ведь иначе наш союз был бы невозможен... Мечта о банкротстве сбылась. Но брак с красавцем-садовником так и не состоялся. Замуж я вышла за ненавистного Джамиля... Мне незачем пенять на судьбу. Ведь я после сама предпочла Париж тому молодому садовнику, с которым могла бы соединиться в браке. А уж тут, в Париже, наверняка повстречаются мужчины гораздо красивее, умнее, образованнее и утонченнее него. Мои мечты напоминали «Тысячу и одну ночь». Потому-то и будущее представлялось мне в сиянии сказочных богатств Али-бабы. Да, много всяких небылиц и сокровищ рисовало мое воображение. Но мне и на ум никогда не приходило, что когда-нибудь я стану известна как французская писательница, буду автором вот этих самых строк...

Отец уже ждал нас у входа в дом. Вероятно, он видел подъезжающее такси. Я не видела его уже три года. С тех пор, как проводила уплывающим на корабле компании Пакс из Батуми в Стамбул, а дальше – в Париж. Он уезжал, а я оставалась. Но самое худшее то, что тогда мне пришлось остаться с постылым мужем, возвращаться в Баку, в ненавистную рутину семейной жизни. Ах, сколько же мне пришлось пережить!.. Порой у людей разбиваются сердца. Мое же сердце было просто перемолото... Меня тяготил не отъезд отца, а то, что я не уезжаю с ним. Я оставалась на Кавказе, как прикованный к скале Прометей, и никакой Геракл не мог принести мне спасение.

Отец помолодел, однако! Свобода, неплохое материнское положение и, самое главное, отсутствие страха изменили его внешне. Он поправился,

осанка стала прямее. Одет он был хорошо, и я вдруг вспомнила его тюремную робу, его исхудавшее, заросшее щетиной лицо, согбенную спину, его ужасное положение в застенках. По-правде сказать, достаточно и тюремной одежды, чтоб унижить или уничтожить человека. Еще я вспомнила как отец, держа в руках узелок с едой, приготовленной тетушкой, горько улыбаясь смотрел на меня из-за тюремной решетки. В зимнюю стужу и летний зной носила я отцу в тюрьму узелки с едой, пыталась облегчить хоть самую малость тяготы тюремной жизни. Сейчас, сидя в уютной и просторной парижской квартире, трудно представить себе мрачные тюремные стены, окруженные голой степью, черной от мазута и нефти. Даже мимолетное воспоминание об этом приводит в ужас. В действительности это и был самый настоящий кошмар.

Отец был сдержанным человеком. Несколько смущаясь, мы обнялись. Взгляд его черных глаз всегда вызывал у меня растерянность и некую стыдливость. Не могу вспомнить, ласкал ли он меня когда-нибудь? Кажется, нет, никогда... Даже навещая его в тюрьме, я не ощущала родительского тепла в его глазах. Между нами всегда стояла стена отчуждения. Эта стена мешала нашему сближению. Из-за нее я не смогла некогда открыться отцу, сказать о своих чувствах и в итоге стала женой нелюбимого человека. Мой брак был заключен по желанию отца. А эта холодная стена между нами не позволила мне открыть своего сердца. Сейчас трудно себе представить, что означает понятие «отец» для исповедующих ислам. А мы принадлежали именно этой конфессии. В семье отец был вторым по значимости после Бога, и он мог распоряжаться судьбами своих детей, решать за них, вознаграждать и карать. Причем, любой карой, кроме смерти. Думаю, что и сейчас в некоторых мусульманских семьях дела обстоят таким же образом, и отцы до сих пор обладают тем же непоколебимым правом. К счастью, мой отец с годами становился все либеральнее. И это было его положительным качеством. Откуда же были корни этого либерализма? Чем он был обусловлен? Умом или равнодушием отца? Может быть, были причины неизвестные нам? Так или иначе,

но нам его либерализм помог получить европейское образование. А это в те времена отнюдь не приветствовалось в мусульманских семьях, к коим и мы принадлежали. Моя мачеха Амина, вторая жена отца, тоже в достаточной мере использовала либерализм своего мужа, порой даже злоупотребляла им. В скором времени мы стали свидетелями еще одного высокого качества отца. Я была благодарна отцу, что он вызвал меня в Париж одну. Наверное, он таким образом хотел создать условия для моего развода с Джамилем, за которого я вышла не по своей воле. Я так думала, и эта мысль вселяла в меня надежду. Приезд нелюбимого мужа положил бы конец мечтам молодой женщины обрести свое счастье, по-новому устроить свою жизнь. Я хотела начать эту жизнь с той точки, которую утратила четыре года назад. Начать ее тут, в Париже, городе моих грез, в ином, новом мире. Ради этого я согласна была пожертвовать многим. Я бы даже терпела жуткий характер сестры Зулейхи, привыкшей командовать мной. «Дойдешь до моих лет, тогда и узнаешь», - любила повторять Зулейха. Я бы слушалась Амину и выполняла все ее распоряжения. Словом, ради развода с мужем я готова была на все. Когда-то в детстве голос фрейлен Анны, велящий нам ложиться спать, был ненавистен. «Дети, пора спать!» - приказывала фрейлен Анна, и это было невыносимо как наказание. Но сегодня, если нужно, я ложилась бы спать раньше всех, вынесла бы все. Но выносить Джамиля не было мочи!

После того, как повидалась с отцом, я обернулась к своему восьмилетнему братишке. Разумеется, после четырехлетней разлуки он позабыл меня и не узнал. На его лице была улыбка, но не чувствовалось никакой радости. Этот белокожий мальчик был настоящим представителем «белой расы». Он был похож на свою мать, уроженку Северного Кавказа. Мы же, черноглазые и чернобровые, отличались восточными чертами внешности. И мы представляли свою расу. И лицами своими, и кровью, что текла в наших жилах.

После я познакомилась с новыми членами нашей семьи. Вниз по лестнице шел воспитатель моего брата. Это был пожилой мужчина с глазами навыкате. У него были невероятно кривые ноги, и шел он очень медленно. Вни-

зу, у лестницы стояли повар и служанка. Увидев меня, эти французы очень эмоционально выразили свои чувства:

– Ах, мадмуазель так юна и уже замужем?

– Мадам... Какие у мадам чудесные глаза!

Это было приятно слышать. Да, в те времена было принято говорить приятные слова. Тогда французы не гнушались ролью прислуги. Не то, что нынче. Конечно, служанка – не очень-то хорошая профессия. Но чем лучше работа машинистки у какого-нибудь взбалмошного начальника или работа на заводе? Что в них хорошего? Просто, люди почему-то отдают предпочтение новым профессиям. В достопамятные прошедшие времена не было социального обеспечения, зато была французская прислуга...

Чувствую, что для сравнения мне не раз придется произносить эти слова – «в те времена». Думаю, прошлое вспомнится не раз. Ведь за прошедшие полвека произошли такие перемены! Словно мы уже живем в другом мире. Мир так изменился! Не стоит перечислять всех перемен – их слишком много. Но один пример я, все же, приведу. Вдоль улицы Луи Вуали, тянущейся к бульвару прежде была крепостная стена. Когда начинало смеркаться, мы боялись ходить в ту сторону. Говорили, что там скрываются какие-то весьма опасные люди. На другой стороне был парк Мует, но и его нельзя было с уверенностью назвать местом отдыха. Чуть ли не под каждым кустом парка обитали «сатиры». Мы боялись их до смерти. Итак, мы жили между двумя опасными территориями: с одной стороны «крепость», с другой парк «сатиров».

Мое приобщение к парижской жизни началось с того момента, как мы с сестрой Зулейхой оказались в ее комнате. Войдя в комнату, Зулейха огорчила меня и Марьям: она достала из выдвижного ящика шкафа мундштук, вставила в него сигарету и закурила, приняв надменный вид. Глубоко затягиваясь и не обращая внимания на мой кашель, Зулейха с гордостью произнесла:

– Скоро я выхожу замуж!

– Замечательно! – воскликнула я с радостью. Это известие было для меня вдвойне радостным. Во-первых, замужество, создание семьи, бесспорно, дело хорошее. К сожалению, моему неудачному браку способствовали тяжелые последствия Октябрьской революции. Второй причиной моей радости было то, что и Зулейха, наконец, выходит замуж. Ведь я в своем семнадцать лет уже два года как замужем.. А она еще в девицах. Это неправильно. Такое положение дел противоречит не только нормам ислама, но и национальным обычаям. Я была рада, что сестра на пороге новых, приятных перемен в своей жизни.

– А кто же твой жених? Он с Кавказа?

Париж был переполнен эмигрантами из бывшей Российской империи, со всех ее концов. Было тут немало и выходцев с Кавказа.

– Нет, милочка. Зачем мне кавказец? Мой жених испанец, настоящий католик.

Я была потрясена. Своим решением Зулейха нарушала традицию и обрела себя на муки в аду! Придя в себя, я спросила:

– А что говорит отец?

– Что? Отец? Не съест же он меня! Я уже взрослая. Да и Баку остался очень далеко. Какие еще обычаи? Все изменилось. Об отце не беспокойся. На днях я поговорю с ним, расскажу ему о своем Жозе.

В уверенной речи Зулейхи чувствовалось некое хвастовство. Но, по чести сказать, сестрица моя была не робкого десятка. Я, безвольная и слабохарактерная, всегда завидовала ее решительности. Тут заговорила Марьям, такая же застенчивая, как и я?

– Я бы никогда не осмелилась.

– И я не смогла бы, – поддержала я Марьям.

Я знала, что говорю. Не я ли показала самый горький пример слабости и безволия? Нерешительность не позволила мне когда-то убежать с Андреем Масариным. Андрей тоже был христианином (к тому же, самым-рассамым!). Он был революционером, большевиком. Я могла бы уехать с ним. Но страх

держал меня и парализовал мою волю. Став женой Джамиля, я еще раз показала свою бесхарактерность. Страх всегда преследовал меня, был моими самым жестоким врагом. Именно из-за него я испортила себе жизнь. И сегодня, как и раньше, я ненавижу, презираю в себе это чувство.

Иногда нам приходится делать выбор. Это происходит тогда, когда избранный нами путь вдруг оказывается развилкой. То, опасаясь, трусливо и осторожно, то, не подумав, вслепую, движемся мы по этому пути. А когда оказываемся на распутье, топчемся в нерешительности, не зная, куда же идти дальше: влево или вправо? Где, в какой стороне удача? Но вдруг там беда? Успокаивает то, что всего не предусмотреть, и время все ставит на свои места. Вот и Зулейха была сейчас на распутье. Но она уже приняла решение и была им довольна. Она знала, что делает.

– Но ведь он христианин, – заметила я несмело, – он ничего не знает об исламе. Может быть, даже враждебен к нему. Ведь христиане и мусульмане то и дело воевали.

– Значит, мы, мусульмане заблуждались, – упрямо ответила Зулейха, стряхивая пепел с сигареты. Этот пепел будто сыпался на прах миллионов христиан и мусульман, павших в битвах. Она стряхивала пепел на католиков Фердинанда и Изабеллу, изгнавших мавров из Испании, на воинов Жуана Австрийского, уничтожившего турок у Лепанта, на войска польских королей, бивших турецких воинов у Вены. На все Крестовые походы! Пепел от сигареты Зулейхи накрыл их все, а ее любовь к Жозе превратила все кровавые битвы в детские забавы. Может быть, эти люди на самом деле совершали глупости долгие века? Марьям спросила:

– А ты не ошибаешься выходя за него замуж?

– Я никогда не ошибаюсь. Знайте, вы, несчастные темные и отсталые глупышки, что мы уже полгода любовники.

То, что сказала Зулейха было подобно удару молнии. У нас пересохло в горле. Мы таращили глаза на Зулейху, не зная, что сказать. Ведь обычай тре-

бовал сохранять невинность до свадьбы. И это было свято, как священная Кааба Мекки. Я, волнуясь, возмущенно закричала:

– Ты сошла с ума? Как ты могла допустить такое до свадьбы?

Ведь даже моя кузина Гюльнар, эта распутница, оставалась девственницей до свадьбы. Разве есть пример более убедительный?

– Слушай, дорогуша, – Зулейха глубоко затянулась и выпустила дым одновременно из рта и носа, – хочу тебе напомнить, что благодаря Октябрьской революции нам представилась счастливая возможность оказаться в Париже. А все бестолковые обычаи выброшены на свалку!

Сделав короткую паузу, она продолжила.

– На днях я отведу тебя в его мастерскую. Он художник, и уже достаточно зрелый мастер. – Кивнув в сторону Марьям, Зулейха добавила, – Не знаю, почему эта госпожа не хочет с ним знакомиться.

– Ты же понимаешь... Шамси... Марьям, сказав это, опустила голову. В ее речах и повадках присутствовала традиционная бесхребетность. Бедняжка терзалась между жестоким мужем и упрямой сестрой.

– Да, конечно! Снова этот Шамси. Интересно, аристократом в каком колене его изволите считать? Как же он может породниться с христианином, бедным и безвестным художником?

Зулейха передернула плечами и ее серьги тихонько зазвенели.

– Думайте о Жозе, что вам угодно. Мне безразлично, я все равно выйду за него замуж. Подумать только: Азербайджанская аристократия презирает творческого человека. Кстати, напоминаю вам, что наш дед вовсе не был родovit. И ему просто повезло, когда роясь в своей каменистой земле, он наткнулся на нефть. Благословенный черный фонтан, забивший из-под кучи камней не сделал его кровью благородной. И еще хочу напомнить вам, что всю эту нефть, до последней капли, у нас отняли и никогда нам не вернут, как бы мы, глупые беженцы, об этом не мечтали. Кроме чудных воспоминаний и горсточка надежды у нас ничего не осталось. Да, дорогие мои, нефтяные принцессы! Ваши карманы полны лишь несбыточными мечтами.

Красноречие Зулейхи било фонтаном. Она осыпала оскорблениями всех мнимых и действительных аристократов, мусульман всего мира, всех правых и неправых. Затем подошел черед богачей и знати, сталкивающих народы в кровавых битвах и лицемерно прикрывающихся именем милостивого Господа. И все ради своего благополучия! Она сыпала проклятия на религии, делающие людей врагами и по ее пламенной речи было видно, что Жозе, действительно, любим ею. Я четыре года прожила в мире, заполненном революционными лозунгами. «Религия опиум для народа!» или «эксплуатация человека человеком» - от таких полупонятных слов закладывало уши. Где правда, а где ложь? А теперь, слушая обжигающую сердце речь Зулейхи, я невольно соглашалась с ней. Хотя сама никогда не осмелилась бы перечить отцу. Я не обладаю той твердостью и решительностью, которая свойственна Зулейхе... Правда, когда отец был в заключении, я подпала под влияние новой идеологии и даже носила на груди значок с изображением Ленина. Но эта дурь скоро прошла. Мне объяснили, что дочери арестованного «классового врага» негоже носить портрет идеолога революции, ставшей причиной всех несчастий нашей семьи. Меня убедили, что все наши беды и лишения связаны с большевистской революцией. Потому-то портрет Ленина вскоре был отстегнут, И я вернулась к прежней морали, разделив с родней общие заботы.

Первая ночь в Париже сопровождалась бессонницей, вызванной волнением и впечатлениями того незабываемого дня. Весь вечер пришлось выслушивать бестолковую и пошлую болтовню Шамси. Были шутки и смех. Говорили о скачках, спектаклях, моде и нарядах, вспоминали чьи-то сплетни, обсуждали женщин легкого поведения. Я была под впечатлением от милой квартиры, красавицы-мачехи, обхождения воспитателей и прислуги, невольно сравнивая все это с «той» жизнью и ощущая разницу с ней. Разве там, на родине, где разрушительные перемены стерли все прежние понятия об интересах и нравах, такие беседы кому-то необходимы? Станет ли нищий и разутый человек думать о модной одежде? Придет ли на ум тем, чьи близкие то-

мятся в тюрьмах, думать о любовных интригах? Там, на родине, магазины и лавки пусты, люди испытывают трудности из-за отсутствия электричества и живут в постоянном страхе от распространяемых жутких слухов. Все это делает жизнь невыносимой. Всего три месяца назад я жила на совершенно другой планете, где в семьях пытались, но не смогли сохранить тысячелетние традиции ислама, где мир был заполнен революционными лозунгами и воззваниями. Я жила среди всей этой революционной суматохи и слышала призывы нового учения. Еще чуть-чуть, и пошла бы по иному пути. Будь я чуть смелее...

А здесь совсем иной мир, жизнь в котором течет спокойно и размеренно. И она вытаскивала меня из прошлой, суровой и жестокой жизни. Теперь я могла видеть разницу между бедой и счастьем, жизнью и смертью, горем и радостью всем, чем наполнен мир. Я думала, о миллионах, миллиардах людей, живущих в мире, где постоянно сталкиваются противоречия, о судьбах этих людей, о том, что неведомо мне. На меня нахлынула мощная волна жизни, будя желание познать все ее пути, пройти через пламя, испить из всех источников, даже наполненных ядом. Эта новая, неведомая прежде волна жизнелюбия заронила в душу и некую новую печаль. Последние годы я часто об этом думала. То была печаль грядущей старости. Мне еще не было двадцати лет, а я ежечасно, ежедневно думала о ней. Я чувствовала, что старею! Как и всякая женщина, разглядывала себя в зеркале, подолгу изучала все складочки и морщинки на лице, представляя их в будущем, когда они станут больше и глубже. Когда-нибудь у меня пожелтеют и выпадут зубы, поседеют волосы, притупятся чувства и желания, изменится вся внешность. И я не буду знать любви.... Я уже однажды обжигалась о ее пламя. В моей короткой жизни была ее горечь. Потеряв любовь к Масарину, я наткнулась на любовь немилого человека. Вспомнив, вдруг, о том, что через несколько дней может состояться встреча с Джамилем, я невольно вздрогнула и вскочила с места. Как человек, испытывающий жуткую боль, я медленно опустилась на кровать. Слезы хлынули из моих глаз. Я подавляла рыдания, чтоб не

разбудить Зулейху. Наверное ей снится Жозе, и они отдаются своей любви. А может быть любовный дурман мешает ей видеть истину?

Я плакала и за себя и за своего несчастного мужа. Мы оба были жертвами. Мы невольно мучили друг друга, причиняя боль и страдания. Но, кажется вновь повторяюсь... Хотя это истинная правда – мы оба не виноваты в том, что произошло. Тем не менее, я не могла его любить. Могла лишь презирать.

Ту первую ночь в Париже, проведенную в сомнениях и надеждах, безверии и радости, я и сегодня считаю переломной в своей жизни.

Наутро началась серьезная работа над моей внешностью. Когда я вошла в спальню мачехи, чтоб поздороваться, она оторвалась от завтрака и, погладив мои волосы и лицо, озабоченно произнесла:

– Что сделал с тобой Баку!

Вообще, все, что связано с Баку, казалось ей дурным. Разумеется, кроме нефти, приносившей прибыль. Она считала население города диким, наряды возмутительными, нравы ужасными. Здесь все ее пугало и отталкивало. И свою новую родню она не любила, не хотела мириться с их приверженностью к национальным обычаям и традициям. Хотя Амина и сама родилась в мусульманской семье, но жила и училась в Москве, где ее отец служил инженером. Она была под постоянным влиянием окружающих ее русских, общалась исключительно с ними, и сама ничем от них не отличалась, если не считать ее мусульманских корней. Амина считала Азербайджан и его нефтяную столицу Баку частью российской империи, но местный этнос вызывал ее неприязнь. Ни национальные, ни религиозные обычаи ей не нравились. Неужто она вышла за моего отца лишь из корысти?.. Не знаю. Мой отец был довольно привлекательным восточным мужчиной, красивым и статным. Если Амина стала его женой из расчета, то с учетом нынешнего положения, она проиграла. Ко всему прочему, отсутствие нелюбимой мужней родни, не принесло особой радости. Ведь здесь в Париже, ее ждали другие невзгоды: ей предстояла жизнь в бедности и лишениях. Но в это чудное летнее утро видеть грядущие тяготы никто еще не мог. Вот и Амина еще о них не ведала, и

сейчас она была полностью занята изменением моей внешности. Предстояло сделать из восточной женщины парижанку. Она внимательно разглядывала меня, планируя некие «переделки» и повторяя:

– Что с тобой сделал Баку!

Я засмушалась. Мне и так было известно, на что похожа и как выгляжу. Я и сама себе не нравилась, совершенно не соответствовала своему же вкусу.

– Немедленно в парикмахерскую! – решительно произнесла Амина, давая указания Зулейхе.

Зулейха привела меня в парикмахерскую на улице Пасси. Молодой парикмахер, несколько порассуждав и посоветовавшись с сестрой, энергично принялся за работу. Делая какие-то странные движения руками, он колдовал над моей головой, и вскоре она заметно изменила форму, стала более округлой. На лоб опустилась челка, и я стала похожа на Жанну Д’Арк. Словом, немного офранцузилась.

– Прекрасно! Теперь гораздо лучше, – сказала Амина, когда мы вернулись домой. – Я подобрала для тебя несколько платьев. Но придется надеть корсаж. Сначала будет тесновато. Но ничего, скоро привыкнешь.

– Красота требует жертв, – по-французски, с некоторым пафосом произнесла Зулейха.

– Верно. Твой зад и ляжки просто необходимо запихнуть в корсет! – поддержала ее мачеха.

Надо же такое терпеть! Этот корсет не просто сжимал мое тело. Он мял и душил меня. Тут-то я поняла, какие муки терпят китайки, нося традиционную обувь, уменьшающую стопу. Но, ничего не поделаешь! Высокая мода требовала жертву и мы ее приносили, дабы не выглядеть замухрышками. Корсет держал меня в своих металлических тисках, ходить в нем было истинной пыткой.

Мое платье, приобретенное специально для того, чтобы удивить Париж, было немедленно изъято. Оно ввергло в шок окружающих. На мой взгляд,

платье было довольно приличным и нарядным. Но мой взгляд не совпал со взглядом окружающих...

Амина дала мне одно платье из своего гардероба. Несмотря на туго стягивающий корсет, я едва в него втиснулась. Платье показалось мне простоватым: я бы украсила его воротничком, кружевом и новыми пуговками. Мне вовсе не понравилась «Жанна Д'Арк», которая отражалась в высоком зеркале, выряженная в узкое платье. Мое же платье было брошено на комод.

– Не вздумай носить в Париже эту мерзость! – строго-настрого велела Амина, указав на него.

– Вот бы отвести ее в Дом в кошмарном этом наряде! – при этих словах Амина и Зулейха так громко рассмеялись, что вогнали меня в краску. Я не знала еще, что такое «Дом», но все равно, очень смутилась.

«Дом» оказался самым большим кафе Монпарнаса, о котором я имела некоторое представление. Неужели мое платье, да и я сама, так грубы и нелепы, что вызвали бы насмешки посетителей кафе или окружающих? Не знаю. Но, все равно, меня жег стыд.

– А что это за лицо! Оно никогда не знало косметики, – продолжала Зулейха.

– Да, надо научить ее пользоваться косметикой!

Сестра и мачеха поволокли меня к трюмо, усадили перед зеркалом и принялись накладывать румяна, тушь, тени, пудру. Веки стали голубыми, щеки розовыми, ресницы жгуче-черными. Я смотрела на свое отражение в зеркале и не узнавала

То напудренное существо – я? Разумеется, Зулейха и Амина хотели сделать как лучше, превратить меня в симпатичную парижанку. Но, по-моему я скорее напоминала ярко разрисованное пасхальное яйцо. На мой протест Зулейха ответила криком:

– Деревенщина! У тебя было лицо больной нищенки. А теперь ты стала похожа на нормального человека. Знаю, ты предпочитаешь походить на героинь Толстого. Но мы в Париже!

– Мне не нравится!..

– Провинциалка! Деревенщина! – обиженно говорила Зулейха, – и ты собираешься жить в Европе? С твоими-то мозгами?

Да, я желала жить в Европе. Пусть даже с таким, непривлекательным лицом. Просто хотелось провести свой первый день в Европе без зеркал и украшений.

После полудня к нам пришла Марьям и тоже похвалила мою новую внешность.

– Ты совершенно переменилась. Замечательно! Осталось только привести в порядок брови. Сейчас я примусь за это!

Марьям вытащила из сумочки пинцет для выщипывания бровей и приступила к делу. Моя сестрица яро ненавидела эту густую черную растительность, которой Аллах наградил наших женщин. По-моему, она выщипывала волоски даже на руках и ногах, считая их излишними на женском теле.

Тихая и сдержанная Марьям, выщипывая излишки из моих бровей, превратилась в настоящего палача. Отогнув назад мою голову, она склонилась над лицом, быстрыми и умелыми движениями расправлялась с никчемными волосками, с удовольствием изымая их из бровей. У меня слезились глаза, я покрикивала от боли. Но Марьям преспокойно продолжала свою работу, приговаривая:

– Вот-вот, уже скоро! Вот-вот заканчиваем!

Я едва избавилась от Марьям. Места выдернутых волосков болели, кое-где даже проступила кровь. Но Марьям осталась удовлетворена своей работой. В отличие от меня. Слишком много терзаний за один день!

Марьям с мужем снимали квартиру на улице Массене, в десяти минутах ходьбы от нас. Накануне ее приезда в Париж Шамси снял роскошный дом. Позже материальные трудности вынудили перебраться в дом попроще, затем еще проще, после еще... И вот, наконец, переехали сюда, на улицу Массене. Вот так, все ниже и ниже по ступеньке, к простоте и дешевизне. Это уже было традиционно среди эмигрантов. И мои родители прошли сей путь. Когда

отец служил министром в правительстве Азербайджанской Республики, Амина снимала очень дорогой дом на Шан-Элизе. Но приход большевиков и арест отца вынудили ее перебраться в небольшой дом на улице Помп. Позже все переехали в эту милую квартирку на Луи-Буали. К этому времени дела на родине стали совсем плохи - большевики и не думали оставлять власть! Эта квартира была последним нашим удовольствием и началом худших дней. Ровно через год мы скатились к самой последней ступеньке и не избежали участи других, прошедших этот горький путь.

Через несколько дней после моего приезда в Париж Зулейха повела меня на встречу с Жозе. Он жил в художественной мастерской на улице Жан-Виало. В те годы эта улица напоминала деревенский пейзаж: маленькие домики утопали в зелени и цветах. Мы вошли в дверь над которой была надпись «Плотник-столяр». Прошли во двор, где пахло деревом и опилками, слышались звуки пилы и молотка. Справа стоял маленький домик с застекленной верандой. Здесь и находилась мастерская Жозе. Зулейха считала себя тут своим человеком, поэтому толкнула дверь без стука. Дверь отворилась – Жозе никогда не запирали ее. Зулейха вошла, за ней и я. Меня волновала наша грядущая встреча с художником, очень хотелось познакомиться поближе с жизнью творческого человека, о которой имела весьма скудное представление.

Но, то что открылось моему взору, заставило пережить некую растерянность. В комнате был ужасный беспорядок. Кругом валялись какие-то предметы, тубики с краской, громоздились табло, холсты и рамы, на разбросанных повсюду вещах лежал толстый слой пыли. Некоторые табло стояли на мольбертах, другие выстроились вдоль стен или были прислонены к мебели. Большую часть помещения занимал холст на подставке. Чтоб пройти мимо этого сооружения через все преграды нужно было умение. Мастерская Жозе напоминала базар Пюсм, где мне довелось побывать несколько позже. Но сходство с базаром было очевидным. В мастерской стоял обогреватель с обломанной ручкой, кругом валялась одежда, пустая стеклянная тара, старая

гитара с оборванными струнами, ваза из папье-маше с искусственными розами и прочий хлам. А от самой груды этого барахла исходил смешанный запах пыли, масляных красок и кофе, который приготовил для нас Жозе.

Посреди всей этой груды хлама, с палитрой в левой и кистью в правой руке, стоял мой будущий зять. На нем были штаны из грубой материи и чистая белая рубашка с расстегнутым воротом, откуда виднелась волосатая грудь. Широкий и плоский лоб делали голову Жозе несколько странной, довольно необычной формы. У него были миндалевидные глаза и длинные, как у лошади ресницы. Внешне он походил на древних египтян: в нашем представлении они были такие же плосколобые, смуглые и широкоплечие. А по характеру он был довольно веселый малый, смешливый, как ребенок. Правда, за этой веселостью чувствовалась грубость и суровость. Говорил Жозе свободно и раскованно, не стесняясь в выражениях, как простолюдин и плебей. Но мог быть и учтивым. Такой расклад сбивал меня с толку. Жозе был словоохотлив и улыбчив. Казалось, он способен и черта к себе расположить. А уж какой он был художник! Его мастерство не вызывало сомнений и очаровало меня. Жозе так обаял меня искусством, что я перестала замечать и толстый слой пыли в комнате, и пятна масляной краски на грубых штанах. Эти вымазанные краской штаны стали для меня символом художественного мастерства. Я поняла, что для настоящего художника чистота и порядок не имеют никакого значения. Правда, когда в дальнейшем мне довелось познакомиться с опрятными и чистоплотными художниками, я изменила свое мнение.

Увидев нас, Жозе отложил палитру кисть и подошел ко мне. Он долго и внимательно разглядывал меня. Совсем как лошадь, выставленную на продажу. А потом довольно произнес: «Хорошая девушка!» Затем, раскинув руки для объятия, Жозе подошел к Зулейхе. Очень скоро я увидела, как переменчив нрав Жозе. Он, подобно ребенку, мог и плакать и смеяться одновременно, был по природе человеком очень эмоциональным. Радость при нашей встрече скоро сменил раздраженный крик.

– Ладно! Ладно, скажи, когда ты, наконец, поговоришь с отцом... я не считаю свою семью недостойнее твоей. Возможно, даже наоборот. Конечно, я не из семьи бывших нефтяников, но... – ударив кулаком по столу так, что задрожала посуда, возмущался Жозе.

Его грубость и неучтивые слова о нашей семье неприятно удивили меня. А Зулейха, наоборот, была невозмутима. Она преспокойно ответила своему шумливому испанцу:

– Ты сам знаешь, что дело не в семье, а в вероисповедании.

– Болтовня все! При чем тут религия? В моей семье все такие же католики, как в твоей мусульмане. Думаешь, моя бедная матушка будет в восторге от такой (тут он осекся посмотрев в мою сторону)... от иностранки, которую я ей предоставлю в снохи? Я решил. Теперь ты решай. - Жозе говорил, как настоящий грубиян. Но, когда речь шла о его матушке, он всегда прибавлял слово «бедная». Возможно, хотел подчеркнуть ее вдовство.

Заносчивая Зулейха была растерянна и подавленна. Она пасовалась перед своим избранником. Видеть ее такой было непривычно, и мне, если честно, это доставило удовольствие. Выходит, она и перед отцом проявит слабость. Нет, не хватит у нее духу перечить ему! Значит, Зулейха вовсе не так тверда, как мы думали! Хвальбушка!

Зулейха попыталась исправить положение и, изменив тон, сказала:

– В нашем обществе не говорят на языке извозчиков...

– Это в каком таком обществе? Ты же сама рассказывала мне о ваших диких обычаях! Предупреждаю тебя, детка, терпеть твое притворство больше не буду. Или я – или твой отец! Выбирай!

После таких слов продолжать разговор не было смысла. Жозе налил себе стакан красного вина и выпил его залпом. Поняв серьезность разговора и осознав свое поражение, Зулейха, вздохнув ответила:

– Хорошо, обещаю, что завтра или послезавтра... Словом, до конца недели переговорю с отцом.

То ли от этих слов, то ли от выпитого вина Жозе накинута на Зулейху, сидевшую на софе. Они стали обниматься, целоваться, да так жарко, что забыли о моем присутствии. Я забеспокоилась: они забывали о приличиях! Если так пойдет дальше, я могу стать свидетельницей их соития. Упаси Бог! Совершенно растерявшись, я стала искать место, где спрятаться, но тут вдруг услышала слабеющий голос Зулейхи:

– Выйди, прогуляйся немного по улице. Там так много красивых мест! Минут через пятнадцать вернешься...

Я поспешила к двери. Хотелось поскорее уйти и не видеть этого срама.

– Вот, наконец, ты и познала «прелести» свободной жизни, – думала я. – Любуйся на это бесстыдство!

У самых дверей я вновь услышала голос сестры:

– Постарайся не заблудиться. Запомни номер дома. – Зулейха была верна себе! Она и в такую минуту не теряла самообладания...

Впервые в жизни я гуляла по парижской улице одна. Здесь было, и вправду, очень красиво: маленькие домики, уютные зеленые дворы. В густых кронах щебетали птички – то было щебетание парижских птичек. Я все еще не могла поверить, что нахожусь в величайшей столице. Деревья вдоль заборов, увитых цветущими лианами, свежая трава, которая зеленеет и без полива – все это создавало путаницу в мыслях. Деревья, цветы и птицы навевали думы о грядущем счастье. Но в каком лице предстанет оно? Узнаю ли я его? Прогуливаясь по пригородной улочке, я вышла на большую улицу большого города. Через нее был перекинут резной мост. Я остановилась и осмотрелась: сначала влево, потом вправо.

– Хочешь иди налево, хочешь направо, назад или вперед – все равно кругом Париж, – подумала я.

По мосту с шумом и звоном проехал трамвай. Мимо меня проезжали автомобили. Молоденькая девушка, торговавшая цветами, предлагала их проходим. Она и мне протянула цветок. Захотелось сделать себе подарок и купить его, но денег с собой не было. Французских денег я еще даже не видела.

В них пока не было необходимости. Ведь в краю счастья деньги были не столь важны. Этот мир, созданный моим воображением выше них.

Пятнадцать минут давно истекли, но я продолжала бродить по Парижу и эта прогулка навсегда запечатлелась в моей памяти. Но нужно было возвращаться. Так не хотелось! Я возвращалась в мастерскую Жозе без всякой радости. Войдя в комнату, заметила, что уныние обуяло только меня одну. Жозе и Зулейха, наоборот, были очень веселы и уверены в себе, у них блестели глаза, а лица пылали жаром. Испанец решил, видимо, дать мне урок жизни и совершенно бесцеремонно спросил:

– Секс просто замечательная штука! Не так ли детка? Согласна?

Он считал, что близость с моей сестрой дает ему право вести со мной такую беседу. Но я, забыв о стыдливости, громко и с уверенностью ответила:

– Нет, не согласна!

Жозе с сожалением посмотрел на Зулейху.

– Девчонка что, совсем спятила?

– Она еще ребенок, – с негой в голоске протянула Зулейха. – Вот дойдет до моих лет...

Она глубоко вздохнула, воображая, что ее двадцать два года достаточно зрелый и мудрый возраст. Меня раздражал этот неприличный и неуместный разговор.

– Очевидно вы не представляете себе, что значит секс с моим мужем, – с обидой в голосе сказала я, обернувшись к Жозе.

– Нет, душечка, я далек от таких вещей. С мужчинами я не сплю. Хочешь сказать, что он животное? Он сношается, как бык?

Я не знала, как это делают быки, но смысл был мне ясен.

– Не знаю. Но он мне противен. Больше мне не хочется заниматься этим... Когда-то в детстве наша кузина Гюльнар вводила меня в курс дела. Уж она-то была осведомлена в этом вопросе! Уроки интимного свойства, которые давала мне Гюльнар сулили большие радости в будущем. Но этого не случилось. В пятнадцать лет меня выдали замуж за нелюбимого человека и с

тех пор мысль о близости с женщиной вызывает у меня омерзение. Наверное, должно пройти немало лет, чтоб изменить мое отношение к сексу.

Я думала моя исповедь вызовет насмешки. Но Жозе отнесся к ней с пониманием. Он подошел ко мне и по-отечески ласково сказал:

– Ну и хорошо, малышка, ну и ладно. Целомудрие очень большая ценность.

После он рассказал о совей землячке по имени Тереза Авила. Я ничего не знала об этой женщине. Жозе говорил о ней много интересного. Как оказалось, она была не только хорошей писательницей, но и чистой женщиной, посвятившей себя служению Богу. Как и Жозе она была родом из Кастилии, но к вопросам нравственности относилась иначе, чем он. Тереза жила в одном из женских монастырей, и тамошние строгие правила сделали ее еще суровее. По рассказу Жозе я поняла, что он с большим уважением относится к своим целомудренным родственницам. Его «бедная матушка» овдовела в сорок лет и больше не выходила замуж. И о своей сестре Анне-Марии, сохранившей свою чистоту и невинность, он говорил с гордостью. Жозе считал этих женщин образцовыми. Поэтому он приветствовал мое решение оставаться в чистоте телесной. Ведь и я, можно сказать, почти свояченица ему. Сам он был далек от такой чистоты: мужчине трудно совладеть со своими страстями, и он боялся нарушить запрет, если б решил принять обет безбрачия. К тому же, он художник. А творческий человек должен пережить разные чувства. Поэтому лучше быть свободным от запретов. Раскованность и независимость Жозе – художника, его испанское происхождение уравновешивалась суровостью, доставшейся в наследство, вероятно, от мавров. Часто у людей наблюдается раздвоение – у Жозе оно было явным. Он с одинаковым пылом пропагандировал и достоинство, и недостаток.

После нашего знакомства в тот летний день мы очень подружились с Жозе, и эта дружба продолжалась даже после его развода с Зулейхой через десять лет. Да, выражение «всякое начало прекрасно» очень подходило ко-

гда-то к нашей семье. Но принципы, по которым она создавалась и существовала постепенно слабели и, в конце концов, окончательно утратились.

Прежде Зулейха спала по ночам, но теперь, как я заметила, ворочалась в постели, глубоко вздыхала, а иногда плакала. Мне было жаль сестру которая столкнулась с нетерпеливостью Жозе. Он торопил ее, угрожал покинуть и вернуться в Испанию. Зулейха не верила в это, но не хотела рисковать. А вдруг действительно бросит и уедет? Это был риск сродни риску карточных игроков – опасность проигрыша всегда присутствовала. Всякий раз после очередных угроз Жозе Зулейха собиралась поговорить с отцом. Но этому всегда что-нибудь мешало. И все начиналось заново.

Вот так, не смея принять окончательного решения, влюбленные протянули время до осени. Это была моя первая осень в Париже. В парке Мюет спадали с деревьев, кружа и порхая, желтые и красные листья. Украшая землю чудными узорами восточных ковров. Дети играли с разноцветной листвой. Воздух становился гораздо прохладнее, дни становились короче, а Зулейха все никак не отваживалась открыться отцу. И тогда Жозе, рассердившись на нее, объявил о своей измене. Может быть, это не было правдой, и он хотел лишь припугнуть ее. Женщин-то кругом предостаточно. Но Жозе совершил еще один хамский поступок. Он вызвал Зулейху и грубо сказал: «Ну все! Иди спи с другими...» Зулейхе вовсе этого не хотелось. Она долго рыдала и даже пригрозила Жозе самоубийством. Наконец, решилась пойти на риск и поговорить в отцом, всерьез опасаясь потерять любимого.

Вернувшись домой, Зулейха выпила для смелости чего-то очень крепкого и приняла какие-то возбуждающие пилюли. После этого она несмело прошла в комнату, где отец занимался своими делами. То ли от выпитого, то ли от страха, но на пороге она споткнулась и чуть не упала. Дверь оставалась полуприкрытой, и я воспользовалась этим, чтоб подслушать объяснение сестры с отцом. Можно было даже и заглянуть внутрь.

Дрожащая Зулейха уселась на стул, прямо напротив отца. Но он не обращал на нее внимания и по-прежнему раскладывал пасьянс. Так, молча она

просидела какое-то время. Потом я увидела как Зулейха показывает отцу на нужную карту. Мне показалось, что сестра забыла о цели своего визита и подключилась к игре.

– Ну и все! Снова не получилось, – подумала я.

Но любовь сильнее смерти! Вот и сейчас она победила страх. Зулейха, глядя прямо в глаза отцу, упавши от волнения голосом начала:

– Отец...

– Что случилось? – отец поднял голову. Он думал, что Зулейха снова хочет сделать ему подсказку. Но она опустила глаза и побелевшими губами произнесла в одно дыхание слова, которые давно сдавливали горло:

– Я хочу выйти замуж за художника – испанца. Он – католик.

Отец ответил сразу, даже не раздумывая. Его ответ был удивителен и в то же время прост:

– Замечательно! Тебе кто-то мешает?

Он произнес эти слова как-то весело, понимая волнение дочери. А после снова уткнулся в карты, раскладывая пасьянс. Зулейха, разинув рот, ничего не соображая смотрела на отца. Она была готова услышать что угодно, но только не это! Зулейха не могла отвести глаз от отца, а он продолжал раскладывать карты. Прошло несколько минут. Карты легли не очень удачно, и вот отец поднял, наконец, голову:

– Глупая девка, думала, я убью тебя за то, что ты хочешь выйти замуж за христианина?

Отец собрал карты, перемешал и стал вновь аккуратно раскладывать на столе. Знаете, что сделала в тот момент моя дурная сестрица? Она пустилась в рев! Она плакала от волнения, от радости, от благополучного исхода. А может быть от обиды, что до сих пор не отваживалась на разговор и сама толкнула Жозе на измену. Наконец она с болью с голоса произнесла:

– Эх, отец! А я так боялась сказать тебе это!

– Дуреха, ты считаешь меня отсталым человеком старых взглядов? Конечно, я хотел бы оставаться в Баку, выдать вас замуж за мусульман из хо-

роших семей. Хотел бы снова стать хозяином своего добра, когда-нибудь быть похороненным в земле своих предков. Но не судьба... На все воля Аллаха.

Отец еще раз посмотрел на карты, надеясь увидеть в них положительный исход. Затем спросил Зулейху:

– Что он за человек?

Утерев глаза и нос, Зулейха принялась расхваливать Жозе, слишком уж преувеличивая. А это сможет оказаться не на пользу тому, кого хвалят и поставить его в неловкое положение.

– Ах, отец, он такой красивый, такой умный! Он любит меня. Очень любит. По его лицу сразу видно, как он умен. Он читает на память стихи Виллона. (Это средневековый поэт). Жозе и сам сочиняет стихи. Он будет известным художником и замечательным семьянином. Его произведения напоминают работы Гойи и Веласкеса. Нет, скорее, Гойи. Он очень уважительно относится к тебе, характер у него очень близок восточному. Знаешь, ведь мавры долгое время правили Испанией и оказали на испанцев большое влияние. Жозе любит восточную музыку. Обожает Альгамбру за ее восточный стиль. Во многом, но похож на нас, мусульман. А семья его из знатного испанского рода. Ты не волнуйся, если Шамси начнет придираться к его происхождению. Сам знаешь, какой этот Шамси заносчивый. Пусть он не сомневается в родовитости Жозе, уверяют тебя, у него замечательная семья. Ведь для нас, собственно, происхождение не имеет значения. Не так ли? И твой отец был простым крестьянином. Главное – человечность. Поверь, у Жозе золотое сердце. Он беден, но добр. Да и не всегда же он будет бедным! Жозе в будущем станет как Гойа. Скоро он заработает кучу денег! Кстати, вчера он продал две свои картины.

Красноречии Зулейхи било фонтаном и, кажется, она сама приходила в восторг от сказанного. Она еще долго говорила бы, но остановилась, чтоб перевести дыхание и посмотрела на отца: что же думает верховный судья? Но верховный судья со свойственным ему спокойствием произнес:

– Если хоть четверть из сказанного тобой правда, я согласен. Я готов с ним встретиться в любое время.

Зулейха вскочила с места и кинулась целовать отца. Отец насупил свои густые брови, он не любил таких нежностей. Вообще, в нашей семье легкость в отношениях не приветствовалась. Но сейчас причиной его сердитого выражения лица было нечто иное:

– Что это? От тебя пахнет вином! Как это понимать? Если тебе угодно стать женой христианина – воля твоя. Но пристрастие к выпивке негодное дело.

– Нет-нет, поверь, я выпила глоточек для храбрости! Обещаю тебе, что...

Зулейха уже бежала к выходу, решив тут же помчаться к Жозе. Хорошо, что я была неподалеку и немного задержала ее.

Знакомство с зятем прошло в мирной и дружественной обстановке. Отцу понравились манеры Жозе, особенно его уважительное отношение к старшим и верное понимание обстановки. А Жозе так быстро приспособился к новым условиям, что очень скоро после знакомства с нашей семьей уже исполнял кавказский танец с кинжалом. Говоря о большевиках, Жозе прибегал к выражениям типа «они разграбили наше добро». Так он сетовал на большевистскую власть, беседуя со своими друзьями. Порой, его искренность хоть и раздражала, но его прощали. Одним словом, кроме Шамси, Жозе понравился всем членам семьи. Шамси не воспринимал такое родство. Простой художник, христианин, голодранец! Но отец хладнокровно отвечал на эти нападки: «Этот парнишка очень мил. Кроме того, надо принять во внимания иные времена».

– Я бек! Я принадлежу дворянскому роду! Почему я должен родниться с этим мазилой и плебеем? – закипал Шамси.

Вероятно, он забыл, что богатый дедушка его жены тоже в прошлом был простолюдином. Простым безграмотным крестьянином, не знавшим даже азбуки. Но, как бы не артачился Шамси, ему пришлось-таки встретиться с

«мазилой». На его высокомерное приветствие в виде надменно протянутой руки Жозе ответил очень своеобразно. Он прикинулся простаком, внимательно, как настоящий художник, изучал его внешность и заметил вслух, что Шамси несколько монголоидного типа и напоминает Тимура. Это сравнение было удачным и польстило нашему высокомерному Шамси. Ему было приятно отождествлять себя с великим правителем. И хотя он ничего не ответил, я абсолютно уверена, что с того момента его отношение к Жозе заметно смягчилось. Вскоре Жозе перебрался в более просторную мастерскую и они с Зулейхой сыграли свадьбу. Новая мастерская была так велика, что молодожены, устроив перегородки, разбили ее на несколько «комнат». Вся эта скромная площадь обогревалась единственной печкой. Правда, печь и сама была так велика, что на ночь ее приходилось выключать. А наутро, чтоб растопить ее, приглашали истопника. В туалет Жозе установил ванну и назвал это помещение «водяным залом». Можно ли считать все эти «удобства» достаточными для бывшей нефтяной принцессы? Вряд ли. Но в первые годы семейно жизни любовь компенсирует все неудобства и недостатки быта. Сама свадьба была весьма скромной. Не время было думать о пышных торжествах. В католической семье Жозе Зулейха всегда будет чужим человеком. Да и с позиций ислама негоже было предаваться бурному веселью. Предпочтительнее тихая, скромная свадьба. Однако ни Жозе, который был более атеистом, чем христианином, ни Зулейха, имевшая об исламе весьма скудное понятие, ни на что не обращали внимания. Хотя мы еще не могли считать себя представителями новой общественной формации, все таки Первая мировая война, Октябрьская революция и последующие перемены не могли не отразиться на нашем мировоззрении. Прежние традиции постепенно таяли и растворялись.

Несмотря на то, что каждый по-своему относился к подъему и упадку, прогрессу и отсталости, время делало свое дело, ослабляя традиционные устои. Возможно и уничтожая их. Поэтому согласие отца на брак Зулейхи и Жозе не должен был вызывать удивления. А ведь лет десять назад это было бы абсурдом.

Жозе и Зулейха получили брачное свидетельство в 16-м отделении муниципального управления французской столицы. Регистрация брака испанского юноши и беженки-азербайджанки из Баку была заверена государственной печатью, после чего дома отпраздновали это событие. Состоялось несколько необычное испано-азербайджанское торжество. Часть присутствующих гостей-мусульман неодобрительно отнеслась к этому браку. Но и они, согласно обычаю веселились и даже пили. Правда, не вино, запрещенное Пророком, а водку и прочие крепкие напитки. Но именно поэтому и хмелели быстрее. Тут уж гости начинали выплясывать кавказские танцы, громко петь хором и, коверкая французский язык, произносить тосты. Слушать эти тосты просто удовольствие. Пьяные гости несли такую чепуху! Одни поднимали бокалы за «новорожденных!», другие пили за «прогресс», третьи желали молодым нарожать детей, которые станут гордостью испано-кавказского союза. Этих говорунов невозможно было остановить. Единственный выход – просто не слушать. Эх, да им все равно! Дом стал напоминать психушку, которую возглавлял мой отец. Он был доволен. Отец отличался от остальных гостей своей восточной мудростью и сдержанностью. Шамси, как всегда, важничал и пыжился. Он был пьян, но старался не терять достоинства. Зулейха вырядилась во все цвета радуги и нацепила огромные нелепые серьги. Она бестолково улыбалась и, по выражению Шамси, напоминала корову с рекламных щитов. Развешанных по всему Парижу, расхваливающих молочные продукты. В присутствии отца Зулейха не прикасалась к спиртному, но украдкой от него выпивала. Жозе был пьян в стельку. Его уже почти не держали ноги, и язык не слушался. Иногда он пытался что-то говорить, но бессвязно бормотал: «Зулу, этот Боженька... еще чуть-чуть и из-за него мы бы не поженились...» Хорошо, что отец не мог этого услышать. Хотя он и слыл либералом, мог все же обидеться на такие безбожные речи. В священной книге говорится от имени Яхве: «Милосердный христианский Господь явился к своей пастве в образе Спасителя. Аллах же, ниспославший Коран, настолько велик, что мусульмане даже мысль о подобии с ним считают кощунством». Жозе

объединил в своем восприятии была тремя религиями, и называл его «старик Создатель». Он воображал этого «старика Создателя» сидящим на своем недостижимом престоле и посылающим оттуда людям всевозможные страхи и беспокойства. Все запреты, которые ему с детства внушались от имени Бога, рождали в душе Жозе протест и неприязнь.

«Зулу» - тоже неудачная находка Жозе. Сократив таким образом имя Зулейхи, он рисковал попасть в немилость к французам. Ведь это имя напомнило бы им сына Наполеона III, погибшего в одном из его неудачных походов. Но на нашем торжестве Францию представлял только один человек, да и то метис: его мать была грузинской княгиней.

Этот гость тоже был очень пьян. Но он все же пытался сохранить свое достоинство. Замечу, что он из рода Мюрата, потому и вправе был гордиться своим происхождением. Но самое удивительное – он так походил внешне на своего знаменитого предка! А ведь прошло не одно поколение!

Далеко за полночь молодые покинули нас. Чувствовалось, что для брачной ночи они вовсе не в форме.

КАРТИНА КОЧЕВОЙ ЖИЗНИ

Наконец-то Зулейха вышла замуж. Моей же заветной мечтой был развод. Джамиль часто писал мне из Стамбула. Эти письма, исполненные мольбой, причиняли мне страдания. Я воспринимала их, как дурную весть. Распечатывая конверты и читая ровные, аккуратные строчки, я каждый раз видела перед собой его постылое лицо и испытывала чувство болезненной неприязни. В письмах описывалась старая история односторонней любви. Одна сторона любила и страдала, другая была безответна. Если бы до конца честной, если б не я, Джамиль не оказался бы в Стамбул совершенно одиноким. Ему незачем было покидать Баку, даже захваченный большевиками, и ехать в чужие края. В Стамбуле у него ни денег, ни друзей, ни надежды на будущее! А я сбежала от него в далекий Париж. По содержанию писем было видно, что

Джамиль испытывает материальные и моральные трудности. И моей вины в этом немало. Я и жалела, и ненавидела его одновременно. Его любовь рождала во мне озлобленность. В то же время было приятно сознавать, что ты доставляешь любовные страдания мужчине. Я даже сравнивала себя с холодными и жестокосердечными героинями кинофильмов и получала от этого удовольствие. Мало кому знакомы такие противоречивые и взаимоисключающие чувства. Из жалости я отвечала на письма Джамии, стараясь намеками довести до него свои мысли. Хотелось чтоб он понял, наконец, невозможность нашего дальнейшего супружества. Даже мысль об этом для меня болезненна!

Амина дала мне понять, что и отец считает мой развод возможным, понимая несостоятельность этого брака. Мысль о разводе давала мне крылья, уносила в мир надежд. Сжимая в руке миниатюрный Коран с серебряным тиснением, я молила Бога о разводе, который дал бы мне желанную свободу. Для Джамии же он станет горьким событием... Что ж, судьба одинаково жестока обошлась с нами обоими...

Некоторое время наша семья жила неплохо. Это благодаря жемчужному ожерелью. Отцу удалось выгодно продать очень дорогой жемчуг, и какое-то время вырученные деньги позволяли нам жить безбедно, не думая о будущем. Отец и сам боялся думать о будущем. Он часто обращался к Богу, смирившись с тем, что и богатство и бедность – его воля. Не стоит зря суетиться. Большую часть времени отец раскладывал на столе пасьянс, часто подтасовывая расклад в свою пользу, обманывая себя таким образом. Я замечала эти умышленные «ошибки», но мужества корить его не хватало.

Амина тоже жила праздно и видимой пользы домашнему хозяйству не приносила. Наоборот, пустые занятия лишь увеличивали расходы и затраты. Она то и дело посещала парикмахерские и ателье, играла в «махйонг» с дамами, такими же эмигрантками, живущими прошлым и все еще причисляющими себя к высшему свету. Братишка же рос под надзором воспитателя. Воспитатель, пожилой человек, вел себя не очень учтиво и часто, забывая о

своим положением в доме, досаждал мне вниманием. Когда он говорил о своих планах на будущее, меня коробили его недвумысленные намеки. Старик раздражал меня своими намеками! Но, я быстро забывала все, когда, просыпалась утром, осознавая, что живу в Париже и совершенно свободна. Это так меня радовало! После замужества Зулейхи и у меня надежда на счастливое будущее возросла. Я подносила чай женщинам, собиравшимся за картами в нашем доме, слушала их разговоры и уже привыкла к пустой болтовне, которая прежде меня удивляла. Самую большую радость доставляло мне посещение семьи Жозе и Зулейхи по воскресным дням. Я называла эту парочку «Жозезу», объединив их имена. Вечный беспорядок в их доме давал мне ощущение свободы и фантазии – то, что я любила более всего. Жозе и Зулейха находились в постоянном окружении несколько взбалмошных, но довольно приятных творческих личностей. Приходившие однажды в их дом, обязательно возвращались сюда. Дом напоминал одновременно Вавилонское столпотворение, художественную мастерскую, салон высшего общества, торговые ряды и корриду, потому что приходилось писать не только художественные полотна, но и коммерческие картинки. Ведь надо на что-то жить! В доме «Жозезу» велись самые разнообразные беседы. Тут говорили не только на всех европейских языках, но и на иных, малознакомых. Можно было, к примеру, услышать грузинскую или чеченскую речь. Было много смеха, споров и даже скандалов. Склоки и дразги часто возникали между Жозе и Зулейхой, так как оба они были очень эмоциональными и вспыльчивыми.

Как ни старалась Зулейха, навести порядок в мастерской Жозе было невозможно. Она вытирала пыль, собирала разбросанные повсюду вещи Жозе, вела отчаянную борьбу с мышами. В этой борьбе Зулейха терпела поражение за поражением: мышам удавалось изымать приманку из ловушки и мышеловок, благополучно минуя опасность, а отравленные зерна поедались ими без всякой угрозы для жизни. Никакая отравка не действовала на этих тварей, закаленных борьбой за существование! В конце концов пришлось завести трех котов. Все трое были огромными, жирными и избалованными, любили когда

их ласкают и гладят. Но коты не бездельничали. Они не только добросовестно ловили мышей, но и позировали художникам в качестве моделей. Жозе и Зулейха обращались к своим любимцам на «вы» и требовали этого от других.

- Зачем это нужно котам? Не велики ли почести? – удивлялись некоторые.

Наверное они завидовали их кошачьей судьбе, их сытой и довольной жизни. Одним из таких людей был русский эмигрант Иван Петрович. Он вел одинокую, ленивую, беспечную жизнь, существовал за счет подачек и догов. Это был самый знаменитый парижский лжец. Его выдумкам позавидовал бы любой писатель. Если, к примеру, велся разговор об Эйнштейне, Иван Петрович тут же встречал и начинал рассказывать, как во время какого-то застолья поразил великого ученого своими математическими знаниями. Стоило заговорить о Троцком, как Иван Петрович убеждал всех, что был знаком с известным революционером и во время тайных встреч инструктировал его. Вот, если б Троцкий прислушался к совету Ивана Петровича, то избежал бы поражения! Когда же кто-то говорил об охоте на куропаток или на зайцев в Салонии, Иван Петрович с грустной и многозначительной улыбкой начинал рассказывать об охоте на медведя в Сибирских таежных лесах. Бывало, он даже вступал с медведем в рукопашную схватку, и, безоружный, душил могучего зверя! Иван Петрович, великий выдумщик, так складно и занятно излагал свои повествования, что все слушали его с удовольствием. Было ясно, что он врет, но делал он это мастерски. Высокий, русоволосый Иван Петрович, рассказывая свои небылицы, околдовывал окружающих взглядом голубых глаз; менял тон, подражал пению птиц, гудку паровоза, кашлял, когда шел разговор о чахоточном, ревел, как медведь в картинах охоты. Он был не только замечательным рассказчиком, но и очень красивым мужчиной. Поэтому никто не обращал внимание на его вранье, слушая все эти байки. Вообще-то дармоедство в крови у русских и имеет такие давние корни, как царизм. Эта национальная черта очень часто отражалась в русской литературе. Интересно, почему социологи не изучали эту самобытную традицию на Свя-

той Руси, так тесно связанную с ее историей? Живет ли эта традиция там и сегодня?..

Да, я забыла сказать, что мастерская «Жозезу» была окружена закрытым двором и соседей у них не было. Это давало возможность часто устраивать гулянки, не беспокоя окружающих. Жозе любил устраивать шумные воскресные «посиделки», и все приходили на этот островок со своими гостинцами, чтобы провести время «в свободной обстановке». Некоторые приходили и с пустыми руками – главное составить приятное общество. Все чувствовали себя одинаково свободно и раскованно, ели, пили, спорили, плясали, паясничали. В редких случаях не происходили сцены, напоминающие настоящую корриду. Жозе и его кузен Альмерья были любителями корриды и очень часто вели шумные споры на эту тему. Невысокий, худощавый Альмерья, с горящими глазами и резкими движениями, хватал кусок алой ткани и тряс им перед Жозе, приговаривая: «Ну, иди! Иди, глупец» Конец твоим рогам!» А после он демонстрировал всевозможные движения, как заправский тореро. Жозе терялся и, мешая французские и испанские ругательства, бранился. Но, Альмерья не обращал на это внимания и продолжал представление. Он напоминал персонаж какого-то романа, какой-то странный типаж. А его неопытность, беспечность просто поражали. Интересно, он хоть когда-нибудь мылся? Где еще его кормят, кроме нас? Есть ли у него какой-нибудь документ, удостоверение личности? Все ночи напролет, он либо что-то писал, запершись в комнате, либо краснобайствовал на гулянках. Болтать он любил больше, чем есть. В его голове роились всякие беспорядочные мысли. Стоило их как-то упорядочить, Альмерья начинал говорить без умолку, пока не доведет до конца всю тему. Он был хорошо образован, и мог говорить и говорить. Особенно удавались ему любовные темы. Когда Альмерья говорил о любви, его голос принимал жалобные оттенки. Он жаловался на женщин, огорчался их невниманием к своей персоне.

– Они не замечают меня! В упор не видят! – сокрушался Альмерья.

А он так желал любви! Любовь же избегала несчастного Альмерью. Он считал свои старания в той области пустыми и бесполезными. Неужели это так? Все свои страдания, любовные неудачи и разочарования Альмерью излагал в стихах. Стихи были самым главным для него, смыслом жизни.

Однажды я повстречала Альмерью на улице. Он шел один, жестикулируя и говоря сам с собой. Едва не пройдя мимо, вдруг заметил меня и остановился. Мы впервые встретились наедине. Я вынуждена была терпеливо выслушивать его ворчание в течении пятнадцати минут. Альмерья жаловался, что я делаю вид, будто не замечаю его. Как все остальные женщины, не придаю значения его личности, и это для него равносильно смерти. Я остерегалась Альмерию Он напоминал мне героев таких писателей, как Достоевский. Понять таких людей до конца нелегкое дело.

В окружении «Жозезу», где преобладали испанцы, русские и кавказцы, стали появляться и французы. Они тоже примкнули к этой куче космополитов.

Помните я рассказывала об одном человеке из рода Мюрата? Да, тот самый, у которого отец француз, а мать грузинская княгиня. Был еще один француз, барон Барвик, тоже из достаточно известной и уважаемой семьи. Он был потомком французского маршала Жака II и Жака Стюарта. У него было редкое и гордое имя – Хельон. Красивый был мужчина! Он любил театр и брал нас с собой на спектакли. Когда-то в юности и он со своей возлюбленной, актрисой, играл в любительских спектаклях, исполняя главные роли.

Дама господина Хельона была женщиной веселого нрава. Но ее, тем не менее, раздражали грубые или непристойные шутки Жозе. Она так бурно возмущалась, что вызывала у нас смех.

– Жозе, оставь меня в покое! – охая и ахая, краснея и обижаясь, нервничала эта дама. Она вставала, желая уйти, но тут же снова садилась. Несмотря ни на что, она все равно приходила на наши вечеринки, потому что здесь было очень интересно. Эмигрантов становилось все больше и больше, и у нас собирались люди из известных фамилий и всякого рода знаменитости. Был

среди наших гостей очень богатый московский купец, любитель и знаток им-профессионализма, сын известного коллекционера, приобретшего множество полотен импрессионистов, Иван Штюкин. Мы называли его «наш Ванечка». Он вырос среди полотен прекрасных художников и был большим знатоком и целителем искусства. Мы с большим удовольствием слушали беседы об искусстве, которые вел Ванечка. Был в нашей компании и царский генерал – вся грудь в орденах! За красоту и статью он был принят танцором в одно русское кабаре. Он был грузин и пел необычные грузинские песни тех времен, когда его родина была большим царством по соседству с Византией. В составе белой гвардии Тваридзе воевал в Сибири. Во время войны он потерял жену и ребенка, пережил трагедию сотен тысяч подобных себе. Генерал был молод, но сед, как лунь. Зато черные горящие глаза, изящной формы нос делали его очень привлекательным. Он говорил по-русски с характерным грузинским акцентом. Точь-в-точь как его ужасный земляк Джугашвили – Сталин. Пел грустные песни под аккомпанемент гитары, потом постепенно веселел и, наконец буйствовал. Некоторые говорили, что он ненормальный, но многие завидовали. В конец концов он заморозил (еще бы!) одну богатую американку, которую пригласил на танец в своем кабаре. Американская миллионерша потеряла голову, очарованная красотой и манерами бывшего генерала. Надо сказать, что, как и большинство грузинских эмигрантов, его считали князем. Американка была влюблена по уши, и они поженились.

Я не намеренна рассказывать подробно о каждом, кого встречала в доме «Жозезу». Многие из этих людей не представляли никакого интереса, так и не сумели найти своего места в жизни и остались на ее обочине. Как возникает симпатия к человеку, к семье, к дому? В доме «Жозезу», безусловно, интерес вызывали прежде всего, они сами, а потом уж их окружающие, самые разные люди. «Жозезу» удалось создать обстановку, где представители разных культур, религий, социального происхождения смогли найти точки соприкосновения и с удовольствием общаться. Мой зять Шамси презрительно называл этих людей «кучкой голодранцев», «мазилами», считая их пара-

зителирующим за счет состоятельных хозяев. Как-будто забыл, что приключилось с «хозяевами» совсем недавно! А кто же тогда он сам? Нет, конечно, Шамси ничего не забыл. Просто верил, что это временно... Как только Россия возродится, все изменится. Меня такая перспектива не радовала. Манящий свет неведомой свободы был мне милее нефтяных скважин, ислама, Кавказа. Я еще не видела черных пятен в палитре Парижа, не изведала еще грядущих тягот, верила в свободу и стремилась к ней. А пока жила своими иллюзиями и, благодаря своим знакомым приобщалась к «жизни актеров».

В доме «Жозезу» бывали и артисты. Общение с ними доставляло мне радость и в дальнейшем привело в главный штаб международной эмиграции. Дорога к нему лежала через троицу Дом – Ротонд – Купол, спускалась к шестнадцатому округу и оттуда доходила до Монпарнаса. Здесь собирались представители «смутных времен», достаточно знаменитые люди. По большому счету, «смутными временами» считался исторический отрезок от конца Первой мировой войны до Великой депрессии 1929-1930 годов. Тогда мы еще не знали, как будет названо это время, но на территории своего центра развлекались до потери рассудка. Это место было так знаменито, что туристы, посетив Версаль и Сакре-Кер, спешили и сюда.

Какими оставались в моей памяти 1925-27 годы? Закрываю глаза и окунаюсь в мир воспоминаний... Перед взором встает кафе, похожее на часть зала Ротонд. Здесь было много испанцев, за что его любил Жозе. Повсюду стоят круглые столики с чашками, бокалами, бутылками, кругом громко беседующие, хохочущие люди. «Хелло! Здравствуйте! Бонджорно! Гутен таг!» – слышится отовсюду. Тут можно услышать все языки мира. Говорят, что художник Ги Арну написал вывеску над своей дверью «Французское консульство» и вывесил французский флаг. Таким образом, он приглашал сюда на «общую родину» всех, ставших чужими, французов.

Жозе был очень общительным, поэтому все вновь прибывшие знакомые подсаживались к его столику – выпивка-то за счет Жозе! Приятели Жозе были в основном испанцы. Зулейха же больше общалась с русскими, большин-

ство из которых – художники. Такие, как Яковлев, Гончарова, Ларионов, Аненков, Щукаев и другие после войны предпочитали творить в Париже. На Родине, в России, была полная разруха, горькие последствия гражданской войны были повсюду.

Известно, что задолго до «белой» эмиграции на Моннарпаса побывали представители «красной» - Троцкий, Луначарский, Илья Эренбург и, самый знаменитый из них, Ленин. Правда, утверждают, что Ленин предпочитал кафе на Монпарнасе посещение Национальной библиотеки. Он приезжал в библиотеку рано утром на велосипеде, пройдя длинный путь от улицы Роз Мари, где находилась его квартира. Сейчас в этой квартире расположен музей, и все экспонаты в нем подлинные. Все тут и по сей день в целостности и сохранности. Даже небольшой тазик, в котором Ленин мылся, стирал одежду, мыл посуду. Этот тазик лучше всяких длинных диссертаций показывает разницу между тогдашним и нынешним образом жизни.

Квартира, в которой жил Ленин, находилась в одном из зданий, построенная в буржуазном стиле. Сейчас в таких Омах нет квартир без ванных комнат. Ленин прожил в Париже около трех лет. Значительная часть русских революционеров находилась тут же. Ленин вел пропаганду известных идей. В то время он написал известную фразу: «Революционный французский пролетариат, имеющий такие революционные традиции, культуру, отвагу и твердый боевой дух не может не создать своей сильной коммунистической партии. Это невозможно!» Он редко посещал собрания на Моннарпаса, но иногда приходил сыграть в шахматы в близлежащее кафе «Ограда из тюльпанов». Столик, за которым он играл, показывали посетителям. Русская интеллигенция, да и русские вообще, очень любили эту игру.

Я отошла от описания «смутных лет» и стала рассказывать о Ленине, чей портрет носила в юности на груди. Но причиной такого отступления являются исторические события. Ленин был в Париже незадолго до революции, и с его «легкой руки» сюда же стекалась «белая» эмиграция. Не будь Ленина, не было бы ни эмигрантов, ни этих строк, рожденных моей памятью....

Кто-то сказал, что Бог написал верно, но неясным почерком, а его противник, князь Тьмы, писал неясно и неясным почерком. Оттого-то и история такая бурная и неясная, найти в ней истину трудно.

Сейчас трудно представить, что когда-то территория Монпарнаса включала лишь бульвар Монпарнас, часть бульвара Распай и пересекающиеся с ними улицы Гран-Шомьер, Делаамбр, Бреа, Станислас и некоторые части других улиц. Вся территория занимала несколько гектаров площади. Но на этом небольшом участке земли появлялись десятки великих людей будущего. Не стану перечислять всех, но достаточно назвать хотя бы некоторых из них, американцев: соединившие в себе красоту и драматизм неподражаемые Зельда и Скотт Фитцджеральд, Хемингуэй, Генри Миллер, Джеймс Джон.

В книжном магазине госпожи Сильвии Бич собиралась американская элита, группа из русских славян и евреев – Шагал, Кислинг, Стравинский, Прокофьев, Куприн, Сутин и другие. А такие как Фуджит, Модильяни, Морсас (Пападиамантопулас), Де Ширико, Пикассо обитали на Монмартре и редко навещали Монпарнас. Словом, многие из этих талантливых людей обрели славу. Но было немало и тех, кто был уничтожен неудачами. Паскин говорил о Монпарнасе так: «Сюда приходят жить и отдыхать». Как бы в подтверждение своих слов он покончил с собой очень жестоким способом. Правда, на Монмартре...

Монпарнас считался деревушкой, а Дом, первый из троицы, домишком. Во что превратился позже этот центр великих людей! Вот так же меняются города, люди, народы. Кто ответит на вопрос: Почему у Монпарнаса такая судьба? Почему легендарное некогда место сегодня превращено в такое обычное? Почему всех, и талантливых, и неудачников, влекло именно сюда? Что привлекало их – дешевое жилье, доступная жизнь? Трудно понять это. Но и то правда, что и в старину на Монт дю Парнас жили и вторили многие, кто был влюблен искусство и красоту. Они трудились, развлекались, любили, гибли тут, в местечке, «посвященном Аполлону и музам».

Все уже в прошлом, но когда я вспоминаю как мы с Жозе сидели в маленьком кафе на улице Компан-Премьер, думая, что где-то рядом могли сидеть Задкин и Модильяни. Как же получилось, что я не заметила этого красивого итальянца, которым позже так восхищалась? Бархатный костюм этого молодого Аполлона «блестел, как агат, умытый дождями и выжженный солнцем». – Эти слова и принадлежат Задкину. Может быть я и видела тот костюм, может быть, даже прикасалась к нему... Но нет, не заметила я его... и очень об этом сожалею. Порой невнимательность лишает нас очень важных и дорогих воспоминаний.

Большинство итальянцев приходили в кафе госпожи Розалин, которая уважала художников и сочувствовал им. Эта добрая женщина кормила их в долг. Поговаривали, что Модильяни отставлял ей в залог свои альбомы с рисунками, а она забрасывала их в чулан, где хозяйничали крысы. Интересно, какова судьба тех рисунков?

А вот Жозе, например, никогда не кормился в долг. Потому, мы с Зулейхой чувствовали себя рядом с ним уверенно, не опуская глаз.

Я хочу сказать еще несколько слов о Модильяни, чья печальная судьба заставляет ныть мое сердце. По своей натуре напоминающий благородного Виллона и случайно оказавшийся в нашем веке, этот необыкновенный человек сгубил свою жизнь пристрастием к алкоголю и дурману. Это было медленное, затяжное самоубийство. Его возлюбленная, Жанна Хебюрторм, прозванная Реймским ангелом, не вынесла смерти любимого и, будучи беременная вторым ребенком, бросилась в пятого этажа. Эти двое продемонстрировали два вида самоубийства: затяжное и внезапное. Желая свести счеты с жизнью делают это либо из тяжелых причин, либо по недомыслию.

На Монпарнасе, где чувственность и переменчивость часто сопровождалась тягой к алкоголю и наркотикам, нередки были и самоубийства. Но это было свойственно не всем людям искусства, потому что среди них немало рассудительных, здравомыслящих и волевых людей. Один из таких примеров – Жозе. Как и всякий испанец, он был склонен к анархии, но упорно трудил-

ся, был старателен и целеустремлен. Если же говорить о знаменитостях, то вспоминается Шагал. Вот яркий образец упорства, воли и самообладания! В своей биографии он пишет о трудностях в годы детства и юности. Раньше он снимал на Монпарансе мастерскую с разбитыми стеклами в окнах и платил за нее тридцать пять франков в квартал. Сегодня найти на Монпарансе мастерскую без единого оконного стекла за двенадцать франков – это все равно, что найти легендарную Атлантиду. Шагал писал: «Все было прекрасно! Я работал всю ночь!» Он писал ночами в слабом свете керосиновой лампы. А из соседних мастерских доносились крики, споры, плач обиженных натурщиц, итальянские песни. Шагал слышал даже шаги Сутина, несущего с базара мертвых кур для натюрморта. Он писал: «Уже неделю не прибираюсь в мастерской. На полу валяются пустые рамки, яичная скорлупа, дешевые тарелки. А я с азартом работаю при свете керосинки». Читая эти строчки, я вспоминала комнату Жозе, где он жил и работал до свадьбы с Зулейхой. Там тоже был жуткий беспорядок и валялась скорлупа. Но в мастерской Жозе горела электрическая лампа. Время керосиновых ламп ушло.

Повествование Шагала дает сжатую картину жизни обыкновенного художника. Здесь есть все: холодная комната, беспорядок, плохое питание, равнодушие к роскоши. Это счастье, когда труд творческого человека вознаграждается успехом, когда талант и упорство приносит победу. Счастлив тот художник, что прошел трудный путь, надеясь и мечтая и достиг своей цели, вознагражденный сбывшимися мечтами. Неудачникам же...

Драматические события Монпаранса не касались меня, молодой, неопытной кавказской простушки. Я не заходила в дебри той жизни, в пьянках не участвовала, а лишь наблюдала за другими, разглядывала предметы. Мне очень нравилось смотреть на все окружающее и изучать его, нравилось это кипение страстей, эта бурлящая жизнь, где смешались племена, народы, языки. Большая часть вечеров проходила за столиками, в беседах и наблюдениях. К нам подходили знакомые «Жозезу», здоровались, садились за наш сто-

лик. Пепельница переполнялась окурками, количество бокалов увеличивалось.

Прежде Жозе проводил за столиком все вечера, выпивая и споря. Но сейчас приходилось нести семейные заботы. Если было очень поздно или какой-нибудь сластолюбец слишком уж заглядывался на меня, Жозе отправлял меня домой. Он серьезно относился к вопросам чести. Стараясь оградить свояченицу от нежеланных ухажеров, Жозе не оставлял меня наедине с мужчинами. От желанной свободы я была еще далека.

Расставшись с миром творческих людей я уединялась в своей комнате. Здесь я чувствовала себя незамужней девушкой, и перебиралась в иной мир мир своих грез, спасаясь от ежедневных забот, трудностей и безнадежности. Утром я продолжала быть юной девицей, прислуживая гостям Амины, подавая им чай, слушая их разговоры. То есть я делала вид, что слушала, а сама предавалась своим грезам. Я начинала скучать и думала: Долго мне еще играть роль прислуги? До каких пор мне суждено оставаться девицей, будучи замужней женщиной? Какое чудо спасет меня и избавит от неопределенности?

«Чудо» случилось через год после моего прибытия в Париже. Очень естественное и обыкновенное «чудо»: наша семья окончательно обанкротилась! Когда было продано последнее ожерелье и истрачены деньги, две служанки и воспитатель моего братишки покинули наш дом. Сами же мы вынуждены были съехать с чудесной квартиры в хорошем квартале. Пришлось искать работу... Из всех новшеств самым сложным была работа. Ведь никто из нас не имел ни профессии, ни каких-либо трудовых навыков. Мы ничего не умели делать! Мы не приспособленные добывать себе пропитание... но судьба сжалилась над нами и, хоть на короткое время, отдалила беду.

Одна из подруг родителей, прежде богатая дама, нашла себе в Париже состоятельного мужа. Она предоставила нам небольшую квартиру и дала немного денег на первое время. Брата отдали в пансион. А для меня мачеха придумала нечто иное. Она решила что с хорошей фигурой можно зарабо-

тать денег и не имея особых талантов. Не подумайте худого! Не приведи Бог! Речь шла о работе манекенщицы. Среди эмигрантов было немало девушек дворянского происхождения, которые работали моделями. Ничего постыдного в этом не было. Наоборот, не каждую девушку принимали на такую работу. К тому же Амина подыскала мне место в известном доме мод Ворт. Прежде она была клиенткой этого модельного заведения. А еще одна приятельница родителей (у нее было неплохое состояние) предложила мне жилье на улице Шан-де-маре. Это была свободная комната для прислуги в большом красивом доме. Ничего не поделаешь, даренному коню, как говорится, в зубы не смотрят.

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Впервые в жизни я почувствовала себя свободной. Свободы было так много, что я даже растерялась. Полному счастью могла помешать, лишь бедность и неуверенность. Но не мешала. Я удивлю тех, кто видит счастье в богатстве – меня радовала даже бедность! Склонность к состоянию бедности была инстинктивной, и жизнелюбие не покидало меня. Это противоречие трудно объяснить. Еще в детстве, живя среди миллионеров, я мечтала о бедности. Возможно, эта мечта обусловлена теми потрясениями, которые богатство приносило нашей родне. Родственники без конца вели разговоры о наследстве и богатстве, грызлись из-за имущества, скандалили, не доверяли друг другу, испытывали взаимные подозрения. Слово, которое я чаще всего слышала на родном языке – «деньги». Они целиком поглощали мысли родственников и были главной темой в вечных спорах. Живя в богатстве и беспечности, я так часто слышала это слово, что, меня стала привлекать жизнь, в которой оно отсутствует. Вероятно, так оно и было. Я рассказывала читателю, как в детстве мечтала жить в убогой лачуге. Не думаю, что эта мечта была плодом образного мышления. И вот теперь она сбылась – я жила в лачуге! То была маленькая комнатка с круглой застекленной форточкой вместо окна. Комната не отапливалась, воды здесь не было. Современная

комната для прислуги так не выглядит! Во всех приличных домах такие комнаты подключены к системе отопления, снабжаются водой. Есть в них и душевые. Конечно же, за это следует благодарить прогресс и профсоюзы, которые осуждали «эксплуатирующий класс» и защищали интересы «эксплуатируемых».

Моя комната была очень маленькой. Здесь стояла железная кровать, деревянный стол и один стул. Была и какая-то непонятная подставка. Я поставила на нее кувшин для воды, превратив в туалетный столик. Вешалки, прикрытые занавеской, заменяли платяной шкаф. Была тут и керосиновая плита. Вот и все. Конечно, я рассчитывала когда-нибудь в будущем сменить и эту комнатку, похожую на келью, и свою жизнь переменить. Я верила в счастливые перемены, жила этой верой, хотя порой сомнения подтачивали мои надежды.

Итак, я пришла в фирму ВорТ, что на улице Пе. Сердце колотилось в груди, коленки тряслись от волнения. Я знала, что здесь принимают на работу худеньких девушек и боялась отказа – бедра у меня широковаты. Даже Шамси, посмеиваясь, говорил, что с такими ляжками меня будут гнать кнутом из дома моделей. Он приводил в пример некий исторический факт и делал пошлые сравнения.

– Русские послы явились к скандинавскому королю Рюрику и сказали: «Наша страна велика, но порядка в ней нет. Придите, возьмите власть в свои руки и руководите нами», – язвил Шамси. – Скажешь своему будущему мужу: «Мои бока широки, надо привести их в порядок. Возьми их в руки и управляй».

Я смеялась этой грубо шутке. Когда мы оставались наедине, Шамси валял меня по полу, приговаривая, что такие упражнения могут сделать мои бока изящнее.

Я праздновала победу: меня приняли на работу манекенщицей! Женщина, проводящая отбор, внимательно осмотрела мою фигуру и промолчала. Хозяин ателье тоже оглядел меня и взял на работу. Правда, без особой охоты.

Какая мне разница? Главное, в начале следующего месяца я приступаю к работе. Осталось всего несколько ней. Я была невообразимо счастлива. Даже не мечтала быть манекенщицей – свободной и независимой! Оставалось с нетерпением ждать наступление того заветного дня, который переменит и украсит мою жизнь. В ожидании этого чудесного дня я стала обустриваться в своей новой лачужке.

Самое опасное в моем жилище расположенном на седьмом этаже, это лифт, черная железная клетка, напоминающая тюрьму. И время в служебном лифте тянулось медленно, как в тюрьме. А я всегда спешила. В лифте был полумрак, и поднимался он ужасно долго. То ли старый был, то ли неисправный. На каждом этаже он со скрежетом останавливался, а после продолжал натужно ползти вверх. Он был похож на больного, страдающего одышкой. И однажды ему пришел конец: дойдя до шестого этажа, лифт вдруг стал произвольно ползти вниз. К счастью со мной ничего страшного не приключилось, но с того дня я прервала все отношения с этим чудовищем. Я стала подниматься на седьмой этаж пешком и заметила, что так гораздо быстрее. На пятом этаже я делала передышку и немного остывала. В такие минуты перед глазами возникала вершина Мон-Блана, которую я когда-то видела на почтовой открытке. Странная картина с заснеженной вершиной частенько чудилась мне. Неужели это признаки ностальгии? Я вспоминала Казбек, самую высокую гору Кавказа. Когда горный пейзаж таял перед глазами, я продолжала, пыхтя и отдуваясь, свой путь по лестнице высокого парижского дома...

Часто воображение превращало мою жалкую комнатку в роскошный испанский дворец. Я обитала в этом дворце, воображая себя важной дамой и забывая реальность и действительность. Я приняла решение: «жить соевой жизнью», рисуя иллюзорную блестящую жизнь и умирающих от любви ко мне мужчин. Уж если жить – так счастливо! И я твердо решила быть счастливой. Но не знала, как... Поначалу казалось, что профессия манекенщицы может стать трамплином к восхождению, И я обязательно приду к высотам.

Я стану королевой Парижа! Но пока до коронации далеко и надо трудиться. Работе могло помешать одно – моя застенчивость. Она мешала мне с детских лет.

И вот наступило утро первого трудового дня. Выпив чашечку кофе со сливками в одном из бистро, я направилась на улицу Пе и ровно в девять часов вошла в дом моделей Ворт. Таким образом, маленький кавказский цыпленок начал новую жизнь. Его бабушка и мать носили чадру, боялись своих отцов и мужей. Но этот цыпленок подавляет в душе чувства своих предков и гонит их от себя. Да, этот кавказский цыпленок приступает к делу, о котором никто и не мыслил. Могли бы бабушка и мать представить себе, как я буду переодеваться перед чужими людьми, демонстрируя им открытые платья? Бедняжки даже не представляли, что есть такие профессии. Но жизнь сделала свое дело, и кавказский птенчик отныне будет моделью в самом известном парижском доме. И не думайте, что это простое дело – у него немало опасных сторон.

Так или иначе, началась новая веха в моей жизни. Она отмечена в моей памяти чередой фотоснимков в журналах мод. В первый же час моего трудового дня я пережила страх быть уволенной. Ко мне подошла сердитая женщина, мадам Бланш. «Конец моей карьере!» - подумала я, но ошиблась. Мадам Бланш, даже презирая всей душой мои широкие бедра и узкие плечи, не могла уволить меня. Мадам Бланш молча повела меня в один из цехов, где какая-то потная дама начала снимать мерки. Кажется, и она успела отметить, что мои параметры не соответствуют стандартам этого заведения. После мадам Бланш привела меня в комнату, называемую «каютой манекенов». Не знаю, почему она так называлась. В этой «каюте» находилось около двадцати девушек – одна краше другой, высокие, стройные, ладные. Одеты все были одинаково, в меховые курточки сиреневого цвета с высокими белыми воротниками. Некоторых девушек такая одежда делала похожими на школьниц. Увидев этих девиц, я поняла, почему не понравилась мадам Бланш: я была среднего роста, бедрастая, с восточным типом лица. Словом, изяществом я не

отличалась. Рядом с этими высокими, стройными красотками я выглядела неважно. Мысленно кляла судьбу за свою невзрачную внешность. Одна высокая белокурая девушка, пройдя мимо меня, мило улыбнулась и назвала меня «чернушечкой». Так это имя ко мне и прилипло! На следующий день вырядившись, как все, я стала похожа на остальных. Конечно же, если не рассматривать меня поближе... Меня сводили в специальную комнату, где работали женщины парикмахерши в одинаковых униформах. Перед каждой из них сидела девушка – манекен. И мне показали на одно из кресел. Я уставилась на свое чернявое лицо, отраженное в зеркале и мне стало не по себе: Боже, что за пугало! Тут вдруг послышалась знакомая русская речь. Я обернулась и увидела двух девушек: белокожую, рыжую, с серьезным лицом и узкоглазую, красноносую, похожую на кошку. Обе были довольно хорошенькие. Они громко разговаривали, не обращая внимания на окружающих. Девушки были из той категории эмигрантов, которые считали Францию повинной чуть ли не во всех их бедах. Они были надменны и недовольны тем, то и дело повторяли: «Ах, а вот у нас...» Звали девушек Елена и Сандра. Эти неразлучные подружки частенько ссорились. Речь девушек выдавала в них простолюдинок, хотя обе утверждали, что состоят в родстве с царской фамилией и сами из дворянского рода. Девушки-француженки верили им и прощали дурной характер и обхождение.

Узнав, что я с Кавказа, Елена и Сандра решили приманить меня к себе, но мне не хотелось сблизиться с ними. Во-первых, не нравился их характер. А во-вторых, мне было интереснее общаться с местными девушками. Хотелось поближе познакомиться с ними, лучше понимать их. Попадать же под влияние русских не было желания. Такая мысль раздражала меня. Меня выводили из себя их потуги продолжать здесь, в чужой стране, свою колониальную политику. Почему меня должны считать русской? Моя страна была и остается колонией. Да, я родилась в Российской колонии. Но я другой национальности, другой веры, другого нрава! Кажется, во мне заговорил дух моих мусульманских бабушек, презиравших колонизаторов. Но я не презирала

русских девушек. Просто старалась держаться от них подальше и не становиться «своей».

Отвязавшись от Елены и Сандры, я решила поближе познакомиться с одной из девушек по имени Альбертин. Красивое имя! Мне оно очень нравилось. Да и сама Альбертин была милой и доброй девушкой, она очень помогла мне приспособиться к новой обстановке. Альбертин стала моей добровольной учительницей, научив правильной походке и движениям. Передвигаться по салону – это искусство. Кругом были знатные дамы, вызывавшие у нас зависть. А ты должна ходить среди них, но с достоинством, стараясь не наступить на их вытянутые ноги и не подавать признаков напряженности! Альбертин научила меня снимать макияж без воды, приклеивать слюной ресницы, доводить до блеска ногти, быстро одеваться не помяв платья, пользоваться косметикой, управлять мимикой. Она так хорошо владела необходимыми в нашей профессии навыками! Но в других делах Альбертин была хуже ребенка: образование никудышное – читала с трудом, по слогам. Она совсем не умела готовить и затруднялась четко выражать свою мысль. За пределами дома моделей Альбертин только ела, спала, развлекалась и распутничала. Она жила в гостинице.

– Мой друг не хочет, чтобы я жила дома и занималась хозяйством. Как же заниматься любовью, если устаешь от домашних дел? Ты меня понимаешь?.. – откровенничала со мной Альбертин.

Я очень хорошо понимала ее.

– Вот поэтому я и живу в гостинице. Он не желает видеть меня на кухне, на рынке... А мне-то, что? Платит-то он сам!

По словам и жестам было видно, что такая жизнь вполне ее устраивает. Я даже завидовала: какой у нее внимательный и заботливый друг!

У Альбертин был весьма ограниченный словарный запас. «Да, да», - без конца и без надобности повторяла она. Это была милая простушка. Наверное, именно это качество привлекало и ее друга, который щедро одаривал свою пассию.

Однажды я побывала в гостях у Альбертин и убедилась в том, что ее условия гораздо лучше моих. Она снимала номер полулюкс в гостинице и очень гордилась удобной ванной комнатой. Альбертин заказала для нас по телефону чай и сладости. Она сказала, что всегда заказывает еду в номер, ей лень спускаться в ресторан. Да и ее друг не хочет сталкиваться там со своими знакомыми. Признаю, что я позавидовала Альбертин, вспомнив свою небогреваемую лачугу на седьмом этаже, куда я тащусь по бесконечной лестнице. Разве сравнить наши удобства?

Немного погодя в комнату Альбертин пришел ее массажист. Девушка с ловкостью манекенщицы разделась и легла на кровать. Мужчина - массажист, тяжело дыша, начал массировать ее тело. Я вспомнила давнюю картину детства, когда моя бабушка, грузная и малоподвижная женщина, ложилась в постель и звала нас, своих внуков, помять ей спину. Мы, мальчики и девочки, человек шесть-семь, разувались и весело запрыгивали на кровать, а потом забирались на широченную бабушкину спину и топтали ее что есть мочи. Бабушка пыхтела от боли и удовольствия, а мы прыгали, как маленькие дикари. Бабушка начинала покрикивать, если наш «массаж» становился слишком уж болезненным.

Два вида массажа – два разных мира... День вчерашний и день сегодняшней. Слыша вздохи Альбертин, я переносилась и одного мира в другой, сравнивая их. Разве сравнить стройное тело Альбертин с огромным телом бабушки? Я не хотела вспоминать бабушку, боясь быть когда-нибудь на нее похожей. Не хотелось получать такое наследство.

Альбертин дружила со мной, но никогда не говорила о моей внешности. Наверное, сочувствовала моей непривлекательности. Она старалась помочь мне улучшить свой облик. Даже подарила шкатулку с украшениями. Неужели это могло превратить меня в парижанку? Так, при помощи Альбертин я стала выглядеть лет на десять старше, теряя свой непорочный вид. Кому он нужен в Париже? Альбертин, узнав о моей личной жизни, заявила, что моло-

дой женщине негоже быть одной, без друга. Необходимо завести любовника. Молодого или старого – не имеет значения.

- Куда это годится? Так и будешь жить одна? Я скажу своему другу, и он обязательно найдет тебе кого-нибудь. У него много знакомы на бирже, - предложила мне свои услуги Альбертин.

Я стала просить ее не делать этого. Вероятно, Альбертин решила, что я не мочу «легких» отношений с мужчинами, но серьезных мужчин найти очень трудно. Будь я даже красавицей, эта задача была б не из легких. Мои понятия о любви по-прежнему стары и нелепы: любовь по расчету, я невоспринимала. Когда я сказала Альбертин, что предпочитаю чистую, бескорыстную любовь, она стала возмущаться: «Ну и дура!» Она считала, что Бог создал мужчин с единственной целью – тратить деньги на женщин. И, чем больше, тем лучше! Но мужчины, часто, скупы, а этого допускать никак нельзя. Надо напоминать об их обязанностях и даже заставлять.

– Неужели не понимаешь? Ты сумасшедшая? Что же станет с нами, если такие барышни, как ты, будут соглашаться на «бесплатную» любовь? – сердилась Альбертин. А потом, чуть успокоившись добавляла. – Слушай, мужчина – это клиент. Если ничего не попросишь, ничего и не получишь. Пользуется тобой и исчезнет. Нет, этого допускать нельзя....

Мы часто вели беседы о мужской психологии. Для таких девушек, мужчины, деньги и развлечение – самое главное. И эти три понятия взаимосвязаны. Ведя разговоры о мужчинах, девушки начинали спорить, шуметь и буянить. И тогда вмешивалась мадам Бланш. Нелегко ей было контролировать двадцать молодых, здоровых, плохо воспитанных девиц!

Девушки, которым удавалось заполучить «серьезного и богатого друга», жили в благополучии и старались оправдать свое счастье. Нелегко оно им доставалось! Одинокие или плохообеспеченные завидовали более удачливым, подсчитывали стоимость их украшений и нарядов. Но все мечтали об одном: выйти замуж, надеть обручальное кольцо, венчаться в церкви! Даже самые легкомысленные жили мечтой о свадебном торжестве. В глубине ду-

ши об этом мечтали даже имеющие богатых любовников. Брак привлекал всех. Времена безбрачных союзов были впереди...

Девушки из дома моделей были малокультурными, легкомысленными, беспечными. И это не мешало им жить. Они не читали книг, считали это безумием. Но с легкостью ввязывались во всякие истории под знаком «мужчина – секс – деньги». Однажды невероятно красивая и стройная Люсет сказала мне: «Луи XIX построил дворец Гран-Пале для того, чтоб заниматься там любовью со своими красотками». Она была в этом абсолютно уверена! И считала, что я, иностранка, должна восторгаться таким образом «высокой нравственности». Другие девушки не возразили ей и были даже солидарны.

Низкий уровень культуры и другие недостатки, преобладавшие здесь, не мешали мне и не коробили, как думали многие. Ведь я пришла сюда с определенной целью: заработать свой хлеб. Кроме того, я часто ходила к «Жозе-зу», а там было совсем другое общество, которое давало мне возможность расширить свой кругозор.

Даже прожив в Париже год, я не могла забыть тягот своей страны, обьятой революцией, поэтому торжественность дома мод Ворт доставляла мне удовольствие. Красивые наряды, дорогие меха, свет и уют салонов.... Весь этот шик и блеск были мне по сердцу.

К тому моменту, когда я была принята в дом мод Ворт, готовились модели зимнего сезона. Как и другие девушки, я порой полдня простаивала в ожидании модельеров. Владелец заведения тоже был мастером-модельером, но он работал только с двумя самыми красивыми манекенщицами, для которых изготавливал вечерние наряды. Остальные девушки могли входить в его мастерскую только в сопровождении заведующего двадцати четырех модельных цехов. Иногда мы часами молча стояли в уголке и ждали решения мастера, вносящего изменения в модель или отменяющего ее. Когда начал угасать первый интерес к новой жизни, работа в доме моделей стала физически утомлять меня. Запах духов манекенщиц и мастеров смешивался, наполняя воздух и вызывая у меня головную боль. В небольших помещени

собиралось множество людей, однообразный труд, одни и те же лица и голоса утомляли и раздражали. Голоса, волосы, наряды, окрики, брань, приказы, заполняли все пространство, окутанное туманом из рисовой пудры. А зоркий глаз мадам Бланш был способен замечать все сквозь любой туман.

Через шесть месяцев хозяин уволил меня, и мадам Бланш с большим удовольствием выполнила его приказ. Видимо, меня терпели тут лишь из-за Амины.

Несмотря на небольшой рост, «неправильную» походку, другие недостатки, отличающие меня от других манекенщиц, владелец дома мод до сих пор не избавлялся от меня. Его можно было считать благородным человеком. Но, не стоит об этом говорить... Мне дали дополнительно месячный оклад и подарили меховую куртку. И весенним чудесным днем мне пришлось распрощаться с местом работы на улице Пе. Но я не сожалела. Не жалела ни об этой шумной и утомительной работе, ни о разлуке с милой Альбертин.

– Ну, что ж, прощай, когда устроишься... – не договорила при прощании Альбертин.

Когда мы расстались, в кармане у меня было восемьсот франков, а в сердце надежды на будущее. Хотя ислам не играл заметной роли в моей жизни, один его принцип я все еще носила в душе. Это фатализм. Этот психологический фактор не считается положительным, но при бессмысленности бунта он смиряет бунтарский дух. К несчастью, сейчас и сам ислам отдаляется от фатализма. Я безропотно соглашалась с волей Аллаха, поэтому он быстро вознаграждал меня. Бесцельно гуляя по улицам, я оказалась перед богатыми магазинами на площади Вандом. Витрины этих магазинов слепят глаза бедным людям. Я любовалась самоцветами, выложенными на бархатных подушечках, а затем купила заколку для волос с бриллиантом: надену ее сегодня, когда пойду в оперу! Сделав покупку, вышла на улицу и на одном из зданий увидела небольшое объявление: дому мод требовалась манекенщица для демонстрации одежды 42 размера. Забыв про стыдливость, поднялась вверх по лестнице. Жесткие законы капитализма лишили меня работы в доме моделей

класса «люкс». А в том доме даже у входа было темно. В потьмах повторив дверь, я вошла в комнату. Вся она была заставлена коробками, завалена платьями и кусками шелковой материи. Видно, здесь был склад. Я волновалась. Отсюда меня провели в комнату владельца. Он серьезно оглядел меня. Кажется, подошла... Мне даже не пришлось примерить какое-нибудь платье и сразу же приняли на работу. Я была в растерянности. Не верилось в такую внезапную удачу в жизни, это так редко случается! Обычно мне приходилось с трудом чего-то добиваться, переживать и беспокоиться. Надежда и трудности всегда сопровождали меня и были обычным состоянием.

Этот дом моделей был небольшим, но довольно известным. Здесь специализировались на женской одежде. Клиентками были очень требовательные французские, американские и английские дамы. До меня здесь работали всего три девушки. Все среднего роста. Они не походили на роскошных красавиц фирмы Ворт и были подобраны по вкусу хозяина. Выходит, и я соответствовала его вкусу и могла быть спокойной, что не уволят. Но и обстановка, и нравы тут мало чем отличались от прежнего места работы. Все то же: деньги, любовь, секс... Разница лишь в том, что прежде эти разговоры велись между двумя дюжинами девиц, а сейчас нас было только четверо.

Рискую быть похожей на сплетницу, но все же отважусь рассказать о некоторых особенностях здешних девушек. Хотя их можно принять за легкомысленных, но все-таки чувствовалось некоторое благородство. Сейчас, когда прошло почти полвека и принято ругать средства массовой информации, в них есть и много положительного. Особенно для развития сознания. В наше время манекенщицы были наивны, как дети, и могли думать лишь о деньгах. А для того, чтобы иметь деньги, нужно быть красивой. Вот они и занимались целями днями своей внешностью. Девушки и не представляли себе, что мужчины – странные создания, иногда помимо красоты они ищут в женщинах и другие качества. Вот и удивлялись девицы, когда любовники кидали их. Они во всем винили только мужчин, называя своих бывших дружков неверными и ненадежными.

– Да, это так! – соглашались остальные, и разговор завершился словами.

– Все мужчины мерзавцы!

Что бы девушки не говорили, они понимали: отношения без любви долго не протянутся. Потому и старались извлечь из дружбы с мужчинами максимальную пользу. Разумеется, при этом не может быть и речи о настоящей дружбе и доверии.

Все, что окружало меня, очень скоро выветрило из души идеализм, сопровождавший меня в годы юности, когда я усваивала идеи ленинизма. Надо было жить сегодняшней реальностью. Я не могла ждать тридцать лет, когда смогу носить сумочку из крокодиловой кожи или меховое пальто!

Смешные и печальные стороны жизни заключены в том, что человек переживает не только из-за высоких чувств, но и из-за более низменных и банальных. Я говорю о материальной заинтересованности. Плохая сторона работы манекенщицы в том и состояла, что, будучи окруженной роскошью, не можешь приобрести эти дорогие предметы на свой заработок. Нам очень хотелось иметь эти ценности, сумочки, туфельки, шляпки, и мы завидовали тем, кто может себе позволить приобретать такие вещицы. Да, зависть - плохое чувство. Порой человек испытывает большие переживания из-за каких-то мелочей. Ведь переживают же дети, когда у них отнимают игрушку! Те же чувства обуревали меня, разглядывающую лисью шкурку в витрине. Ради той лисицы со стеклянными глазами я месяцами жила впроголодь. А когда купила и накинула на плечи, чувствовала себя бесконечно счастливой. В те годы, Было в моде, как бы непринужденно, носить на плечах такие шкурки, которые утрачивали свое основное назначение – согревать. А когда меховые шкурки выходили из моды, приходилось вновь терзать себя голодом и лишениями ради предметов новой моды. Оттого-то мы и были вечно недовольными собой и жили новыми желаниями. Безусловно, стремление к новизне – ведущая сила в жизни человека. И как можно осуждать порядочных девушек, которые часто становятся на скользкий путь не по своей воле? Хотя, есть та-

кие, что ради денег и богатства, продадут не только свое тело, но и родную мать.

В чудесные салоны по улице Вандом приходили звезды Голливуда, дамы известных промышленников, политиков, а мы смотрели на них и умирали от зависти. Чем красивее, богаче, знатнее была клиентка, чем больше зависти она вызывала. С тех пор, как я приобщилась к профессии манекенщицы, во мне возникло и это чувство – зависть. Прежде я не была такой. Раньше я так любила читать! А теперь страсть к чтению угасала... Зависть полностью изменила мои мысли. Целыми днями я мечтала о богатой светской жизни. Я воображала себя то богатой наследницей на скачках, то посетительницей шикарных салонов, увешанной бриллиантами. Я грезилась люкс-квартирой, люкс-автомобилем, люкс-любовником, люкс-лошадью! Тащась по крутой лестницей на седьмой этаж в свою лачужку, только об этом и думала...

Одно из моих детских желаний воплотилось в салоне мод. Когда-то моим идеалом была кинозвезда Франческа Бертини. Я обожала «немые» фильмы с ее участием, которые демонстрировались в Баку, запоминала движения, наряды актрисы. Удивительно, но она могла в одном и том же платье сниматься в нескольких фильмах. Разве станет сегодня даже не очень знаменитая актриса сниматься хотя бы дважды в одном наряде? Я знала на память все жесты и мимику Франчески Бертини. Они часто повторялись. Оставаясь одна в комнате, я, подражая ей, надменно вскидывала голову, потирала ладони или повторяла взгляд, приводивший в восторг ее почитателей. Но, восхищаясь актрисой, никогда не испытывала чувства зависти к ней.

Однажды готовясь к демонстрации моделей в одном из шикарных салонов, я услышала от девушек что в зале находится одна итальянская звезда. Это была она, Франческа Бертини! У меня появилась возможность увидеть вблизи несравненную актрису, обожаемую мной. Горе изменило ее, но не узнать эту фею было невозможно. Я прикоснулась к ней: ей понравилось пальто, которое я демонстрировала, и она пожелала его примерить. Но, помогая этой даме примерить пальто, вдруг почувствовала как рассеиваются мои ил-

люзии относительно ее необыкновенности. Вне экрана это была обыкновенная женщина. Куда подевалось ее обаяние и прелести?

– Неужели это та самая Франческа Бертини, из-за которой я не спала ночей, оживляя в воображении волшебный образ? Разочарование было полным. Сейчас эта кинодива оговаривала цену, торгуясь, как обыкновенная покупательница на базаре.

В те послевоенные годы улицы Парижа были полны автомобилей, а в гостиницах жили многочисленные американские туристы. Этим туристов обслуживали русские ночные клубы. Кругом гремела громкая танцевальная музыка, вертелись самодовольные парни и молодящиеся старухи. Пережившим войну и лишения такая обстановка давала ощущение праздника и хотелось, чтобы он продолжался.

Часто мы, стоя у окна, разглядывали автомобильные пробки. Посетителей в салоне еще не было и можно позволить себе такое «развлечение». Машины стояли вереницей, почти упершись друг в друга. Летом удушающий запах бензина и выхлопных газов доходил до окон. А сверху на сгрудившуюся внизу современную технику с безразличием взирала статуя Наполеона. Интересно, в каком веке он себя ощущает? Я мысленно переносила его в свое время и представляла то сидящим в лимузине, то спускающимся с трапа самолета, то пьющим чай со своей Жозефиной в соседнем кафе, то разменивающим деньги в Вестминстерском Банке. Звуки автомобильных гудков возвращали меня в реальный мир. Мы закрывали окна, устав от шума, духоты улиц, запаха бензина. И снова продолжали разговоры о любви, деньгах и мужчинах, вновь очутившись в своем привычном мире.

Стояли знойные августовские дни. Богатые посетительницы ели мороженное в прохладных салонах, а мы вертелись перед ними в толстых меховых пальто, демонстрируя зимние модели и обливаясь потом. Казалось, наши кости тают от жары в душных мехах, в тесной лакированной зимней обуви. Пудра превращалась в жидкое тесто, косметика текла по щекам. В такие минуты наша ненависть к дамам, сидящим в удобных креслах и диванах, мно-

гократно усиливалась. Хотелось бы представить их на нашем месте! У нас даже не было сил улыбаться шуткам какой-нибудь американки, выбирающей костюм, или веселому замечанию довольного хозяина.

Да, хочу рассказать вам о хозяине, владельце заведения. Между собой мы нарекли его «обезьяной». Это был худошавый коротышка. Его нос напоминал огромный кривой клюв, а походка была высокомерной и неестественной. С нами он был холоден и суров. Кто мы для него? Рабы! Но в отношениях с клиентами он сочетал серьезность и мягкость. В итоге и сам владелец и дамы-покупательницы оставались довольны.

Пока мы, упаковав свои горькие мысли в чудесные наряды, бродили по салону, «обезьяна» стоял в дверях и строго наблюдал за всем и отдавал приказания, как командир своим войскам. Но, несмотря на неприятную внешность, хозяин обладал очень тонким вкусом и выполненные им модели пользовались успехом. Эти модели, пересекая горы и океаны, распространялись по миру, увеличивая число клиентов и принося прибыль хозяину. Этот безвестный когда-то портной из Баскской области, стал теперь модельером с мировым именем.

А теперь я представляю вам, мои читатели, четверых девушек – манекенщиц нашего салона.

Ивет – белокурая, худенькая девушка с красивым, но грубоватым лицом. Она старалась вести себя как порядочная буржуа. За это мы нарекли ее «сударыней». Ивет это нравилось.

– Да, среди вас, только меня можно назвать госпожой! Сердито оглядывалась на нас Ивет и продолжала заниматься своим делом. Но она, как и все мы, была далеко не принцессой.

Мари – девица, к которой как нельзя лучше подходит слово «простолоудинка». Она обладала всеми качествами плебейки. Манеры, речь, легкомыслие и суеверность этой девушки красноречиво говорили о ее уровне. Мари весьма преуспевала в эротической науке. Удивительно, но эта веселая красотка поражала своей неожиданной рассудительностью.

Третья девушка – это Люси, русоволосая красавица, глупая, как гусыня, но очень добрая. В нашем кругу, безмозглость не считалась недостатком. Но тупость Люси была парадоксальной. Если ей не указать многократно, она все сделает наоборот. Несмотря на безмозглость (а, возможно благодаря ей), Люси удалось завести «очень серьезного» друга. Некий очень богатый господин был ее любовником и, кажется обещал жениться. Вот Люси и верила. Она терпеливо ждала свадьбы. Почему мужчинам нравятся женщины типа Альбертин и Люси? Видимо, мужчинам, особенно богатым, больше импонируют простоватые и неумные девицы. Люси верила своему кавалеру, не смотрела на вещи трезво и преспокойно жила. Это и делало ее счастливой. Мы завидовали Люси, дразнили ее и издевались. Но она совсем не обижалась.

Почти шесть дней в неделю я проводила с этими девушками и мастером по пошиву одежды. На работу я приходила раньше всех и начинала серьезную, трудоемкую и длительную подготовку – наводила красоту. Остальные приходили, когда я уже заканчивала красить ногти. Сначала приходила такая Люси, за ней воображала Ивет, а затем неумытая, неопрятная Мари. Но даже такой Мари выглядела красавицей. У нее были шелковистые волосы, крупный, чувственный рот. Она начинала недовольно ворчать, как только входила:

– О, ля-ля! Что за мерзкая жизнь! Всю ночь не сомкнула глаз. Этот тип... Мари рассказывала о бурной ночи любви, а в дверь уже заглядывала одна из продавщиц:

– Ну, девушки пора начинать.

– Поглядите-ка на этих дамочек! Видно они хорошо выспались за ночь. Уж их-то по ночам не терзают мужчины!

Мы медленно и с неохотой начинали натягивать новомодные наряды. Но стоило показаться «Обезьяне», как мы начинали двигаться живее и потопрапливаться. Перед осточертевшими клиентками мы не должны показывать своего недовольства или усталости! Вот мы и летали по салону, словно птички. Если клиентов было много, то постоянное переодевание оправдывало се-

бя. Но когда в салоне сидело всего несколько человек, а то и одна - единственная дамочка, надевать и снимать несколько десятков платьев – сущая пытка. Мы кипели от злости! В такие часы мы ощущали на своих плечах всю тяжесть социального неравенства. В нашей душе рождались лозунги, призывающие к социальной «справедливости» и равенству, осуждающие власть имущих. Но, известно к чему приводят такие мысли... Это напоминало мне те дни, когда я подвергалась революционному влиянию ленинских идей.

«Набегавшись» до обеда по салону, мы шли в недорогое, но очень хорошее кафе неподалеку, а то и в ресторан. Пообедав здесь, до двух часов гуляли в парке Туплери или бродили по торговым центрам. В два часа вновь приступали к работе, которая завершалась в шесть часов. После этого девушки встречались со своими любовниками, а я оставалась наедине со своей долгожданной независимостью. Я любовалась ею, как чудесным плодом, боялась вкусить. Мысль о любовнике ужасала меня. Нет, не гордость или чувство греховности мешали мне завести «друга». Просто я боялась физической близости, того ощущения брезгливости, которое испытывала, будучи женой нелюбимого человека. В моем воображении все еще жил образ «князя» Андрей Масарина, рожденный юношеским идеалом. Этот образ не вызывал у меня сексуальных желаний, он был слишком чист и духовен. Но где я могла встретить такого мужчину? Каждый раз, ища в знакомых мужчинах черты того образа, я натыкалась на его жалкую пародию. Мне и в голову не приходило, что тот далекий «князь» всего лишь идеализированный воображением герой. А все окружающие меня были обыкновенными людьми... порой некоторых мечтателей не исправит целая жизнь. А я, ожидая героя своих грез, поочередно влюблялась то в Наполеона, то в Луи XIV. Разумеется, рисуя их в своем воображении. Эти образы, возникшие после чтения книг, защищали меня от желания реальной любви.

Дни текли. Хорошо, что в моей жизни были «Жозезу» и их темперамент. Время шло однообразно. До тех, пока не произошло одно событие.

ЧУДЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Однажды, после легкого обеда у «Жозезу», случилось нечто, что положило конец однообразию. Зулейха разрисовывала абажур вереницей рыцарей с копьями, а Жозе раскладывал пасьянс – этому его научил мой отец. Я, сидя в сторонке, наблюдала за обоими. И тут послышались чьи-то торопливые шаги, затем распахнулась наша никогда не запиравшаяся дверь, и я услышала голос, который узнала бы среди тысяч других голосов.

– Вы дома?

– Гюльнар! – закричала я и бросилась навстречу кухне.

– Это ты, ты? – я не могла найти других слов.

– Да, это я, я, я! – также взволнованно отвечала Гюльнар.

Мы обнимались, целовались, смеялись, плакали, кричали от восторга и волнения. Потом, оторвавшись от меня, Гюльнар бросилась к Зулейхе, и повторился тот же ритуал неожиданной встречи. Затем, освободившись из наших объятий, она обернулась в сторону Жозе, который, поднявшись с места наблюдал встречу кузин.

– Это твой муж? – спросила Гюльнар по-французски и добавила на родном языке с характерным оттенком, – Что за пугало?

На самом-то деле Жозе не был уродом. Мы растерялись, но не ответили грубостью. Тем более, что Гюльнар подойдя к Жозе, ласково (даже чрезмерно!) поцеловала его. Может быть, я преувеличивала, ведь мысли и действия Гюльнар часто не совпадали.

– Откуда ты явилась? – спросила Зулейха.

– Из Москвы. Через Варшаву и Берлин. Вам нравится мое платье? Красивое, правда?

Одежда на ней была и впрямь очень красивая. Зная парижскую моду, я не нашла в наряде Гюльнар изъяна.

– Ты случайно не вышла снова замуж? – спросила я.

– Да, есть у меня муженек... Об этом после. Со мной столько всего произошло!

Ее приключения нетрудно было себе представить. Я была уверена, что героями ее многочисленных авантюр были мужчины.

Гюльнар достала из сумочки лорнет в золотой оправе, поднесла к глазам и стала внимательно осматривать мастерскую. Я была в шоке от ее манер. Вообще, Гюльнар всегда могла удивить. Этот ее неожиданный приезд, самообладание, умение пользоваться лорнетом, как знатные дамы Парижа и Санкт-Петербурга, поразили меня.

– Чтобы жить в хлеву, не обязательно было приезжать в Париж, – высокомерно произнесла она, сложив лорнет и убрав его в сумочку. – По-французски она говорила торопливо и плохо. Как-будто нарочито. Прошло три месяца, и она говорила на чистейшем французском языке. Вообще она очень быстро умела приспособливаться. И языки давались ей легко.

– Помни детка, что эта мастерская художника, – по-испански горделиво возразил Жозе. Греко и Микельанджело, Вермер и Рубенс создавали в таких мастерских свои шедевры.

– Я их не знаю, - передернула плечами Гюльнар. – Мне нет дела до ваших художников, ни до ваших мастерских. Но вы мне нравитесь. Вы первый художник, с которым я повстречалась.

– Ладно, не морочь нам голову, - несколько обиженно произнесла Зулейха. – скажи лучше, как ты нас нашла?

– Разве это трудно? В Берлине я разыскала номер телефона нашего президента, – Гюльнар имела в виду бывшего президента Независимой Азербайджанской Республики. – Позвонила к нему, и все дела!

– Ну и плутовка же ты!

– Ты же знаешь, какая я умница, – ответила Гюльнар. Она, и в самом деле была находчива и шустра, чем всегда восхищала меня. А вот Зулейха, образованная лучше Гюльнар, соображала туже.

– Вы, однако, далеки от скромности, – встрял Жозе. Но его глаза смотрели на Гюльнар с восхищением. Не потому, что она была очень красива. Гюльнар обладала необыкновенной притягательностью. В ней привлекало

все: и красота, и жесты, и речь. Своим редким обаянием она пользовалась, как орудием добра и зла – по обстоятельствам. Главным образом, для своей же пользы.

Чтобы стали ясны мои отношения с Гюльнар и ее братьями, придется обратиться к прошлому, к нашему детству. Они были моими своеобразными учителями. Все, чему можно научиться в детстве, я познала от своих кузенов. То были и теоретические знания, и практический опыт. Все поучения о нравственности, чистоте, искренности, которые я получала от своих воспитателей, эти порочные и лживые мальчишки сводили к нулю. Моя няня, фрейлен Анна опасалась их, но ей даже на ум не приходило, как успешно я усваивала их уроки. Слава Богу, что бедняжка фрейлейн Анна так и не узнала об этом. А ведь я, восхищаясь своими кузенами, часто была сообщницей их пакостей. Из троих своих малолетних «учителей» я больше всего любила Гюльнар. По годам, она старше меня лишь на два года, но по мироощущению – лет на десять. Она все знала, понимала и объясняла мне. Гюльнар не стеснялась врать, строить козни, а ее темперамент с годами превращался в пламя. Выйдя замуж за некрасивого, но доброго и застенчивого юношу, она все время изменяла ему, часто уходила из дому, а затем вновь возвращалась. И, наконец, ушла от мужа окончательно.

С тех пор, как я покинула родину, мне ничего не было известно о своих родственниках, никакой связи невозможно было наладить. Этому мешали и материальные трудности, и плохая работа почтовой связи. Кроме того, новая советская власть враждебно относилась к переписке с иностранными гражданами, и наши письма могли поставить под угрозу жизни близких. Это и сейчас так. Конечно, меня печалило то, что не могу иметь вестей от своих родных. Но, с другой стороны, радовало то, что рассталась навсегда с миром, оставившем мне только печальные воспоминания. Помню, первые годы жизни в Париже меня преследовали кошмарные сны. Я часто видела себя во сне на дне глубокого темного колодца, а на грудь мне давила огромная могильная плита. Я билась во сне, пытаясь спастись, и просыпалась в холодном по-

ту. А когда понимала наконец, что я не в Баку, а в Париже, не в глубоком колоде, а в своей постели, начинала плакать.

– Где ты остановилась? – спросила Зулейха у Гюльнар.

– Разумеется, в «Гранд-отеле».

Слово «разумеется» было традицией довоенного времени, когда все приезжавшие с Кавказа останавливались именно там, в «Гранд-отеле». Амина жила в этой гостинице с моей старшей сестрой еще в 1913 году. Наверное, Гюльнар выбрала эту гостиницу в память о прошлом. Но сейчас она решила снять квартиру поближе к «Жозезу». И как можно скорее!

Гюльнар повезло и на сей раз. Она нашла неплохую квартиру совсем близко от мастерской Жозе. Договорившись о цене, Гюльнар решила не откладывая вселиться сюда. И мне предстояло переехать в эту квартиру вместе с ней, покинув свою убогую лачужку. А пока Гюльнар попросила меня переночевать с ней в гостинице – ей не хотелось оставаться одной. Она сказала, что мы больше не должны разлучаться. Гюльнар решала сама! И за нас тоже. Она не подлаживалась под условия. Наоборот, сама диктовала их, жила согласно своему вкусу и фантазии.

Гюльнар пригласила нас на обед в дорогой ресторан. Мы не решались, но она успокоила нас:

– Такие обеды вполне мне по карману!

Мы в этом сомневались, но щедрость Гюльнар была вне всяких сомнений. Еще нас интересовало, где приобщилась Гюльнар к такой жизни, тратам, удобствам? Ведь в Москве, по-прежнему, преобладала разруха.

В десять часов вчера мы с Гюльнар вошли в ее номер. За окном виднелось здание оперы, и доносился шум машин. Мы улеглись на широченную двуспальную кровать, и Гюльнар стала расспрашивать меня:

– Значит, ты работаешь моделью? Мне немного знакома эта работа. В Берлине я часто бывала в салонах мод. Одета ты неплохо. Это радует. Но как ты могла жить в комнате прислуги?! Кошмар какой-то.

– Но я не так много зарабатываю.

– А кто твой любовник? С кем ты спишь?

Я хотела солгать ей, но вспомнила, что обмануть Гюльнар невозможно. Ведь моя кузина и ее братья были настоящими мастерами лжи.

– У меня нет никого.

– Ты сумасшедшая! С каких пор у тебя не стало любовника?

– И вовсе не было... – сконфузилась я, как пойманная на краже.

– Боже мой! Есть еще на свете такие идиотки! Наш Президент говорил, что ты собираешься разводиться. Жить в Париже одной и не иметь любовника?

– Я довольна. А жить с мужчиной нет желания.

– Что значит «нет желания»? Нет, такое положение нужно срочно менять!

После этих слов Гюльнар уснула. Она всегда быстро засыпала. Как ей это удавалось? В отличие от нее, я подолгу не могла засыпать, размышляла и грезил. Сейчас мои грезы были о прошлом... Я вспомнила берег Каспия, те родные места, где мы все росли. Наш сад с тополями, цветущими акациями, дурманящим ароматом жимолости. Здесь пахло, как в раю!.. А наши чудесные бассейны с прохладной водой! Теплые волны Каспия... Неужели я тосковала? Самую малость... Да, я тосковала по голубому небу, морю, деревьям, цветам. По той красоте, милой моему сердцу. Но ведь я отреклась от прошлого! Откуда же пришли эти воспоминания? Зачем?..

Какая-то назойливая муха жужжала над ухом. И она тоже принесла мне воспоминания. Вот так когда-то мы с Гюльнар спали на даче, мухи залетали в комнату, спасаясь от жары и жужжали над ухом.

Я уснула почти под утро.

* * *

Наутро состоялся наш переезд. Мы наняли такси. Водитель бы очень интересным, статным мужчиной. Если б он родился в прежние века, вероятно, стал бы одним из фаворитов Екатерины II. Это был типичный русский: русые волосы, славянский тип лица. Наверное, не случайно в этой ситуации

нам повстречался именно русский человек. В те времена большинство таксистов были из белоэмигрантов, офицеры в прошлом. Его национальность не трудно было определить: русские эмигранты узнаваемы. Мы сразу заговорили с ним по-русски, а он мгновенно влюбился в Гюльнар. Она же, воспользовавшись случаем, хорошенько его поэксплуатировала. Вообще, ей нравилось заставлять других прислуживать, ее это вдохновляло.

Сначала водитель перетаскал из гостиницы многочисленные чемоданы Гюльнар. А после мы отправились за моими вещами на улицу Шан-де-Марс. Мой переезд не занял бы много времени, вещей у меня было очень мало. Гюльнар решила подождать в такси, она знала о причудах лифта в моем доме. У парадного входа в здание полковник Николай Карпов (так представился таксист) направился к лифту, предназначенному для господ. Я остановила его, сгорая от стыда:

– Нет, не сюда. Мы поднимемся в служебном лифте. Я живу на седьмом этаже.

Я и сейчас ощущаю то смущение. А ведь водитель такси и сам был в похожем положении! И он не хуже меня переживал унижительные минуты, знакомые всем эмигрантам. Полковник Карпов с пониманием произнес:

– Что ж, сегодня ты богат – завтра нищий. И богатство, и нищета от Бога. Мы с вами прошли через это.

Через небольшую дверь мы вышли во двор и направились к лифту, дремлющему в своей клетке. Я открыла дверь и мне показалось, что это чудище выразило недовольство. Водитель вошел в лифт, а я сказала, что поднимусь пешком.

– Я пойду по лестнице. Не люблю лифт. К тому же он неисправен.

– Ничего не поделаешь, видно, и он состарился. Когда-нибудь все стареет, рождаются младенцами и умирают стариками, - полковник нажал кнопку и скребущий лифт пополз вверх. Я неспеша поднималась по лестнице параллельно с ним. Дотянувшись до четвертого этажа, лифт замер на секунду и вдруг начал медленно ползти вниз. Я услышала ворчание Карпова:

– Боже мой! Он же падает! Вы видите?

– Не бойтесь, он доставит вас вниз в целости и сохранности. Я же вас предупреждала, что он стар и негоден.

– Господи! Что за мерзкое создание!

Лифт с ворчащим водителем спустился вниз, а потом вдруг снова полез вверх. Я сидела на лестничной площадке и волновалась, наблюдая эту карусель. Но Николай Карпов оказался мужественным человеком. Ему удалось укротить своенравный лифт. Что значит – военный! Я зря волновалась. Старый лифт благополучно прибыл на седьмой этаж. Через час и мои вещи были перевезены в новую квартиру, устланную коврами. Полковник отказался от чаевых, выпил водки, закусил и стал обхаживать Гюльнар. Но ему так и пришлось уйти, унося в душе пламя страсти. Гюльнар решила воспользоваться его услугами во время ближайшей вечеринки.

– Ну, вот и все. Начинаем новую жизнь! – сказала Гюльнар, когда мы остались одни и уселись в кресла.

* * *

Через месяц мы переехали на другую чудесную квартиру по улице Микеланджело. Она была очень красивая, но без ковров. Гюльнар собиралась купить ковер после приезда «мужа». Гюльнар говорила, что ее очередной муж, Отто Ван Икс, курсирует между Эльберфельдом, Берлином, Варшавой и Москвой, проворачивая «большие дела». Гюльнар познакомилась с ним в Москве, на какой-то вечеринке, и они сблизились. Что он делал в Москве? Он владел заводом в Эльберфельде и продавал машины, продукцию этого завода, в Москве. Как Гюльнар оказалась в Москве – тоже не ясно. Она работала там переводчицей, секретаршей, учительницей... Непонятно было и то, как Отто удалось вытащить ее из России. Гюльнар говорила, что они поженились. А вскоре стало известно, что она выехала за границу с советским паспортом, а уже там его сменила. Выходит, они с Отто не женаты. Но не стоило придирааться к таким мелочам. Не наше это дело. Над Западом проносилась волна либерализма, и в обществе нарождались «свободные браки».

Отто часто писал письма. Они были длинными, писались на смеси немецкого, русского и французского языков. Отто и сам был метис. Отец у него немец, а мать, как говорила Гюльнар, русская – из рода Галициных, княжна. Отто, воспитывала няня – француженка, и он хорошо знает французский язык. И, вообще, Отто очень успешен в делах. Ему всегда сопутствует удача. Но было очевидно, что в одном деле он оказался не столь удачливым – Гюльнар не любила его. Бедняга Отто! Я понимала, сколько страданий ждет его впереди. Ведь мне известен темперамент Гюльнар, ее склонность к авантюрам, переменчивость. Может быть, они в ней так устойчивы оттого, что до сих пор не встретила достойного мужчину? Чем объяснить поведение распутных женщин – их чрезмерным темпераментом или отсутствием отвечающих их требованию мужчин? Этот вопрос можно задать и относительно мужчин.

Дождаясь Отто и его толстый кошелек, Гюльнар купила в дом три дивана и вешалку с большим зеркалом. А еще кухонный стол и посуду. К счастью в квартире были большие стенные шкафы. Наверное, из-за них Гюльнар и выбрала эту квартиру.

– Если в доме нет стенных шкафов, в нем нет и счастья, – поговаривала Гюльнар.

И вправду, это было очень удобно. Хотя случается, что и в удобном доме нет счастья. А там, где оно есть, обязательно будет и уют.

Ящики и чемоданы были прикрыты занавеской. Квартира не казалась пустой. В первый же вечер, за ужином в кухне, Гюльнар начала разговор.

– Мы счастливо заживем тут... Тебе надо оставить работу. У Отто хватит денег содержать двух женщин, – вкрадчивым голосом говорила Гюльнар.

Но я и не думала следовать ее совету. Менять свою независимость на возможности какого-то неизвестного мне типа не хотелось. А Отто писал, что временно задерживается в Берлине, но скоро мы увидимся. По письмам было видно, что он сомневается в поведении Гюльнар. Но пока основания для этого не было. Главным занятием Гюльнар было посещение богатых ма-

газинов. Она приценивалась к дорогим вещам, ожидая приезда Отто с деньгами, составляла списки. Где-то там росли ревность и сомнения Отто, а здесь рос список Гюльнар, которая ждала его приезда с нетерпением. Пока ей некогда было наставлять ему рога. Вечерами она лежала на диване и жаловалась на усталость и затянувшееся отсутствие Отто. Прошел уже целый месяц, а его все нет. Гюльнар купила еще один стол и поставила его в гостиной. Да еще наняла говорливую и пьющую прислугу, женщину по имени Клемантин. Работала она хорошо, но все время старалась вмешаться в наши беседы. Если мы ели без аппетита, она недовольно говорила: «Еда питает не только тело, но и мозг! А это очень важно!» При этом Клемантин многозначительно поднимала вверх указательный палец.

– Отстань, Клемантин, хватит! – прерывала ее Гюльнар и добавляла по-русски. – Что за идиотка!

Все мы мечтали увидеть таинственного Отто. Со слов Гюльнар он был очень деловым, культурным, образованным и воспитанным человеком, мог зарабатывать огромные деньги. Не знали только, в какой валюте: обесцененными марками или долларами?

Так или иначе, я не очень доверял описаниям Гюльнар, хотя деньги и кое-какие драгоценности у нее были.

Прошел еще один месяц, и мы, наконец, получили телеграмму от Отто, словно ласточка, перелетавшему из страны в страну. На сей раз эта «птичка» держала путь в Париж. В тот же день, вернувшись вечером с работы, я увидела его дома. Он был крупный и толстый, симпатичен на лицо, которое тряслось от жира, когда Отто разговаривал. Нос – будто клюв. А живот, как и полагается деловому человеку, весьма солидный. Отто, действительно, был опрятным и культурным; от него исходил едва уловимый запах духов. Он приветливо поздоровался со мной, выразил радость по случаю нашей близости с его обожаемой Гюльнар. Гюльнар говорила ему обо мне много лестного. Бедняга думал, что мое влияние будет благоприятным для Гюльнар, вообразил меня «ангелом-хранителем», который станет оберегать ее от вредных

помыслов. Ему и в голову не приходило, что скорее я могу попасть под влияние этой бестии. Ревность пожирала его изнутри, как скрытая болезнь.

Два утренних часа Отто проводил в ванной комнате с бритвой или зубной щеткой в руках. Он чистил зубы не зубным порошком, а посудным. Считал, что средство для мытья посуды более действенно.

Иногда приходилось слышать их утренний разговор.

– Не понимаю, как вы могли заболеть ревностью, этой дурной болезнью. Вы ведь так благородны! – нежась на полушках, сахарным голосом приговаривала Гюльнар, пытаясь успокоить чем-то недовольного Отто.

– Ах, душа моя, эта болезнь сильнее меня! – отвечал Отто и, смягчаясь, добавлял, – Я так вас люблю!..

Все завершалось ласковыми поцелуями. А после Отто отводил нас в чудесное кафе на площади Вандом и угощал всякими лакомствами. Когда приступы ревности утихали, он становился очень великодушным и старался услужить нам. Он тоже посоветовал мне оставить «недостойную» работу. Но я этого делать не собиралась. Зная характер Гюльнар, я опасалась не только за свою независимость, любовь Отто может стать когда-нибудь ей в тягость. Гюльнар не могла подолгу хранить верность.

– Невозможно без конца есть одну и ту же пищу, пусть даже и очень вкусную, – часто говорила Гюльнар.

В моей жизни произошли все же добрые перемены: я покинула свою печальную обитель на седьмом этаже, дряхлый лифт и уже не изнывала в одиночестве. Жила в просторной светлой комнате новой квартиры. Из моего окна открывался замечательный пейзаж. Я хорошо питалась и была обласкана Гюльнар, благодарила Бога за то, что он послала мне ее и Отто, к которому я очень привязалась. Но меня страшила мысль, что Гюльнар бросит его и уйдет к другому.

Отто оставался в Париже месяц. Он был очень добр с нами, осыпал подарками, водил в дорогие русские кабаре, тратя на ночные развлечения огромные деньги. Отто и самому нравились русские заведения. Ведь и его мать

была русской княгиней. Мы решили, что перед отъездом Отто, проведем вечер в русском кабаре. В те годы они имелись во всех уголках Парижа. В них была атмосфера благородства и меланхолии. Здесь пели русские и цыганские песни, исполненные тоской по родине. Вообще, эти заведения были необычными, чем и привлекали множество посетителей. Сюда привлекала экзотика: чувственные песни, зажигательные танцы, красивые женщины и своеобразная кухня.

Я плохо помню, в каком уголке Кавказа мы почувствовали себя в тот вечер. Но точно знаю, что Отто принес нас туда на крыльях своей любви. Ему нравилось все, что связано с Кавказом. Эта симпатия была рождена его любовью. Отто выбрал столик в углу кабака. По-моему, его выбор не очень понравился Гюльнар. Она предпочитала быть на виду. Ведь сюда могли прийти и наши знакомые. Для чего же она вырядилась в алое бархатное платье, надела дорогие украшения? Она потрясающе выглядела и хотела восхищать окружающих своей красотой. Гюльнар, знала, почему Отто выбрал этот дальний уголок: не очень-то прилично молодым женщинам из хороших семей появляться в ночном кабаке. Да уж, наш Отто был консервативен, предпочитал прежние порядки. Гюльнар старалась не обижать его. И отсюда, из нашего уголка, были хорошо видны оркестр, исполнители и большая часть посетителей. Подошел официант. Было заметно, что он не из низкого сословия. Как и все остальные работники здесь, он очаровывал клиентов, статью. Интересно, какой высокий пост занимал он на родине? Маршал, сенатор, приближенный ко дворцу Николая II?

Ночное представление только начиналось. Шли первые номера программы, как и принято, наиболее слабые. Толстая дама исполняла какую-то бесконечную песню. Никто ее не слушал, но из приличия некоторые поаплодировали в конце номера. А, толстушка, вдохновленная вниманием, затянула следующую песню. Когда певица завершила свое мяуканье, оркестр начал играть джаз и стало веселее.

Когда я только оказалась в Париже, эта музыка была непривычна мне. Она напоминала мне страну чудес Алисы. Звуки джаза возвращали меня в детство, в Баку. Они были похожи на туземные ритмы или удары цепей на траурно-религиозных ритуалах. При свете факелов сотни людей ритмично наносили себе символические раны и кричали в текст «Шахсей-Вахсей!» Они били себя цепями, не чувствуя боли и усугубляя «страдания» Так, одурманенные коллективной мистикой, люди выражали свою солидарность с имамом Хусейном, погибшим во имя веры. Он был сыном Фатимы, дочери Пророка, и его вместе со своей семьей предательски убили в Карбале. Поэтому шииты считают Карбалу священным городом. Бабушка водила меня восьмилетнюю девочку, на траурные религиозные собрания, пытаюсь приобщить к истинной вере. Сидя в женской ложе, отделенной занавесью, я мучалась от духоты и хотела сбежать оттуда. Молла, сидя на возвышенности, читал отрывки из Корана или религиозные тексты. Мне было страшно, я боялась людей вокруг, обуреваемых религиозными страстями. Мужчины, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее взмахивали цепями под крики «Шахсей-Вахсей!», а женщины в ложе, обнажив головы, начинали рвать на себе волосы и истязать лица, царапая их в кровь. А некоторые фанатики, не довольствуясь цепями, наносили себе раны кинжалами. Я дрожала от страха, видя весь этот кошмар. Хотела вскочить и убежать, но меня удержали, И я упала в обморок от ужаса.

Сейчас, когда мы были далеки от беспокойного Кавказа, я без особого трепета возвращаюсь в тот день, вспоминаю его, не ощущая страха.

Джаз завершился. Запел хор из группы красивых юношей славян. Ну, конечно же! Что они могли исполнять? Песню волжских бурлаков!» А после «цыгане» запели «Две гитары». В те годы среди русских эмигрантов это были самые популярные песни. Они были милы их сердцам. Певица-цыганка надрывно пела:

Заговори со мной,
Гитара семиструнная.
Вся душа полна тобой,
А ночь такая лунная!..

От этой песни становилось грустно. Несколько мужчин начинали хором подпевать, а гитаристы возбужденно стучали по деревянным частям гитары, заводясь и ускоряя темп. Хотелось крушить все вокруг, бить посуду, орать вместе с артистами, неистово плясать в бешеном ритме. Наконец, шум стих, но возбуждение еще не улеглось. Зная последствия таких выступлений, руководство кабаре, раздавало гостям бумажные веера.

Зал был полон до отказа. Желающих приобщиться к «русской ностальгии» всегда хватало. В тот вечер публика в кабаре была очень разнообразной и многонациональной – настоящая парижская масса. Сюда пожаловали и сказочно богатый миллионер с Востока, и знатный английский лорд, и французская любовница перуанского миллиардера, легкомысленные американки, европейские «свободные» дамы и прочие. Очень скоро зал стал напоминать борт спасательного судна, набитого до отказа. Вновь прибывших отправляли в другие, менее известные кабаре. Было так тесно, что не помогали ни вентиляторы, ни веера, ни холодное шампанское. Но и в этой темноте клиентов не оставляло желание развлекаться и тратить деньги; все пили, смеялись, кричали, переговаривались руг с другом, дергались в такт музыке. Некоторые забирались на сцену и дико выплясывали. Кому не хватило места на площадке, плясали прямо на своих местах. Веселились все, невзирая на возраст. Какая-то увешанная бриллиантами пожилая американская, выплясывала в паре с молодым красивым мужчиной. Это был тот самый грузинский князь, клиент богатых дам. Отто и Гюльнар тоже танцевали, Отто пожирал свою возлюбленную глазами, а она изображала из себя царицу.

Я завидовала ее красоте, обаянию, манерам. Как хотелось оказаться на ее месте! Да вряд ли у меня получится...Все равно я останусь неуверенной,

замкнутой и стеснительной. Оставшись за столиком одна, я снова отдалась грезам. О чем думала? О счастье. О большой, настоящей, вечной любви!

Вдвоем с Гюльнар мы приехали провожать Отто. Он очень волновался, был бледен и хмур. Кажется, только сейчас понимал, что на тридцать лет старше своей подруги. Его проплешины, морщины, мешки под глазами сейчас стали особенно заметными. Он мучился от ревности.

– Дорогая, обещайте, что эти два месяца будете верны мне! Обещайте, что будете часто писать и обо всем ставить меня в известность!

– Ладно, ладно! Мы ведь так много раз говорили об этом! Это утомляет, - не выдавая раздражения, отвечала Гюльнар.

– Понимаете ли...

– Понимаю! – перебила его Гюльнар. – Очень хорошо понимаю. Каждый мужчина хочет считать женщину только своей...

Но увидя еще большее волнение Отто, она продолжила мягче:

– Простите меня! Я так взволнованна вашим отъездом! Не знаю что говорю! Буду очень скучать без вас, поверьте. Я люблю вас гораздо больше, чем вы думаете.

У бедняги Отто от радости зарумянились щеки. Маленькая ложь могла сделать его таким счастливым! Маленькая, милая, благая ложь! Я оправдывала этот грех Гюльнар! Отто крепко обнял ее и стал жарко целовать. Мне было так жаль его! Я отошла в сторонку, чтобы поплакать

Отто сел в вагон, поезд тихонько тронулся. Отто махал нам белым платочком до тех пор, пока состав не скрылся из виду.

Когда мы возвращались домой на такси, Гюльнар уже чертила план. Бессердечная, она решила отпраздновать отъезд Отто. В банке на ее имя был открыт счет. Гюльнар собиралась воспользоваться сполна и этим счетом и своей свободой. «Праздник» решено было отметить в доме-мастерской «Жозезу», ей нравилась тут обстановка раскованности. Поскучав месяц в объятиях Отто, Гюльнар собиралась устроить пирушку с развлечениями и приклю-

чениями. В качестве нового возлюбленного был избран полковник Николай Карпов. Она давно об этом подумывала.

– Попробую его в качестве «закуски», пока не подойдет время главного блюда.

– А как же бедный Отто?..

– Прекрати! Прошу тебя, не поучай меня! Разве я не подарила ему целый месяц самых ценных дней своей юности? Я ничего не должна ему. А ты – простофиля! Похоже, мне самой придется искать тебе любовника. Разве это жизнь?

Мое одиночество казалось ей оскорбительным, и она собиралась исправить это безобразие. А я осторожно сопротивлялась, сама не зная, чего хочу, как всегда, трусила.

Жозе и Зулейха с радостью приняли предложение отметить у них дома «Праздник Свободы» Гюльнар. Они отдали в ее распоряжении свой дом, и свих друзей, и свое время. Гюльнар раздала приглашения, сделала заказ во французских и русских ресторанах. Она пригласила почти пятьдесят человек и собиралась хорошенько накормить и напоить их.

Мастерская была так украшена! Войдя, я первым делом увидела Альмерью. Он выглядел угрюмым и несчастным. Альмерья, влюбился в Гюльнар с первого же взгляда. Но шансов у него не было. С таким-то видом?! Отвечая на его страстные взгляды, она говорила: «Если бы его хорошенько прокипятили, может, и переспала бы с ним! Но его не так-то просто отмыть!»

И без того невзрачный Альмерья еще больше подурнел и приуныл. Он смотрел на Гюльнар, не осмеливаясь заговорить. Как горели его глаза! А Гюльнар в тот вечер была просто неотразима. Она была настоящим символом красоты, любви, женственности, очаровав всех мужчин. Рядом с ней я выглядела служанкой.

Мне просто необходимо научиться бороться и побеждать! Но я такая бестолковая... Вот и сейчас, сидела в углу комнаты, смотрела на счастье других и завидовала.

Посреди зала был установлен длинный стол, заваленный угощением. Для этого случая Гюльнар даже купила новую скатерть. Гости, стоя вокруг стола, без передышки ели и пили, пили и ели, снова и снова... Иван Петрович так напился, что едва держался на ногах. Казалось, только тронь и из него брызнет водка. На лице Ивана Петровича сияла дурацкая улыбка. На сей раз он рассказывал, как ему пришлось однажды остановить понесших лошадей и спасти экипаж. А, в экипаже были не кто-нибудь – графини!

– Случается же такое! – с восхищением произнесла один французский госопдин. Это была Жером Лавюсери, адвокат. Он по наивности, а может быть из приличия, спросил – И как же вас отблагодарили за такой героический поступок?

– Сам царь выразил мне благодарность в Зимнем Дворце. Конечно, он не мог предложить мне вознаграждение, мой род не ниже его. Наш род, даже древнее, богаче царского. Словом, и он, и царица благодарили меня за отвагу.

– На, выпей еще, но только заткнись. От твоих рассказней уши вянут, – сказал Шамси, подойдя к Ивану Петровичу. Когда-то они вместе учились в Санкт-Петербургской военной школе. В это учебное заведение принимались лишь дворянские дети. Шамси говорил с Иваном по-русски, чтоб не сконфузить перед французом. Иван взял чарку и залпом опрокинул ее. Вообще, на этом пиру «спаиванием» гостей» занимался Шамси. Эта часть дела была его поручением. Шамси велел (да, именно, велел») генералу Тваридзе, пришедшему со своей гитарой, исполнить песню в честь каждого гостя. А гость после этого обязан выпить стакан водки, оштрафованному торжественно подавался бокал одной из дам. Некоторые из гостей, зная обычай, после того, как выпивали бокал, бросали его на пол. Одни ломали бокалы, другие им аплодировали. Хорошо, что предусмотрительно закуплены дополнительно стаканы и другая посуда. На таких пирах посуду били без счета.

Жозе с удовольствием перешел под опеку Шамси, почувствовав что ему прощены недостатки «происхождения». Он пил водку, как настоящий русский. Еще ему удалось изучить много русских и азербайджанских слов и да-

же застольные песни. Жозе обожал русский борщ и считал его лучшим из европейских супов. В русских ресторанах он требовал счет, коверкая слово, - «шот». Его не всегда сразу понимали. Вообще, русские слова нелегко даются иностранцам, им трудно справиться с произношением.

Шамси стал снисходителен к Жозе и даже иногда брал у него в долг. А после «забывал» вернуть. Жозе стеснялся напоминать об этом, даже Зулейха не знала. Зачем же ее зря сердить?

Напоив всех как следует, Шамси предложил спеть хором. Я терпеть не могла этих песен. Мне надоели старые русские песни. Но традиция есть традиция! Мне было все равно грустно – пусть поют.

Подруга Зулейхи, Татьяна, пела громче всех. И хуже всех. Но за красоту ей это прощалось. Ах, какая она была красавица!

Настоящая славянка. И немного вспыльчивая. И рисунки у Татьяны были необычными. Она писала иконы или картины религиозного содержания. Татьяна была очень верующая. Однажды ночью в ее мастерскую пытались проникнуть грабители. Думаете, она позвонила в полицию? Нет, она позвонила бабушке! А уж тот и сообщил в участок. За иконы Татьяна часто не брала денег, говорила, что на том свете зачтется. Надо сказать, что она не просто говорила, но и верила в это!

Во всем остальном же. Татьяна была схожа с Альмерьей. Такая же неряшливая. Распоротый шов на платье она закалывала булавкой. Немытые русые волосы свисали прядями на красивое лицо. Татьяна почти не пользовалась косметикой, как другие женщины.

– Посмотрите, на мои средневековые тени, – говорила Татьяна, показывая свои рисунки. Но никто не понимал их смысла.

Николай Карпов распелся от души. Ему казалось, что Гюльнар начала благоволить к нему. Несмотря на старый пиджак, он выглядел неплохо, был очень статен. Даже Шамси оценил его статью. Уступая по всем другим областям, он на пьяных пирушках был кстати. Говорить Карпов мог только на две темы: его военная карьера, загубленная революцией, и приключения такси-

ста. Сегодня он был красив: блестели волосы, глаза, зубы. Лицо прямо сияло! Он чувствовал, что нравится окружающим.

Другой поклонник Гюльнар, Альмерья, был пьян в стельку. Он не отрывал глаз от кастильского меча на стене – памяти своего деда. Потом, вдруг, схватил его, обнажил и кинулся на Николая Карпова. Но Альмерья забыл, что Карпов – полковник. Николай играючи отнял у него меч и с усмешкой протянул Жозе. Жозе вернул меч в ножны. Униженный Альмерья, закрыв лицо руками, бросился вон из мастерской.

Адвокат Жером Лабюсери с интересом наблюдал эту сцену. Все было ему в новинку. Он сказал Гюльнар несколько комплиментов и за вежливость был приглашен и впредь посещать дом. Жером радостью принял приглашение. Он был чутким и наблюдательным. Заметив мою печаль, попытался ее развеять. Но ничего не вышло. Признаюсь, что чем больше становилось поклонников у Гюльнар, тем мрачнее я становилась. Неужели я обречена всегда оставаться в тени? Я еще не знала, что дальнейшая дружба в Жеромом Лабюсери приведет к неожиданным переменам в моей жизни.

В эту веселую ночь между Гюльнар и Николаем Карповым возникло любовное приключение по-русски. Карпов и не предполагал, что капризы новой любовницы сожгут его до тла.

А теперь, видимо, мне следует сделать некоторые пояснения относительно особенностей русских эмигрантов. Правда, мы с Гюльнар не были русскими, но жили с ними в одной стране и были подданными Российской Империи.

II ЧАСТЬ

Белая эмиграция Октябрьской революции

Думаю, меня не осудят за то, что этот период – время человеческих трагедий – я начну отрывком из исторического рассказа русской писательницы Теффи. Она и сама эмигрировала во Францию, и ей была близка тяжелая жизнь живущих здесь эмигрантов. Часто даже в трагедиях проглядываются черты юмора. Не буду утомлять читателя и приведу отрывок из книги «Маленький город» в качестве предисловия:

«Речь идет о небольшом городке с населением в 40 тысяч, единственной церквушкой и множеством трактиров. Через город текла речка. Прежде она называлась Секана. Позже ее стали называть Сеной. Но, после того, как на берегах речки возник этот маленький городок, его жители нарекли ее «нашей Невой».

Что в поселке Пасхи, что в местечке Паривгош, люди жили скученно. Молодежь по большей части интересовалась транспортом и работала водителями. А люди постарше открывали чайные или устраивались на работу в таких же чайных. Чернявые называли себя цыганами, либо кавказцами, а белокурые были известны как русские. Женщины занимались тем, что шили друг другу платья и шляпки. А мужчины предпочитали занимать деньги. Остальное население (кроме мужчин и женщин) составляли министры и генералы. Изредка они становились водителями, но чаще делали долги или писали мемуары. Те, что писали мемуары, имели целью возвышать себя и смущать остальных своих соотечественников. Разница между мемуарами была в том, что одни писали отруки, другие – на пишущей машинке. Иногда в маленький городок приезжал театр. На представлениях можно было увидеть «живые тарелки» и танцующие часы. Жители требовали и получали бесплатные билеты, и все равно были недовольны театром. Руководство театра раздавало бесплатные билеты и, стоя в сторонке, выслушивало брань зрителей. В городке выходила и газета, и все стремились приобрести ее даром. Но газета боролась

и жила. Общие дела никого не интересовали. Небольшие группы собирались лишь для совместного поедания русского борща. Люди так ненавидели друг друга, что стоило собраться вместе двум десяткам людей, сразу обнаруживалось, что первые десять человек враждебны остальным десяти. Но если случайно собравшиеся не были врагами, то, встретившись, обязательно ими становились.

Маленький городок был окружен не лесами и полями, а улицами самой красивой столицы мира, музеями и театрами. Но население городка не общалось с жителями столицы, отвергало плоды чужой культуры. Даже покупки делались только в магазинах городка.

Жители маленького городка говорили на каком-то странном диалекте. Но филологи без труда определили его принадлежность к славянской группе. А еще жители городка очень радовались, когда среди них кого-нибудь уличали в краже, афере или продажности. Они любили есть сыр и подолгу вести телефонные разговоры. Они были суровыми людьми и никогда не смеялись».

Эмигранты, лишённые чувства юмора, осуждали Теффи за эти сатирические строчки. А другие смеялись, читая их. Автор произведения и сама терпела много лишений, будучи эмигранткой, но была очень умной женщиной. Она считала юмор лекарством от тяжелой жизни беженцев и не испугалась использовать его в своем произведении. Первый русский писатель, удостоенный Нобелевской премии, Бунин говорил: «Эмиграция – это, действительно, великий и драматический феномен». Он и сам был эмигрантом, жившим во Франции. И, если не считать период получения премии, долгие годы терпел тяготы. Премия несколько улучшила его положение, но все равно умер Бунин в нищете. И сама Теффи прожила жизнь в бедности и одиночестве. Она умерла от сердечной болезни. Однажды она призналась мне, что, пытаясь избавиться от одиночества и чувствовать себя среди людей, часто проводит время в почтовом управлении. Город, который Теффи называла «маленьким», в действительности был не так уж мал. И жителей было не соток тысяч, а в два, три, четыре раза больше. Здесь жили, группируясь по

классовому, родовому, этническому признаку. Этнические группы представляли собой многоцветную мозаику Российской империи. Только с моего огромного Кавказа прибыли сюда грузины, азербайджанцы, армяне, осетины, черкесы, чеченцы. Затем шли украинцы, крымские татары, цыгане со всех концов страны, балтийские немцы и, наконец, русские. Всех объединяли под названием «русские». Это смешение наций объединяла одна беда. Эти люди потеряли Родину, состояние и социальное положение. Если собрать вместе всех разбросанных по миру беженцев, образовалась бы огромная территория, отколотая от тела Российской империи. Сей удивительный феномен был в центре внимания многих современников. Американец Чапинхунтигтон писал в 1933 году: «Это единая нация, рожденная войной и ее не найти ни на одной географической карте. Численность ее не более одного миллиона. Но по образованности она может занять первое место в мире. Этот народ не имеет правительства, но у него есть столица – Париж. Часть же населения рассыпана небольшими группами по другим частям света. Половина из них – военные, но народ этот не имеет армии. Народ сей имеет парламент, где собраны все левые и правые течения. Нет в нем только коммунистов. Народ открывает свои школы, где детей учат родному языку и традициям: один из семи имеет высшее образование»...

Какова же численность этих людей? Разные источники указывают разные цифры, точно ответить трудно. Цифры только приблизительные. Пол Ладат считал, что эмигрантов два миллиона Советская статистика тоже указывает эту цифру. Немец Фон Римше доводит эту цифру до 2.935.000. Адам Косовский говорит о 8-10 миллионах. Порой кажется, что никто не назовет точного их числа. И главная причина в том, что пути эмиграции, способы побега с родины были самыми разнообразными. Покидавшие в спешке пределы России через южные, северные, западные и восточные границы в большинстве своем не проходили регистрации. В Китае, Манчжурии, Иране и других похожих странах законы отличались от европейских и беженцев не включали в списки.

Многие русские женщины выходили замуж за коренных жителей и исключались из списка беженцев. Не было в этих списках и состоятельных эмигрантов, которые принимали гражданство других стран. В действительности, имеющие на руках паспорт Нансена представляли не всех эмигрантов. Но всех без исключения сделала беженцами революция.

Аристократы, политики, чиновники, военные, бродяги – огромная масса, стремящаяся покинуть голодную, втянутую в кровавую гражданскую войну Россию и пересечь «Санитарскую полосу» между ней и другими странами, недавно пережившими свою войну. Через степи Средней Азии и холодные леса Сибири добравшись до Новороссийска, Одессы, Архангельска, Батума люди покидали родину морским путем. Люди бежали через границы, лежащие тысячи километров, бедствовали, гибли от пуль. Но оставшиеся в живых не отступали. Все бежали в надежде на спасение...

После каждого нового поражения Колчака, Деникина, Врангеля, Петлюры к беженцам примыкали сотни солдат. Поток беженцев, текущий к границам, рос.

Европа задыхалась под волнами эмиграции. Первые волны разливались по турецким и балканским берегам, а оттуда текли дальше. Вышедшая из войны, обедневшая и разрушенная Франция приняла полмиллиона беженцев, большинство из которых были нищими и не имели специальностей. Вся Европа ломала голову над этим вопросом, и часто отношение к эмигрантам было неприязненное. Их было так много! И они были повсюду. Из самой Франции, потерпевшей поражение в войне, около 400.000 беженцев хлынуло в потерпевшую крах Германию. Эти люди обустроились в Берлине, главным образом, в окрестностях зоопарка. Писатель Шиловский говорил: «В Берлине русские вились вокруг старой церкви, как бабочки вокруг лампы». А Англия принимала беженцев, строго контролируя численность.

Вот один эпизод из европейской истории. В октябре 1921 года после некоего решения Советов сотни тысяч эмигрантов лишились своей национальной принадлежности. Президент Верховного Комиссариата по делам бежен-

цев, Нансен, нашел выход из этого заставшего всех врасплох правонарушения. 3 июля 1922 года на Женевской конференции по настоянию Нансена 16 стран дали согласие на паспорта нового образца. Впоследствии эти паспорта так и стали называть – «паспорт Нансена». Таким путем беженцы стали получать возможность для легального проживания и признавались мировым сообществом. Многие современники называли эту идею гениальной. Но Пол Ладам, например, писал так: «Считать «паспорта Нансена» гениальным решением несколько удивляет. В настоящее время вопрос помощи беженцам превратился в серьезную проблему. Но согласен, что в те годы ни одна страна не могла еще знать ни сложности вопроса, ни взятой на себя ответственности». К слову сказать, и сегодня некоторые, эмигрирующие за рубеж в поисках работы, стараются получить статус политических беженцев, чтоб обрести определенные льготы.

«Октябрьская революция породила эмиграцию – этот драматический феномен» - совершенно справедливо говорил Иван Бунин. Некоторые сравнивали эмиграцию с еврейской диаспорой, но это ошибочное мнение. Еврейский вопрос – вопрос религиозный и тянется не первое тысячелетие. Другие пытаются сравнить этот феномен с французской эмиграцией после революции 1789 года. Но и тут разница налицо: и по количеству, и по составу французские эмигранты в большинстве своем были аристократы, высокие чиновники прошлого режима. Кроме того, их переселение не породило серьезных социальных проблем. А в русской эмигрантской среде были представители всех сословий: от простого царского солдата до графа, от звезд балета до крестьянина, служившего в Белой армии. Итак, в «символической России», возникшей за пределами границ, были не только представители разных этносов, но и действовали свои законы: дворянский закон, купеческий закон, крестьянский закон, закон служащих и мелких буржуа.

Можно ли составить список входящих в русскую диаспору известных личностей? Профессор Р.Ковалевский начал такую работу, но только в Париже их были десятки. Вот некоторые из них: Шаляпин, Стравинский, Про-

кофьев, Кшесинская, Преображенская, Балашова. Две последние, в отличие от балерины Кшесинской, вышедшей вскоре за графа и открывшей в Париже балетную школу, по-моему, не нашли подходящего графа для замужества. Замечу, что в свое время Кшесинская была возлюбленной Николая II, и в ее дворце большевики провели свой первый съезд.

В Париже собрались и русские писатели: Бунин, Тоффи, Ремизов, Мережковский и его жена, Куприн, Зайцев, Арамович, поэты В.Иванов, Марина Цветаева, Бальмонт, Северянин.

Ковалевский писал: «Довоенное поколение (1920-1939) русских эмигрантов в двадцатые годы создало в Париже свой самый сильный по культурному урону центр». Среди деятелей культуры были философы и религиозные деятели: Бердяев, Шестов, Лосский, Булгаков и десятки других. Немало было и художников: Кандинский, Шагал, Торех, Ковач, Бакет и другие. А сколько было мастеров сцены!» Перечислить всех просто невозможно! Об этих людях, оказавшихся в политической ссылке, можно дать лишь примерные сведения. Но большая часть эмигрантов были людьми здоровых тенденций.

Маяковский во время путешествия в Европу (1922) писал: «В Париже собралась самая опасная идеологическая группа эмиграции: Мережковский, Гиппиус, Бунин и другие. Все советское они покрывают мусором». Интересно, как он сам чувствовал себя в новой России? Ведь и он «переехал», избрав для этого иной способ – самоубийство.

Семья Толстых из десяти человек тоже жила в Париже, и все они были крайне бедны. Семья испытывала такую нужду, что когда в Париже демонстрировался фильм «Война и мир», дочь графа, Татьяна Толстая – Сухотина не смогла купить билет на просмотр.

Небезызвестный Юсупов был женат на племяннице Николая II. Он открыл в Париже дом мод «Ирфе» («Ирина-Феликс»). Я хорошо знала этот дом мод – проработала там продавщицей несколько месяцев. Но, к сожалению, не довелось повидать эту, как говорили, очень красивую супружескую пару.

Среди беженцев были и графы. Многие из них не гнушались никакой работой. Один работал водителем такси, другой была фотографом (сейчас эта профессия не считается постыдной). Мужу балерины Кшесинской, тоже графу, повезло. Потому, что его супруга возглавляла процветающую балетную школу.

Две трети русской диаспоры влачили жалкое существование. Они никак не могли приспособиться к новым условиям. Одни не умели работать, другие не могли смириться с унижительным положением, третьим просто не везло.

Несчастливые эмигранты изнывали от тоски по родине. Но Родина давно уже была другой. Как-то Теффи сказала мне, что при слове Россия она видит не березовые рощи или улицы Санкт-Петербурга, а прежнее, исчезнувшее, социально-культурное положение.

– Что мне было там делать? – задумчиво говорила она, но все равно тосковала.

В статье «Родина» Куприн показал разные стороны ностальгической болезни. Он заканчивает статью такими словами: «Болезнь пережила кризис и стала хронической. Живем в чудесной стране (во Франции), вокруг нас памятники высочайшей культуры, но все не то... Будто смотришь фильм... А потом приходит тихая, тупая боль. Это даже не боль по Москве, по России – на их месте осталась черная дыра». А вот строка из стихотворения Бальмонта «Письмо из Парижа»: «Все дальше по дорогам чужой страны, обрывая нити с родиной».

Прокофьев считал себя настоящим русским, и на чужбине творческое вдохновение покидало его. В двадцатых годах Рахманинов говорил американскому журналисту: «Покинув Россию, я потерял охоту писать музыку, потеряв Родину, я потерял себя».

Но известная поэтесса Марина Цветаева в начале своей эмигрантской жизни думала иначе: «Родина – это не только территория, это неотъемлемая часть человеческой памяти и плоти. Тот русский боится забыть Россию, кто так не думает. Носящий родину в себе, может потерять ее лишь вместе с

жизнью...» Позже она почувствовала, что носить Родину в себе - недостаточно. И вернулась туда.

Бунин, получивший признание в ссылке тоже тяготился чужбиной, но вернуться на родину не захотел. Хотя советы и приглашали его.

– Они заставят говорить меня то, чего я не хочу говорить, верить в то, во что я не верю, – ответил он, когда я выразила свое удивление. Нобелевская премия давно истрачена. Но старый и больной человек отказывается от славы и денег – для этого нужна особенная стойкость.

Хотя большая часть русской интеллигенции отказываюсь возвращаться на родину, ни создавать обыкновенные связи, ни приспособливаться к местным условиям они не хотели. Они, общались внутри диаспоры, чуть ли не в виде племени. Не испытывая чувства ответственности сами, они считали «местных» негостеприимными, недоброжелательными. Конечно, иногда бывало и такое. Но не на общенациональном уровне! Франция всегда принимала политических беженцев со всего мира. А может французам надоело это брюзжание пришлых? Возможно, и так. У меня же не было причин обжаться на французов. Меня они приняли, приютили, и говорить о них плохо я считаю неправильным. Некоторые считают, что ко мне благоволят только из-за приверженности французскому духу и писательской деятельности. Но ведь Тэффи и Бунин были признанными писателями. Все дело, по-моему в том, что они не хотели выходить из своей скорлупы. Считали предосудительным даже говорить по-французски! Русским не нравился лозунг «Сперва мои домочадцы!» Мадлен Доре, написавшая об этих людях полный труд, говорит, что в них силен чувство национализма. А тоска по родине многократно усилила это чувство. Они считают, что предадут родину, если вступят в более тесные отношения с местным населением. Мадам Доре утверждает?: «Даже приняв местное гражданство, русские не забывают своей национальной принадлежности и нечасто общаются с населением. Такие черты присущи, главным образом, первому поколению эмигрантов. Следующее поколение уже

тяготеет к местным условиям. Для третьего поколения таких проблем и вовсе нет».

В 1919-1941 годах случаев принятия гражданства было мало. Из 532868 русских, проживавших во Франции только 18973 человека приняли гражданство. По утверждению мадам Доре, смешанные семьи создавали лишь простые люди, в средних слоях общества такие случаи были редки. В 1930-31 годах было заключено 6055 браков и в 5269^{ти} из них русские мужчины брали в жены француженок.

«Причиной тому нельзя считать большее, в 2-3 раза количество мужчин – эмигрантов относительно эмигрантов женщин. Дело в том, что русские женщины «офранцузивались» медленнее мужчин, а мужчины-французы им не нравились.

Мои полувековые наблюдения подтверждают правоту мадам Доре. Я встречала немало русских мужчин, выступающих, как настоящие «французские патриоты». А вот женщин таких не припоминаю. Конечно же, я не желаю обобщать все факты и быть уличенной в упрощении. Но я точно знаю, что в результате браков русских женщин и французов было создано очень мало счастливых семей. Таких мужей я назвала бы «жертвами Октябрьской революции». Непросто жить, вечно брюзжа и браня Францию. Можно позабывать терпению мужа, жена которого принесла ему вместо приданного лишь свои воспоминания о прошлом и иногда «достойное» имя. Нужна была колоссальная выдержка, чтоб мириться с бесконечными капризами такой жены. Однако недовольному мужу не стоило бы выражать свой протест – себе дороже. Сварливая супруга, доказала бы ему, что именно ей не повезло с выбором.

Однажды я стала свидетельницей спора русской женщины, вышедшей замуж за знатного маркиза, со своим сыном.

– Почему ты живешь в этой стране? Ведь ты ей чужая! Лучше уезжай отсюда, – не выдержал сын, слыша очередное проклятие матери в адрес Франции. А женщина принялась клясть свою судьбу.

Десяткам русских женщин удалось все же, удачно выйти замуж во Франции. Трех таких и я знаю. Одна вышла замуж за известного нефтяного магната Гери Дефердинга, вторая стала женой Махараджи де Кабуртала, а третья – Лорда Абди. Знатный лорд был очарован походкой манекенщицы в одном из домов мод и в итоге женился на ней. Если говорить о том, что русские предпочитали больше общаться со своими соплеменниками, - так ведь это и присуще другим беженцам. Тоска по родине сближала всех, кто покинул ее. Они говорили и думали по-русски, готовили русскую еду, вместе пели хором, оплакивали гибель царской семьи, проклинали большевиков, с одинаковой надеждой поддерживали друг друга, отогревая свои мерзнувшие на чужбине сердца.

Если прихожане какой-либо церкви в большинстве своем были русскими, то французы становились здесь «пришлыми». Мне вспоминается один концерт Рахманинова в театре Шан-Элизе, что состоялся до войны. Большинство зрелей были русскими.

Что это? Почему здесь полно посторонних? – громко возмущалась она русская дама во время перерыва.

Вина французов в том, что они говорят... на своем языке! Дай русским чуть больше воли, и они непременно выдвинули бы лозунг «Франция – для русских!» Когда я шутя высказала эту мысль, они восприняли ее вполне серьезно. Думая, что и Теффи поддержала бы этот лозунг, будь она жива.

Ленивые обычно русские, с большим энтузиазмом принялись за создание малой России во Франции. Надо сказать, что это происходило на фоне их еще не угасшей надежды на возвращение. Первым делом были открыты русские школы: утерянная родина должна жить в юных сердцах! Профессор Ковалевский считал целью таких школ на чужбине «сохранность детских душ». Он писал, что после 1924 года во Франции открылось 47 русских школ. Если читателю интересен этот вопрос, рекомендую обратиться к двухтомнику автора, самого господина Ковалевского.

По большому счету русским удалось достойно выйти из сложного положения. А ведь большинство из них не имели никаких профессий.

В эмиграции же многие обрели самые разнообразные профессии: стали продавцами, манекенами, офицерами, водителями, служащими в гостиницах. Генералы стали певцами или деятелями кино, грузинские князья превращались в танцоров, военные записывались в иностранные легионы и т.д. Как только разбитая эскадра генерала Врангеля прибыла в Стамбул, вокруг нее собрались и новые люди. Сотнями записывались в это войско романтически настроенные люди, мечтающие посетить экзотические страны, испытать интересные приключения. Их манили миражи. Сотни русских служили во Французской армии, а затем вступали в войска сопротивления. Самым известным из них был Зиновий Пешков, сын Максима Горького. Он начал службу в иностранном легионе и вырос до бригадного генерала. Князь Амилахвари стал полковником и, возглавлял 12ое подразделение этого легиона, погиб в Эль-Алатейне. Офицером французской армии был и Пуришкович, племянник адвоката Пуришкевича, депутата Думы, подстрекателя убийц Распутина. Нельзя забывать и полковника Мишеля Гарзени, русского француза. Он был профессором военной школы, автором «Тайной войны», посвященной французской разведке.

Водителям такси – русским – можно посвятить целую главу. Среди них были генералы, священники, адвокаты и даже доктор философии и граф. В одно время количество таких водителей дошло до 4.000 человек. У них было два своих профессора, свои адвокаты, гаражи, кооперативы, библиотеки, столовые и дома отдыха. Кроме того они имели и свой печатный орган – газету «Русский водитель» и журнал «За рулем». Можно предположить литературный уклон и уровень этого журнала. Общество водителей проводило интересные вечера, благотворительные собрания, концерты. Люди шли с большой охотой на эти мероприятия. Сообщество водителей было маленьким миром со своими традициями, правилами и духовностью. Я знала немало родовитых московских барышень, которые работали уборщицами в ночных клу-

бах или официантками в ресторанах. Одна из них работает до сих пор, несмотря на преклонный возраст. Она сорок лет изо дня в день вращается между столиками с блокнотом для заказов в руках. Имуществом русских эмигрантов были не только школы, семинарии, консерватория имени Рахманинова, многочисленные церкви. Им принадлежало и самое большое издательство. Абдан-Косовский, исследователь русской эмиграции, писал, что русские во Франции выпускали 62 наименования газет и журналов. Это довольно много для полумиллиона переселенцев. Автор утверждает, что в первые годы русская диаспора издала 1005 газет и журналов. В этой области Франция имела самый высокий показатель по Европе. На Дальнем Востоке, в Харбине, где сосредоточились части разбитой Белой армии, было 147 печатных органа, в Шанхае – 33, в США – 50, а Африке – 11, в Австралии – 4; что касается книгопечатания, Абдан-Косовский утверждает, что за 50 лет эмиграции было издано 10.000 произведений (с соответствующим тиражом).

Чем меньше становилось эмигрантов, тем меньше численность церквей и молельных. В 16^м квартале, где я жила, шел тот же процесс. На улице Тур, меж двумя сквериками был храм. Я часто посещала его в свободное время. Не будучи очень религиозной, я наслаждалась царящим здесь покоем, прислушивалась к бедным сердцам, бьющимся среди двух миров. Под взглядами святых с икон, подолгу задумчиво сидела в помещении, освещаемом солнечными лучами.

Но однажды этот храм был разрушен, деревья безжалостно уничтожены, и на их месте выросло девятиэтажное здание. Когда мне доводится бывать там, я смотрю на это здание с горечью. Такое случалось в Париже тысячи раз.

Таким образом, Париж становился обычным городом мира, и великую столицу «пожирали» предприниматели.

При вялотекущей истории и перемены происходят медленно. А во время войн и революций все меняется очень быстро. Главным образом, силой ору-

жия. Так, Октябрьская революция задушила в крови великую Империю, царя, церковь, духовность, собственность. Для одних она была Великим врагом, для других Великой надеждой. Но исторический факт заключен в том, что Октябрьская революция была мировым бедствием. Она превратила в прах человеческие жизни и судьбы. К счастью, нам не привелось прочувствовать до конца эту трагедию. Даже самые трагические страницы истории когда-нибудь переворачиваются... Говоря обо всем этом, я забыла о тяготах, выпавших на долю моей семьи, отца, сестер, о моей юности, совпавшей по времени с революцией. Одни смирились с переменами и нашли свое место в новой жизни. Другие не смогли этого сделать, так и не оторвав своих сердец от прошлого. Вот и мой отец до конца жизни пронес эту боль. Мне кажется, что такое состояние сродни психологическому заболеванию.

Стоило бы рассказать и о таких, как я, эмигрантах-кавказцах. Их тоже было немало. Главным образом, это семьи бывших нефтяных магнатов. Некоторым удалось вывезти с собой большое количество ценных украшений, что позволяло какое-то время вести сытую жизнь. Они тратили деньги, уверенные, что в скором конце власти большевиков, и вдруг оказывались в нищете, другие не жалели их тратить, чувствуя свой скорый конец.

Семья одного нефтепромышленника вызывала долгое время интерес окружающих. Глава семьи покинул Кавказ до революции. Не имея своих детей, он содержал огромную семью, в том числе и двадцать пять молодых людей. Этот нефтепромышленник, подозревая, что скоро большевики могут национализировать его нефтеносные участки, постепенно распродал их оптимистически настроенным европейцам. Те еще не сомневались в поражении большевистской власти. Таким образом, бывший хозяин скважин за короткий срок собрал огромное состояние и стал бездумно тратить деньги. Ему хотелось жить по классу «люкс». Этот человек приобрел позолоченный «Роллс-ройс» и скаковых лошадей. Чтоб его дорогой автомобиль и лошади нашли применение, необходимо было завести шикарную любовницу. Он избрал для этой цели одну очень знаменитую актрису и наслаждался красивой жизнью.

Но скоро объявился один из его племянников, бежавший из Советского Кавказа. Дядюшка, разумеется, не отказал ему в помощи и дал немало денег. Но вслед за первым, прибыл второй, третий, четвертый... Все двадцать пять племянников прибыли в Париж. У некоторых были и жены с детьми. С тех пор начались злключения богатого дядюшки. Родня требовала своей доли состояния, а дядя пытался сохранить для себя большую часть. Ему даже пришлось скрываться от недовольных родственников. Это было нелегко. Если в дом прислуга родню не впускала, то уж вне дома спастись было невозможно. Хитрые родственники несли вахту у его дома, разузнали все места, где он бывал и не давали проходу. Они запугивали его, угрожали или умоляли. А он убеждал родню, что продал всего пару скважин. Родня не верит и требует предъявить счета. Тогда он объявляет, что смертельно болен. Тайно выезжая на курорты со своей любовницей, он продолжает там шиковать. В это время родственники испытывают серьезные лишения: один за долги попал под суд, другой не может расплатиться за отопление и живет в холодной квартире, третий делает попытку самоубийства. Правда, он не очень старался умереть и, когда оправился, сердобольный дядюшка отстегнул ему немалую сумму.

Работать родственники не хотели.

– Что?! Мы будем работать, а это чучело – ездить на «Роллс-ройсе»? Ни за что! – поднимали они бунт. Да и как они смогли бы работать, если не имели никаких специальностей. Служить в ночных клубах не позволяло кавказское самолюбие. Но кавказцы – народ красивый. Эти статные, черноглазые молодые люди могли найти себе в ночных клубах богатых американок и жениться. К сожалению, всех богатых американок уже зацапали грузинские князья, которые в этой области имели хороший опыт. Грузинские мужчины считаются самыми красивыми на Кавказе. Им ничего не стоило свести с ума богатенькую дамочку. Княжеский титул носили почти все грузины. Не удивительно, что некоторые из этих «князей» были самозванцами. Тем не менее, это срабатывало и рождало серьезный интерес у дам.

– Ну и дела! – говорил отец одного из таких «князей». – Оказывается, я князь! Обычно титул достается сыновьям от отцов, а мне он достался от сына.

Некий молодой грузин, решив заполучить одну из самых богатых американских женщин, представлялся наследником грузинского престола. Но нынешняя бедность позволяет ему жениться только на девушке из низкого сословия. Молодой человек так печалился из-за утраченного высочайшего положения, что увидевшая его безмерные страдания и растроганная грустной историей американка бросилась в его объятия. «Наследник» в благородстве своем не смог отвергнуть даму. После церемонии «отречения от трона» невеста подсчитала расходы, и они оказались выше стоимости Грузинского царства. Откуда ей было знать, что это царство не одно столетие является Российской колонией? Но ей известно, что там сейчас захватили власть большевики. Вот скоро они уйдут – тогда все будет о'кей.

Организаторы церемонии «отречения от престола», взяв свой барыш, отошли в сторонку. А молодая «царственная» парочка зажила в радости. Через несколько лет они торжественно развелись, но бывший «наследник престола» и из развода извлек выгоду.

Самые ушлые из кавказцев – это армяне. На всем Востоке они прославились своими купеческими способностями и хитростью. У некоторых это даже вызывало зависть. Во Франции богатые армянские купцы мирового масштаба начинали свой бизнес с мелкой торговли и обмана (присваивали чужое добро). Разбросанные по всему востоку и живущие, как правило, мелкими группами, армяне, в отличие от других, не испытывали ностальгических чувств.

Надо сказать, что и на моей родине, в Азербайджане, армяне были в меньшинстве, но вели себя очень уверенно. Не то, что в Турции, где у них не было высоких покровителей. У нас же, пользуясь расположением русских господ, они не упускали возможности «сесть во главе стола».

Русские же, считая целесообразными христиано-мусульманские столкновения, создавали для них условия. Накануне несостоявшейся русской ре-

волюции 1905 года армяне начали резню и истребление мусульман, называя это мстью «за прошлые» обиды. После Первой мировой войны, в 1914-1918 годах, в Азербайджан прибыли турецкие войска, и армяне были наказаны. Но стоило туркам покинуть страну, армяне вновь начали жестокую резню. Наша семья бежала тогда в Иран. Мы направились туда на нефтяном судне. Отец, чтоб не быть узнанным, переоделся кочегаром. А мы, женщины и дети, закутавшись в чадру, изображали семью капитана. Этот отважный человек, спасая нас, поставил под угрозу свою жизнь.

А теперь – о деятельности армян во Франции.

Один из них, абсолютно недостойно, стал счастливым. Он тоже разбогател на Бакинской нефти и до 1914 года купил за границей корабли. Во время войны на них перевозился груз (и оружие), а деньги за аренду судов оседали во Франции. Когда он перебрался сюда сам, у него уже был огромный капитал. Этот человек влюбился в одну молодую женщину. Стал ее любовником, потом удочерил (!), но в итоге не оставил никаких прав на наследство. Все знали его как очень жестокого человека, но и очень богатого. Несмотря на всеобщую ненависть, он прожил долгую жизнь. Как же не позавидовать такому эмигранту?

Другой пример, прямо противоположный – мой отец. Вот я и сделала вывод: умение управлять своей судьбой ни что иное, как самообман. Обстановка может сломать любую волю. Мне становится грустно, когда вспоминаю выпавшие на мою долю трудности, страдания отца и родственников, умерших в бедности.

– Так угодно Аллаху!.. Все в прошлом.

Человек часто пытается своей волей подменить волю Бога, - так, наверное, сказал бы мой отец, верный своему фатализму.

Читатель, проявивший уважение и прочитавший написанное мной до этих строчек, наверное, заметил отличия между русскими и нами, азербайджанцами, и кавказцами вообще. Несмотря на оккупацию и отделение от Ирана, мы ничуть не стали славянами, сохранили свои национальные осо-

бенности, язык и религию. Ассимиляция местного населения – мечта каждого колонизатора. Но изменить совершенно иной народ, особенно верных Исламу мусульманских фанатиков, очень трудно. Например, моя бабушка не знала даже русского языка, но презирала русских. Она считала, что они хотят насадить нам свои обычаи, которые могли уничтожить наши устои, единство и веру, подталкивать к смешанным бракам и другими нежелательными поступками. Бабушка не скрывала своего отвращения к иноверцам и брезгливо плевалась, завидев их.

Идя в ногу со временем, окруженная цивилильным миром, я не испытывала ненависти к русским. Но всегда чувствовала нашу с ними разницу. Если меня путали с русскими, я сердилась, мне говорили «вы, русские», а во мне нет ни единой капли славянской крови! Я считаю себя чужой и «тамошним» и «здешним» русским, мне чужд их шовинизм, привязанность к мертвому прошлому. Я не обуреваема любовью к родине, потому что Россия для меня – ничто. А Кавказ не столь важен. Хотя я и родилась там, покоя мне там не было. Не знаю почему, но на Западе мне гораздо лучше. Здесь я чувствую себя увереннее. Но и свою восточную суть ни в коей мере не отвергаю! Восток всегда будет жить во мне. Это и отличает нас от русских: они заострили между Востоком и Западом и не могут сдвинуться с места.

Я не могу дать исчерпывающей информации об эмигрантах. Мои знания невелики. Об эмиграции, имеющей большое историческое значение, можно написать докторскую диссертацию в Университете Сорбонны. Но прежде, чем закончить этот раздел, хочу предложить читателю отрывки из газеты «Русская мысль» за 31 декабря 1970 года, которая случайно у меня оказалась.

С тех пор, как постреволюционные эмигранты прибыли в Европу, прошло более полувека. Но оказывается, во Франции до сих пор существуют какие-то военные «группировки», посылающие друг другу Новогодние поздравления! Вероятно, члены этих общин очень старые люди, но они до сих пор верны своему прошлому. Обратите внимание:

«Директорат
Главного Объединения Русских
Военных Инвалидов Франции поздравляет...»

Подпись:

Председатель объединения – полковник Киреев;
Старший секретарь – Корнет Валиев.

«Казачий Союз:

Братья казаки, наступает 1971 год (следует текст о родине, будущей победе в борьбе за свободу и т.д.)

Подпись:

Председатель – Кузнецов
Секретарь – Лолмакин

«Донская пирамида...»

(текст почти прежний, и далее призывы к единству)

Подпись:

Казачий капитан Еронин.

«Объединение участников первой Кубанской битвы генерала Корнилова:

Поздравляем товарищей по оружию...

Подпись:

Председатель объединения Елатич.

«Дорогие друзья – Алексеевцы!

(надежды на освобождение родины в Новом году и т.п.)

Подпись:

Председатель – подполковник Кабилинский

«Зарубежное общество Гренадеров»

«Кадетский корпус графа Аракчеева»

«Русский кадетский корпус»

«Объединение кадетов во Франции»

«III Кадетский корпус Императора Александра II»

И еще,

еще,

еще...

Вероятно, читатель удивлен перечнем этих Объединений, Комитетов, корпусов, существующих более пятидесяти лет...

И еще несколько слов о позиции эмигрантов во время оккупации Франции немцами. Как и во всех человеческих сообществах, позиции были самые разные.

Более всего было тех, кто соблюдал нейтралитет. Это средний уровень. Такие люди идут по течению, стоят в стороне от исторических потрясений. Они живут своими мелкими интересами, не ввязываются ни в какие дела.

Многие эмигранты вступали в ряды сопротивления. Эти люди были образцом героизма. Россия, столкнувшаяся с опасностью, вновь превратилась в родину. Воюя в чужой стране, они защищали интересы своей родины.

Большинство «белых» русских бились как настоящие французские патриоты и встали на защиту поверженной Франции. Но когда Советы стали звать их обратно на родину, они и не подумали вернуться. Очень немногие вернулись. Затем часть из них вновь уехала во Францию.

На «черных» позициях стояли те, кто сотрудничал с оккупантами. Но и они были разбиты на две группы. Одни из идеологических соображений, желая в будущем примкнуть к освобождению России от большевиков. Другие имели корыстные цели – обогащение. Они были посредниками для немецкой армии, собирали необходимый материал.

Одним словом, эмигранты вели себя также, как любой народ в условиях оккупации.

Желание стать парижанкой

Разговор о белой эмиграции не завершен, но, вернемся к Гюльнар. На приеме, устроенном в доме Жозе, у Гюльнар началось сближение с полковником Николаем Карповым и представителем высших слоев французского общества Жеромом де Лабюсери. Трудно представить двух более полярных людей: с одной стороны русский эмигрант Карпов, с другой – французский адвокат Лабюсери. Единственная общая черта – оба были мужчинами. Жером, стопроцентный француз, хоть и внешне хилый. Он был из рода провинциальных аристократов. Жером не был привязан ни национальным, ни к иным традициям, интересовался всем и всеми, но сам не поддавался под постороннее влияние. Он был человеком независимых взглядов. Хоть Николай и называл его «хилым созданием», Жером представлял собой образец интеллигентности и образованности. Превратить Гюльнар в интеллигентную даму стало его жгучим желанием.

Николай на несколько месяцев стал любовником Гюльнар. А Жером – учителем на длительное время. Жером «трудился» над Гюльнар терпеливо и умело, стал оказывать на нее большое влияние и учил многому, ненавязчиво, со знанием дела. Гюльнар снова повезло. Ей покровительствовал именно такой человек, который был необходим: он желал превратить природный алмаз в сверкающий бриллиант.

Я завидовала. Знала, что при помощи Жерома Гюльнар будет расти, станет еще умнее и привлекательнее. И без того сводящая многих с ума, она сможет увлечь даже самых требовательных мужчин, и рядом с ней мои шансы упадут до нуля. Чувство зависти угнетало меня: я и без того превратилась в ее тень, рядом с ней напоминала угасший костер. А Гюльнар – настоящий огонь. На нее обращали внимание даже те мужчины, для которых женщины были неинтересны. Например, Жером. Правда, он и ко мне питал симпатию, но с Гюльнар дело обстояло иначе. Она была его Галатеей, а он – ее Пигмалионом. Но Жером был только учителем и не более. Почему? Может быть не решался? А может быть, у него иная ориентация? В этом смысле он так и ос-

тался для нас загадкой. Этот удивительный человек имел докторскую степень в трех областях: право, литература и лингвистика. Но он не пользовался этим. Жером был богат, но никогда не выпячивался, не кичился этим и вел довольно скромную жизнь. Говорили, что к его собственному добру прибавилось еще и немалое наследство двух родственников. А он и так был богат, мог жить в роскоши, путешествовать. По этой причине он и не работал, т.е. не пользовался своими докторскими степенями – ведь мог занять чье-то место. Жером собирался написать книгу об отношениях невестребованных поэтов XIX века и промышленного роста, проводя большую часть своего времени в Национальной библиотеке. Остальное время он был в поездках, посещал кафе в квартале Сен-Жермен, где жил и устраивал приемы у себя дома. В доме у Жерома было красиво: кругом редкие и дорогие предметы, создававшие атмосферу утонченности. Здесь собиралась интеллигенция самого высокого уровня.

Главной задачей Жерома было зародить в Гюльнар интерес к культуре, приблизить ее к своему высококультурному миру. Надо было видеть, с каким вдохновением читал Жером стихи Расина, и как не скрывающая скуки Гюльнар чуть не засыпала. Но Жером был терпелив, он верил, что добьется своего, и Гюльнар обязательно полюбит поэзию, милую его сердцу.

«Мои предки – отец и боги. Кругом в небесах мои предки! Где же скрывается мне? Ведь и за спиной – ночной мрак!» - в который раз самозабвенно повторял Жером. Упорство порой дает добрые плоды. Однажды, когда Жером чуть ли не в двадцатый раз читал это стихотворение, Гюльнар вдруг с удивлением воскликнула: «Какое чудное стихотворение!» «Педагог» глубоко вздохнул, улыбнулся и поцеловал руку своему прирученному зверьку. Эта первая победа вдохновила Жерома, и он продолжил свои опыты. Да, его работа над Гюльнар напоминала опыты.

– Когда вы станете любить одновременно поэзию Расина, храм Вал де Грас и каменберский сыр, можно будет считать вас человеком приобщенным к французской культуре, – сказал Жером Гюльнар.

– И зачем же мне это нужно? – спрашивает Гюльнар.

– Чтобы быть еще прекрасней! – ответил Жером, сперва несколько растерявшийся. Такой ответ должен был понравиться Гюльнар. Конечно, Жером имел в виду духовную красоту. Но не желал продолжать тему, дал возможность даме самой додумывать.

– Сегодня я видел сон, надеюсь он сбудется, – произнес немного погодя Жером. – Мне приснилось, что вы превратились в мадмуазель Аису, дочь одного черкесского хана. Когда турки пленили ее семью, четырехлетнюю девочку продали французскому послу в Стамбуле, графу Ферриолу. Посол привез Аису во Францию и вместе с сыном отдал на попечение своей сестры. Девочка выросла и стала очень образованной и культурной красавицей. Романтическая судьба и восточные черты делали ее еще привлекательнее. Слава о ней росла, и слухи о красоте и обаянии Аисы дошли до Регента Филиппа Орлеанского. Он решил познакомиться с Аисой и сделать своей фавориткой. Но Регент, хоть и был красивым мужчиной, получил отказ. К тому времени девушка была влюблена в рыцаря Аида. Позже у этой пары родилась дочь. Вы, наверное, спросите, почему же они не поженились? Если честно, я забыл причину. Но мадмуазель Аиса не была его официальной женой. Ее письма к мадам Каландрини и мадам дю Деффан содержат очень интересную информацию. А позже мадмуазель стала писать книги. Ее романтической судьбе были посвящены три драматических произведения и книга некоего Куртолда «Идиллия XVIII века». Многие интересовались этой талантливой женщиной, восточной красавицей. Она очень хорошо писала. Аиса умерла в Париже, в 1730 году. Да упокоит Господь ее черкесскую душу!

Гюльнар внимательно слушала Жерома. Ей пришлось по душе та история, похожая на сказку. Обычно ее сердце заполняла одна мечта – привлечь мужчин. А теперь к этому прибавилось желание стать знаменитой своей образованностью и культурой, утонченной женщиной. А что, можно попробовать и писать! Как та черкешенка. Вот если б она согласилась стать фаворит-

кой Регента, впоследствии сыграла бы и роль мадам Помпадур. Зря не согласилась!

– Эх, была бы я на ее месте! – задумчиво произнесла Гюльнар.

Ничего не поделаешь! Нет сейчас ни регентов, ни королей во Франции... А нынешние чиновники неинтересны ей. Я не сомневаюсь, что образ Аисы стал для Гюльнар примером и возбудил интерес к культурному росту. С того дня она стала внимательнее у рокам Жерома. Сон Жерома действительно стал вещим. Гюльнар стала превращаться в мадмуазель Аису! А почему бы и нет? Голова у нее работала хорошо. И снова я позавидовала Гюльнар. На этот раз не способности нравиться мужчинам, а другим ее качествам. Жером был уважителен и со мной. Но я понимала, что играю при Гюльнар роль бесплатного приложения к дорогому подарку. Огорчаясь, но не подавая виду, я решила извлечь максимальную выгоду из этой игры. Я читала все книги, которые Жером приносил для Гюльнар, ходила с ними в музеи, когда удавалось выбраться с работы. Мы привыкли к благородству и щедрости Жерома. С интересом изучали принесенные им дорогие альбомы, с удовольствием слушали рассказы о культуре кхмеров и майя, об искусстве и архитектуре. Благодаря Жерому я увлеклась Бальзаком, Стендалем, Флобером, Прустом. Считая наше знакомство только с Шопеном и Бетховеном невежеством, он занимался и нашим музыкальным образованием.

Жером часто встречался с нами, и эти встречи были продолжительными. Но Гюльнар не прерывала и свих любовных походов. Она стала любовницей Николая Карпова, который ревновал ее, как безумец. Николай не считал Жерома своим соперником, но выражал недовольство нашим длительным общением с «этой полудохлой блохой». Частые посещения Жерома так раздражали его, что он и здороваться с ним не желала. Когда Гюльнар говорила об образованности, интеллекте, культуре Жерома, Николай приходил в бешенство, пытался убедить нас, что все сказанное Жеромом – выдумки. Пусть покажет свои дипломы! Чтоб унижить Жерома в глазах Гюльнар, Николай то и дело насмеялся над его тщедушным телом. Так он старался от-

влечь Гюльнар от желания физической близости с тем. Но и просто духовное общение Гюльнар с Жеромом раздражало Николая.

– Однажды я его убью! Когда, наконец, уберется этот недомерок?

– Отчего ты такая усталая? – с подозрением спросил он однажды у Гюльнар, когда Жером ушел.

– Не волнуйся, не от секса. Но это однообразие мне надоело. Вот Жером...

– Не замечал что-то твоей усталости в постели со мной, - прервал ее Николай. Как и большинство мужчин, он был доволен собой, и считал себя неотразимым любовником. Вряд ли Гюльнар тоже так думала.

Николай ревновал ее еще к одному человеку. И этот его соперник, был далеко не хилым. Речь идет об Отто. Хоть и был он вдали от Гюльнар, но часто писал и обеспечивал ее деньгами. А деньги нужны Гюльнар как воздух!

– Мерзавец! Нет, он жид! – гневно шипел Николай.

Как и большинство русских, он был ортодокс, и все неславяне для него жида.

– Но его мать из рода Галициных!

– Это еще надо доказать! Кто может засвидетельствовать? – ворчал Никлай. Николай недолюбливал Отто еще из-за того, что тот сотрудничал с «теми подлецами», то есть с Советами, получая прибыль. А разве сам Николай не пользовался той прибылью? Разве не поглощал он икру, не пил вино, купленное на деньги Отто?

Служанка Клемантин рассказывала Николаю о «старом муже» и оправдывала измену «старика». А несчастный «старик» писал письма, которые Гюльнар так и не дочитывала до конца. Они валялись по всей квартире.

Однажды я попыталась попрекнуть Гюльнар в равнодушии.

– Он тяготил меня своей любовью, - ответила она. – Такие люди напоминают мне птичников, которые силой заставляют гусей есть: Жри! Хочешь

– не хочешь, а должен! Страсть делает грубыми и назойливыми даже культурных людей. Вот, представь, что и ты гусыня...

А зачем мне было это представлять? Я и без того знала – гусыня и есть! Потому и одна до сих пор.

– Верно, ты и есть гусыня, - подтверждала Гюльнар. – У нормальной молодой женщины должен быть мужчина. Зря ты кичишься своим целомудрием! Ты просто дура. Если хочешь отличиться – найди другой способ. И вообще, таким поведением ты оскорбляешь меня.

– ?..

– Да, дорогая, оскорбляешь! Очнись, ты просто невыносима! Великая любовь бывает только в дешевых романах, и верят в нее только такие дуры как ты.

– Дешевые романы, говоришь? Выходит, «Красное и черное», «Пармская обитель»...

– Стендаль писал и, чтоб привлечь к себе женщин, – прервала меня Гюльнар. – Лучше читай Шодерлоса Лаклоса...

Наверное, Жером, очень обрадовался бы, услышав наш спор. Ведь всего пару месяцев, как он обучал нас французской литературе, а мы уже обращались к ней. Образ мадмуазель Аисы начинал вырисовываться.

– Ладно, хватит. Я попросила Жерома подыскать тебе друга среди своих приятелей.

– Я не кошка, чтоб искать себе кота. Нужен будет мне мужчина – сама найду! Не так, как в прошлый раз!

Я намекала на свой неудачный брак. В конце концов, и у меня есть самолюбие. Даже Жером говорил, что не все могут быть распущенными. Вот и я не могу.

Но ни Гюльнар, ни Жером не обращали внимания на мои слова и через несколько дней Жером заявил, что нашел для меня кандидата.

– Этот человек родственник Жерома. Он живет в Орлеане, хирург, вдовец, очень милый человек, богат и ищет себе подругу. Жером так расхвали-

вал тебя ему, что он просто мечтает о встрече! Чувствуется не хитрец, не мудрец, но очень порядочный человек. Сможешь лепить из него, что захочешь.

– Не хочу ничего лепить! Оставь его себе.

– Не глупи! Начни с этого. А там посмотрим, что дальше.

– Не нужен мне твой хирург! – продолжала я упираться.

– Завтра вечером они с Жеромом придут сюда, – не обращала на меня внимания Гюльнар. – Пойдем поужинаем вчетвером. Будет здорово.

– Для кого?!

– Для всех.

Всю ночь я проворочалась в постели. Я и желала и опасалась предстоящей встречи. Суть ее была ясна. Все понимали, что после встречи предполагалась близость. Думая об этом, я испытывала стыд. Нет, не надо, я не стану с ним встречаться!

Следующий день был безрадостный. Я ходила как во сне, переодевала платья механически, на вопросы отвечала вяло.

– Что с тобой? – участливо спросила Мария. Все перемены она чувствовала раньше других. Но я ничего не сказала ей: просто у меня болит голова.

Неуверенность не покидала меня и дома. Я и боялась встречи, и опасалась упустить эту возможность. Судьба давала мне шанс, а я колебалась.

– Сделай макияж поярче, – посоветовала Гюльнар, увидев мое бледное лицо.

– Достаточно того, что есть...

– Нет, не достаточно! Нужно понравиться господину Люсьену Грандо. Он провинциал, который собирается встретиться с нарядной манекенщицей. Нужно оправдать его расходы.

– Какие еще расходы? Думаешь и я хочу быть содержанкой, как ты? – рассердилась я.

– Вот и делай добро людям! – побледнела от злости Гюльнар.

– Какое добро? Я не хочу быть любовницей деревенского хирурга! Разве я не свободна?

– Хорошо. Скажу этим господам, что ты не здорова и не можешь пойти с нами в ресторан.

Гюльнар ушла. А я поплелась в свою комнату. Спеси поубавилось и я стала сожалеть о своем упрямстве. Было слышно, как Гюльнар собирается на встречу. Я едва сдерживала слезы. Теперь мне так захотелось пойти с ней! А она уже не звала. Жером и его родственник должны были подъехать к восьми часам. Я думала и искала выход из положения – ведь мне очень захотелось пойти на встречу! Прислушивалась к шагам Гюльнар и надеялась, что она снова позовет меня. Она вышла из ванной и прошла в комнату. А потом слышался звонок в дверь, чьи-то голоса и смех. Неужели я упрямством спугну свое счастье? Меня никто не звал. Я никому не нужна! И тут я, отбросив гордость, вышла в прихожую. Подошла к Гюльнар и объявила ей сердитым голосом, что изменила свое решение. Гюльнар покачала головой и, обозвав меня пустоголовой дурой, сказала:

– Ладно, собирайся побыстрее. И не веди себя как деревенщина. Люсьен Грандо хороший человек.

Я подбежала к зеркалу и стала укладывать волосы. Подрумянила и без того горящие от волнения щеки. Постояла в нерешительности у двери, вновь прежняя стеснительность сковала мою волю, никак не могла прикоснуться к дверной ручке, какой-то непонятный рефлекс заставлял отводить руку. Если б не догадливость Гюльнар, я так и осталась бы стоять за дверью. Она, будто чувствуя мое состояние, толкнула дверь снаружи, сначала тихонько обозвала меня «недотепой», а потом повернулась в сторону гостей:

– Ах, она уже шла! Проходи, дорогая.

Теперь у меня не оставалось выхода, пришлось войти в комнату. Протянув руку Жерому, поздоровалась с ним, а потом с гостем, села на краешек стула. Сидеть так было неудобно, но я не шевелилась, не проронив ни слова. Гюльнар говорила за всех. Исподтишка я разглядывала нашего гостя: он был

приятной внешности и довольно свеж. Мне же почему-то хотелось увидеть перед собой уroda и увальня, дабы поскорее прервать «сватовство». Его мягкий голем, манера говорить, скромность начинали раздражать меня.

– Вам нравится Франция? – задал он вопрос, который в первую очередь задают иностранцам французы. Вопрос был бессмысленным, потому что предполагал заведомо положительный ответ. Даже если Франция кому-то и не нравилась, приличия требовали такого ответа. Поэтому французы и думают, что их страна нравится всем.

– Да, – коротко и тихо ответила я. Мне показалось, что наши роли поменялись. Люсьен был еще более застенчив, чем я. Это несколько вдохновило меня, и я взяла инициативу в свои руки. Почувствовав, что я могу наломать дров, Гюльнар вмешалась в разговор, поясняя мою «грубость».

– Она не первый год живет в Париже, но будто сейчас покинула гарем. Не обращайтесь внимания на ее суровость – это от застенчивости. Удивительно! Вот я, к примеру, совсем недавно в Париже, а как-будто родилась здесь... – Гюльнар делала мне осуждающие знаки глазами, чем еще больше сердила.

Подошло время идти ужинать. Автомобиль Жерома ждал нас внизу. Гюльнар села впереди, рядом с Жеромом, а я устроилась на заднем сиденье, рядом с Люсьеном. Воспользовавшись моментом, он начал делать тошнотворные признания:

– Если б вы знали, как давно я желал познакомиться с восточной девушкой! Жером говорил мне о вас. Но вы, гораздо лучше, чем я представлял. Вы прекрасны! О, чудесный Восток! Девушек, которых называют музму...

– Девушки-музме бывают в Японии...

– Какая разница? Утонченные девушки, музме – все это чудные воспоминания. Чинары, крепости... – Люсьен прямо исходился лирикой! Но вдруг он задал четкий вопрос:

– Скажите, а кто ваш Бог?

– Наш Бог очень неплохой мужик, - с безразличием ответила я.

– То есть, как это?.. – не дожидаясь ответа, продолжил, - Жером говорил, что вы мусульманка. Вы знаете мусульманский язык?

– Такого языка я не знаю. А мой родной язык – азери.

– Азери?.. Ах, как замечательно!

По-моему, Люсьену понравилось слово «азери», созвучное с «азур» - голубое небо. Он, выражая волнение, взял меня за руку. Но я резким движением оттолкнула его руку. Люсьен несколько опешил:

– Не сердитесь... Я вовсе не желаю, чтобы моя маленькая мусульманочка сердилась. Хотел я увидеть вас в своем гареме! Наверное, вы носили там изящные шелковые одежды...

У меня не было терпения и желания менять его дурацкие представления. Весь оставшийся путь он часто вздыхал, рассказывал о своей Орлеанской клинике, доме в Молоне. Говорил, что будет рад видеть меня своей гостей. Я отвечала коротко и с безразличием. Мягкость и простота этого человека были мне неприятны. Я уже решила про себя дать ему «отвод». Но давление Гюльнар, настойчивость Грандо и моя слабость сделали свое дело. Люсьен приходил к нам в конце каждой недели, пытаясь уговорить меня. С каждым разом он становился еще более ласковым. Он смотрел на меня влюбленными глазами и волновался, как юнец. Люсьен часто присылал мне аккуратные письма, написанные красивым почерком. Они начинались словами: «Навеки твой!» Принося мне букеты роз, он говорил, что я сама – чудеснейшая из цветов, глаза у меня как у газели, а зубы как жемчуг. Слова, конечно, красивые, но без особенной фантазии. Удовольствия от них я не ощущала.

Гюльнар бранила меня, говорила, что Грандо хорош собой, здоров и нормальная женщина может его полюбить. Я продержалась месяц, а после начала уступать. В один из вечеров, когда он снова взял меня за руку, я не отвела ее. И поняла, что влипла.

И не знаю, как приступить к рассказу об этом серьезном происшествии. Может быть, не стоит говорить и выставлять себя посмешищем? Так и быть расскажу...

Это случилось после того, как мы с Люсьеном пообедали вдвоем. До того момента мы всегда гуляли вчетвером, и я не хотела оставаться с ним наедине. Исход таких встреч ясен всем. Если мужчина хочет привлечь женщину, он одаривает ее, водит в рестораны, угощает дорогим вином. Не стоит сочувствовать такой женщине – она действует по своему плану. На этой паутине два паука приглядываются друг к другу, и пока неизвестно, который из них съест другого.

В тот день я была голодна, как монгольский всадник. Ласкаемая нежным взглядом Люсьена Грандя, я пила вино и съела целого цыпленка. Радуя Грандо своим хорошим аппетитом, я решила подольше сохранить свою независимость, и не раскисать перед человеком, который мне не очень нравится. С этой целью я заказала еще бутылочку коньяка. Но мой кавалер не обращал внимания ни на чрезмерный аппетит, ни на манеры своей дамы. А коньяк, тем временем сделал свое дело, и дама уступила. Грандо стал страстно сжимать мою руку и проявлять активность подростка, несмотря на свои сорок лет. После обеда он повез меня в Болонский лес и предложил выйти из автомобиля, полюбоваться лунной ночью. Решил, видимо, что луна придаст большую романтичность нашей беседе. Грандо, часто вздыхая и называя меня «бессердечной музме», отважился поцеловать в шею. Затем стал осыпать меня поцелуями. Во мне началась борьба. С одной стороны, эпитеты Люсьена раздражали меня, но с другой прикосновение его губ заставляло мое тело дрожать. И так, постепенно, и лес и небеса становились все чудесней, все вокруг начало обретать волшебную красоту...

Через некоторое время наш автомобиль заехал в гараж на улице Бермет. Название улицы мне понравилось. Мы направились в номер гостиницы, снятый Люсьеном. Но здесь я снова стала испытывать неприязнь к нему. Ведь нас видела горничная, и она знала, для чего мы пришли сюда! А после мы поднимались в узком лифте вместе с другой прислугой. Я дважды испытала стыд! Войдя в номер и увидев кровать, я снова сконфузилась. Грандо заставил меня испытать чувство стыда – ненавидела его за это! Не раздеваясь, села на

кресло и решила поставить в неловкое положение того, кто вогнал меня в краску стыда. А он, усевшись на подлокотник кресла, стал страстно целовать меня. Прямо как герой кинофильма! Я резко оттолкнула его, и он едва не упал. Грандо ухватился за спинку кресла, чтоб не упасть.

– Оставьте меня, я уйду...

– Но, дорогая не причиняй мне боли! Я люблю тебя!

– Ха-ха! – меня рассердило то, что он перешел на «ты», и так я выразила сомнение в его словах.

Если б Грандо знал, что происходит у меня внутри, он удивился бы. В действительности, и мне хотелось любви. Даже этого человека, который не люб мне. Ведь я была молода, и мое тело желало ласки. Но мысль о том, что придется раздеваться перед чужим мужчиной, лезть с ним под одеяло, сводила меня ума. В какой-то миг я стала сожалеть о своем муже. Правда, он не нравился мне, но к его ласкам я уже привыкла. Со временем все становится проще. Вот теперь бедняга Люсьен Грандо своим видом вызывал во мне протест.

– Почему вы пристаёте ко мне? – снова уколола его я.

Несчастный Люсьен начал уговаривать, сетуя на мою жестокость. Он поднес к седой голове свои руки, похожие на руки манекена. Унижаясь, Люсьен увеличивал мою неприязнь. Глупец не понимал, что упускает инициативу и сам толкает меня на суровость. Надо быть тверже, дорогой Грандо! Надо подчинить меня себе, применить силу! А чего он ждал? Чтоб я сняла чулки, как перед сном, разделась и улеглась?

Люсьен терял надежду, видя мое сердитое лицо. Он что-то говорил, но я не слушала. Его нытье совсем меня утомило. Мне самой в пору было жаловаться: надо же попасть в руки такому растяпе! Он снова сел на подлокотник, попытался обнять меня, но вновь получил отпор.

– Отстаньте! Идите спать и не надоедайте мне! Я буду спать здесь, в кресле.

Грандо расплакался. Да, этот мужчина хныкал, как дитя, лил слезы и называл меня «жестокой и бессердечной». Его слезы не смягчили меня, а, наоборот, развеселили. Я разглядывала цветы на ковре, и эти букеты вдруг унесли меня за тысячу километров отсюда, в страну поэтов Иран. Когда-то мы бежали в Иран, спасаясь от бед, охвативших родину. Мне вспомнилась длинная аллея из роз, тянувшаяся до берега реки. Запах роз приставал к нашей одежде. Приезд в Иран принес нам покой, но вскоре все заболело и металось в жару. Хорошее и плохое было перемешано в воспоминаниях, как цветы в рисунках ковра. Память на мгновение унесла меня из Парижа, разлучив с Орлеанским хирургом. Оторвавшись от грез, я увидела, что Грандо несколько успокоился и, утирая лицо, смотрит на меня. Затем он встал, вышел в ванную комнату и вернулся переодевшись в пижаму. В серо-зеленой полосатой пижаме Люсьен был похож на клоуна. Пижамы – лучшее, что сочеталось с его очками в черной оправе и серьезным лицом. Я отвернулась.

– Не хочешь спать детка? – спросил Люсьен усталым голосом, накрывшись одеялом.

– Нет!

Люсьен огорченно посмотрел на меня, опустил голову на подушку и глубоко вздохнул.

– Вы мне противны! – ужалила я его. И добавила. – Вы похожи на шута.

Люсьен снова тяжело вздохнул. В комнате был полумрак. Горел лишь светильник около кровати. Я сидела в темном углу и молчала. Моя озлобленность росла и усиливалась, как метель в Сибири. А душу заполнял холод. Мне хотелось остаться и еще больше унижить Грандо. Или лучше молча уйти? Думая, что покажусь благороднее, чем поставлю Грандо в неловкое положение, я встала и уверенно направилась к двери.

– Что ты делаешь? – Люсьен сел в постели. Я не ответила и ухватилась за ручку двери. Но в этот момент он спрыгнул с кровати, схватил меня и прямо так, в шляпке, платье, с сумочкой в руке, швырнул на постель и заключил в свои объятия.

– Вы сошли с ума! – закричала я. Но в этом положении другие слова неуместны. Как сразу стало легко! Наконец, он возьмет меня силой! Сразу исчезла вся озлобленность. Разве есть пристанище желаннее мужской груди? А самая чудесная подушка для женщины это мужское плечо. Ах, эти ласки, эта страсть, обладание и любовь! Я потеряла голову! Но это не мешало мне помнить о помятой шляпке, платье и туфлях на ногах. Грандо, будто, прочел мои мысли. Он разул меня, отложил в сторону сумочку и шляпку, снял платье. Я краснела, помогая ему, но не сопротивлялась.

Грандо взял меня молча и в тот миг превратился в моих глазах в некую божественную мощь. Ради этого чувства и терпят все тяготы любви. А в ней – начало и продолжение человеческой жизни... Наконец, руки Грандо ослабили, и он тихонько прошептал: «Моя маленькая музме!» В тот же миг «божественная мощь» спустилась с небес на землю и превратилась в обыкновенного мужчину. Самого что ни на есть обыкновенного... Грезы рухнули. Но, тем не менее, свершилось то, о чем я давно мечтала. У меня появился любовник! Можно смело смотреть в глаза Гюльнар. Появилась новая тема для бесед в подругами – манекенщицами. Это поистине важное событие! Я полагала, что и Грандо так думает. Мы будем говорить о любви до утра. Простив заранее его грехи, я прижалась к Грандо. Он ответил слабой лаской. И вдруг, о, Боже! – у самого уха раздался такой грубый, такой примитивный звук. Он храпел! Правда, не очень громко, почти сопел. Но этого было достаточно, чтобы разнести в прах мир сладостных грез. Я ждала ласки и нежных слов, а он – уснул! Я освободилась из его объятий; он что-то пролепетал. Поднявшись с кровати, стала одеваться. Затем вновь уселась в кресло. Замерзну, заболēju и умру, но не встану с этого кресла! Я снова готовилась принести себя в жертву.

– Что с тобой? – раздался сонный голос Люсьена.

– Животное! – огрызнулась я.

Он со стоном уселся в постели и начал уговаривать меня. Без очков он казался мне еще противнее.

– Вы бестолочь! Как можно любить такого человека? Только посмотрите на себя! – Я бранила и бранила его. В сущности, я была несправедлива к этому человеку. В чем его вина? За что я так взъелась на беднягу? Наконец, умолкла, он всхлипнул... и снова уснул. Я была в шоке! Около трех часов ночи стало очень холодно. Сначала это меня обрадовало: вот заболею, умру, обреку этого бездушного чурбана на пожизненные муки совести. Возможно, и на смерть! Вот, уж, посмеюсь тогда! Хотя, если умру, то, как же посмеюсь?... Меня обуяла глубокая печаль, стало жаль свою загубленную молодость. Я заплакала. От одиночества и тоски. Из-за этого человека, который спит в теплой постели, я испытываю муки. Стала плакать громче – пусть очнется наконец. Но он так крепко спал. Я пустилась в рев. Безуспешно! Пришлось столкнуть со стола какую-то вещицу. Она упала и загремела. Грандо, наконец, проснулся и спросил глядя на меня:

– Что такое? Ты еще в кресле? Да еще раздетая! Бедная малышка, ты совсем спятила!

Он бросился ко мне, взял в охапку. Я дрожала от холода, гнева и усталости. Хотела посопротивляться, но усталость взяла вверх. Я позволила донести себя до кровати. Под одеялом лучше, чем в раю! А Люсьен, убрав препятствия, которые я создала, снова приступил к любовным усладам. Физическая близость с ним доставляла мне удовольствие, которого я так давно была лишена. Больше в нем ничего мне не нравилось. Ему не хватало утонченности и духовности Жерома. Я хотела иметь мужчину – настоящего парижанина. И себя я считала парижанкой. Грандо был малокультурен и грубоват, по-такая мне, показывал свою слабость. На те страдания, которые я ему причиняла, бедняга отвечал лишь глубокими вздохами. Тем не менее, не будь он так терпелив и благосклонен столь своенравной даме, наши отношения не протянули бы и нескольких дней.

После нашей такой сложной первой ночи. Грандо вернулся в Орлеан и написал письмо. Он приглашал нас – Гюльнар, Жерома и меня – в гости к

концу недели: «Усталость прошедшей недели мы снимем вместе с нашим очаровательными цветами Востока».

Посмеявшись над содержанием письма, «цветы Востока» приняли приглашение. Жером повез нас в Орлеан по дороге, которая даже в субботные дни не была перегружена транспортом. По сравнению с другими дорогами, ее не окружал яркий пейзаж. Но меня очаровали поля, старые деревенские постройки, башенки церквей, которые виднелись повсюду. С тех пор как я приехала в Париж, это было мое первое путешествие. Я вспоминала голую степь, скудную растительность, живущую только за счет искусственного орошения в тех краях, где выросла. Сравнивала увиденное здесь с тем, что было знакомо прежде там: нефтяные вышки с колокольнями, каменистую степь с зелеными лугами, высокие леса с низкорослыми инжирниками, церкви с мечетями, белокурых детей с чернявыми ребятами, играющими в альчики, христианские кладбища с мусульманскими. Я делала эти сравнения не потому, что тосковала, наоборот, меня радовало, что отдалилась от прошлого. Вряд ли кто-то еще так радовался бы, оторвавшись от корней или чувствовал себя так спокойно в «ссылке». Это желанная «ссылка»! По прибытии в Орлеан я была восхищена его красотой. И снова сравнивала Орлеан и Баку. Орлеан – второй город во Франции, где я оказалась. Жером и на этот раз просвещал нас, рассказывая историю Орлеанской девы, об окружении города англичанами, об Жанне Д'Арк, разбившей их, показывал городскую ратушу, площадь Марруа, берега реки Луар, разделившей город на две части. Наш добровольный учитель, не утомляя учеников, непрерывно просвещал нас. Из него получился бы замечательный педагог. Но Жером предпочитал вести независимую жизнь. Кажется, ни Гюльнар, ни я не оценили в должной мере своего замечательного учителя, его всесторонне развитой личности, утонченности, благородства, терпения, веселого нрава.

Урок истории был завершен, и Жером привез нас на окраинную улицу с тротуаром заросшим травкой. Он остановил машину у белого здания. вероятно, Грандо уже ждал нас. Ворота, зеленого двора распахнулись, и мой друг,

улыбающийся и взволнованный, встретил нас. Как часто его сентиментальность напарывалась на мое презрение! Бедный Люсьен не раз это испытал.

Машина въехала во двор. Дом будто дремал, прикрыв небольшие окошки – глаза. Этому милому дому уже двести лет, и он впервые встречал таких гостей. Наверное, люди другого «племени» показались ему странными. А мне вдруг почуялись, что дом-добряк подмигнул.

– Моя очаровательная музме, – шептал мне на ухо Грандо, обхватив за талию.

Мы вошли в гостиную на первом этаже. Кругом стояли кресла, зеркала, вазы, дорогие сверкающие предметы. На стенах висели картины с нагими детьми, женщинами и мужчинами. Гардины, гобелены, искусственные цветы были просто восхитительны.

– У вас прекрасный дом, – сказала Гюльнар. Это было искренне. В Баку любили дома с коврами. Отец Гюльнар построил дом в смешанном стиле арабика-готика-ренессанс. Тот дом тоже был красиво и богато убран. Но Жером не разделял вкусов своего кузена и в душе, наверное, смеялся над нами, думая, что следует поработать относительно наших вкусов.

Перед обедом на стол подали легкое вино. После выпитого все стало казаться мне глупым сном: Что мы тут, во Франции делаем, если даже через несколько лет после приезда не искоренили в себе дух ислама? Я вспоминала бабушку, все еще закутанную в чадру и живущую по календарю-хиджри. Чтобы она подумала, увидев нас в компании этих мужчин? Воспоминания о прошлом ввергли меня в уныние. Разве не следует радоваться разлуке с ним? Почему же так хочется плакать? Пытаюсь взять себя в руки и не привлекать внимания собеседников. К счастью, они так увлечены беседой, что не замечают моего настроения.

Когда человек меняет климат, в его организме происходит перестройка, срабатывают защитные механизмы. Такие же изменения присущи и психике человека. Это сложный процесс и часто сопровождается тяжелой депрессией. В редких случаях такие перемены приносят хорошее настроение и ощущение

счастья. Даже очень сильные натуры чувствуют влияние внутренних «водо-воротов». Меня такие перемены будто сжигали изнутри, лишая покоя. Постоянный «выброс» отрицательных эмоций обусловлен именно внутренним противостоянием. К сожалению, от этого страдают окружающие меня люди. Они-то не виноваты ни в чем – вот я и не ищу оправдания.

Я слушала беседу Жерома, Гюльнар и Люсьен и презирала их. Гюльнар за то, что играет роль простушки, Грандо за его очаровательную сентиментальность и Жером вдруг стал казаться мне не настоящим. Но больше всех я ненавидела себя! Хотелось убежать подальше отсюда и выплакаться. А вместо этого пришлось пройти с ними в столовую. Комната была богато, но безвкусно обставлена. Правда, еда мне очень понравилась. Вот он пример моей противоречивости: плохое настроение ничуть не мешало хорошему аппетиту. Я ела за двоих, но не стала больше любить Грандо. Мое сложное отношение к нему было заметно. Хотя, что тут сложного? Просто, моему телу он нравится, а сознание отвергает его. Меня тяготила его малокультурность, плаксивость, слабость вне постели. Я очень скоро поняла, что Люсьен недалекий человек. Первое время тот недостаток скрывался его доброжелательностью ко мне и физическим умением. А потом и они стали безразличны. Да и кто в этой области изобрел нечто особенное? Грандо и сам был виноват в моем дурном характере. Некоторые люди, как книги или произведения искусства, по-разному воспринимаются. Одни превращают тебя – в ангела, другие – в дьявола. Общаясь с Грандо, я становилась жутким бесом. Постоянно унижала его, попрекала недостатками. А сама-то чем лучше? Если говорить откровенно, у меня недостатков, ох, как немало. Как говорят у нас, незрячий незрячего слепым обозвал.

Вкусная еда не улучшила моего дурного расположения духа. Наоборот, настроение мое все ухудшалось. Сейчас я готова была умереть! И вовсе не от томлящей меня печали, а от какой-то необъяснимой усталости и скуки. И Грандо, и Жером надоели мне. Все сказанные до сих пор добрые слова, замечательные истории, потеряли смысл. Я была занята самокопанием!..

На десерт подали клубничное мороженное. Грандо многозначительно посмотрел на меня.

– Цвет клубники – это цвет надежды, – произнес он.

Мы вернулись в гостиную. При электрическом освещении предметы в помещении блистали еще ярче. То ли от того, что еда была обильной, то ли дурное настроение болезнь заразная, но разговор не клеился. Даже Жером выглядел усталым. Все казались какими-то опечаленными. Может быть мне так показалось...

– Моя маленькая музме, вы устали. Не хотите ли поспать? – произнес наконец-то Грандо.

Жером и Гюльнар поднялись наверх, а я поплелась за своим «возлюбленным». Мы вошли в комнату, уставленную вещами и цветами. Какая нелепая обстановка! Красная лампа освещала красным светом красное покрывало на кровати. Но это еще что! Комнату наполнял голубой дымок: в честь меня в комнате жгли ароматическую бумагу!

– Дорогая я хотел сделать тебе сюрприз, чтобы ты почувствовала себя как дома, на Востоке. Правда, аромат еще не так силен.

Люсьен вынул из шкафчика пачку «армянской бумаги» и стал бросать ее в огонь. Комната превратилась в коптильню. Нет, в курильню опиума.

– Умоляю, открой окно! – задыхаясь, едва выговорила я.

Несколько дней назад Гюльнар делилась с Жеромом:

– Этот Николай почти не тратит денег, а такой нахал! Интересно, чтобы он делал, обеспечивая мое содержание. Шагу не дал бы ступить! Эх, да здравствует Отто! Верно, Жером?

- Хотя я и не знаком с ним, но чувствую, что это благородный человек. Его ошибка в том, что, оставляя вас подолгу одну, господин Отто вредит себе же.

И вправду, Отто отсутствовала уже пять месяцев. Важные дела в Москве, Берлине и еще где-то не отпускали его. Советской России было почти десять лет. Но Гражданская война, обескровила страну. Нищая Россия нужда-

лась в помощи Запада. Она торговала, строила, творила, привлекала к сотрудничеству инженеров и деловых людей. Таких, как Отто. Николай же, совершенно без оснований, говорил, что Отто – шпион, прикидывающийся промышленником. Он так часто повторял это, что у Гюльнар зародились сомнения. Но она вовсе не обеспокоилась. Наоборот, Отто обрел в ее глазах некую романтичность.

– Ты спуталась со шпионом! – то и дело повторял Николай. Правда, он не уточнял, какую разведку представляет Отто: европейскую или большевистскую. Желательно, конечно, чтоб он оказался советским резидентом. А похож на капиталиста. Поэтому Николай выдвигал еще одно предположение: Отто – двойной агент! Значит, двуличный и продажный человек. Но это так не похоже на Отто! Кроме того, Гюльнар пришлось немало потрудиться, чтоб сменить советский паспорт на эмигрантский. Представляя семью богачей, она не могла жить в стране с коммунистической идеологией. Ей больше подходило государство, где не возбраняется эксплуатация человека человеком. А, говоря языком Гюльнар, мужчины – женщиной. Вот она и эксплуатировала мужчину. Жаль, что он чересчур ревнив, и Гюльнар очень серьезно обдумывала возможность оправдать эту ревность.

– Почему мужчины так ревнивы? – спрашивала она у Жерома. – Мы ведь способны удовлетворить желания многих. А я вынуждена убеждать, что отказываю всем, кому нравлюсь.

Скорый приезд Отто уже чувствовался: денег стало меньше, а писем с ласковыми словами больше. Чем ближе был день приезда Отто, тем суровее и грубее становился Николай. Он просто терзался ревностью! Она доставляла ему такие муки, такие страдания! Стоило зайти разговору о возвращении Отто, Николай багровел, трясся от гнева, нес всякий бред. Он готов был убить Отто! Мы начинали опасаться. Гюльнар стала сожалеть о близости с Николаем:

– Боже мой! Как же мне избавиться от этого бешеного слона. Помогите мне, Жером. Не отходите от него, когда придет Отто. Вразумите его! Не то быть беде.

И вот однажды Гюльнар получила телеграмму: через день приезжает Отто.

– Вот будет развлечение! – тихонько протянула Клемантин.

Эта женщина вела себя слишком нахально. Пользуясь тем, что была в курсе всех походов Гюльнар, совала нос везде, встревала в разговоры, лезла во все дела. Она приворовывала из дома вещи и деньги, подслушивала стоя за дверью, пила вино без спросу. А потом, захмелевшая, с красным носом и распахнутым воротом, сидела на кухне и изрекала длинные монологи. Вообразив себя героиней приключенского романа, Клемантин жаловалась на судьбу, на свое одиночество, на несбывшиеся надежды, на незаслуженно обласканных (таких как Гюльнар и я), на всех, кто не оценил ее.

– О ла-ла! У нынешней молодежи нет сердца! Они не знают, что такое одиночество. Поймут, когда дойдут до моих лет, что были несправедливы к мне. Но будет уже поздно! Клемантин не станет!

Она тянула носом, утирая слезы. А после снова слышался звон бутылки и бульканье вина. И вновь продолжалось брюзжание. Все это отражалось на хозяйстве. Клемантин целыми днями сидела сложа руки, бездельничала. А углы квартиры обрастали паутиной, кругом лежала пыль. Гюльнар боялась ее мести и не прогоняла. Ведь Клемантин так много знает!

– Ты прогонишь его! – заорал Николая, узнав о возвращении Отто.

– Ни за что! Он останется здесь! – сердито ответила Гюльнар.

– Тогда я сам выгоню его!

– Ты безумец! – упрямо вскинула подбородок Гюльнар. Это движение она репетировала целый месяц, подражая Матильде де ла Моль.

Она начала изображать героинь прочитанных романов, а мы с Жеромом с восхищением наблюдали за ней. У Гюльнар получилось даже изящнее, чем у тех французских барышень.

– Вы сошли с ума! Что вы собираетесь делать? – повторила она.

Николай и Гюльнар гневно смотрели друг на друга. Огромный, похожий на бойца, готового атаковать, Николай напоминал озлобленную обезьяну. А Гюльнар стояла перед ним и даже бровью не повела. Ее глаза были холодны, а голос зол.

– Животное!

– Это ты мне сказала? Я полковник армии его Императорского Величества! Мой род превосходит ваш!

– И что из того?

Николай говорил на грубой разновидности французского языка, как и многие его соотечественники. Эта разновидность родилась в русско-французских ресторанах, разбросанных по всему Парижу. Некоторым французам такой язык нравился. Мне же этот диалект, возникший от смешения двух языков, противен.

Но, вернемся к сцене ревности и гнева. Хорошо, что Жером был рядом. Ему удалось перевести разговор в философское русло судеб мира. Вообще-то, уже можно было говорить о чем угодно: Николай сдался. Некоторое время спустя он натянул шляпу на глаза и, приняв байроновскую позу, приготовился уходить. Жером тоже поднялся, заметив умоляющий взгляд Гюльнар.

– Прошу вас вразумите его! – шепнула она Жерому. Гюльнар на самом деле опасалась за действия обезумевшего от ревности Николая.

– Никогда больше не буду иметь дел с молодыми мужчинами! – сказала Гюльнар, когда мы остались вдвоем. – Вся их сила переходит в ревность. Дай Бог, чтоб Жером смог укротить его!

Это, надо сказать, сложная задача. Даже для такого человека, как Жером. Гюльнар очень переживала. Основания, безусловно, были. И виновата в этом она сама.

В субботу я вернулась с работы к обеду и застала дома Отто. Он неплохо выглядел, был весел и свеж. К тому же, привез мне и Гюльнар подарки. Как мог такой деловой человек превратиться в руках Гюльнар в слабое, безволь-

ное создание? А Гюльнар, все совершеннее входила в образ Матильды де ла Моль, была заносчива и надменна. Бедному Отто это причиняло страдания. Но гонор Гюльнар был обманчив. В действительности она опасалась непредсказуемых действий со стороны Николая и сознательно вела себя так, готовясь к грядущим обвинениям.

– Что с ней происходит? – спросил Отто, когда мы остались одни. – Она изменилась, ее отношение ко мне ухудшилось. Мне так больно от этого! Ведь я очень люблю ее... Знаю, я стар для Гюльнар. Наверное она изменила мне.

Разве я могла сказать ему правду? Но, казалось, он и сам не хочет ее знать... Мне было безумно жаль несчастного Отто. А лукавые взгляды Клемантин, получающей удовольствие от коварства, на которое обрекли «старика», раздражали меня. Переглядываясь с ней, я становилась соучастницей этой коварной игры.

В воскресное утро мы мирно попивали кофе после завтрака. Тут позвонили в парадную дверь. Гюльнар посмотрела на меня. Я уловила ее беспокойство: если мы никого не ждали, значит гость был нежеланный. В прихожей послышались тяжелые шаги. Сомнений нет - это Николай! Да, в комнату вошел Николай, а следом за ним Жером. Было видно, что Жером сконфужен своей ролью неудачливого надзирателя. Он не оправдал надежд Гюльнар и стыдился этого. Позже мы узнали, что несмотря на все старания, Жером не смог стать гарантом трезвости Николая. Он ходил за ним по пятам весь день и даже остался на ночь, но Николай все равно напился.

Тяжело ступая, Николай старался держаться прямо. Как и всем пьяницам, это давалось ему нелегко. Глаза Николая сверкали. Всем своим видом он бросал вызов окружающим. Гюльнар вполголоса представила его Отто. Чувствовалось, что она раздражена. Гости сели, и Жером с присущим ему красноречием, завязал беседу. Николай же, чуждый тонкостей этикета, демонстративно молчал. Чтоб усугубить положение, он уперся в Отто сердитым взглядом. Отто растерялся и заерзал на месте под гневным взглядом это-

го красивого молодого мужчины. Он хотел что-то сказать, но замолк в ожидании развязки. Николай не заставил его долго ждать.

– Гюльнар должна быть моей, и я пришел, чтоб сказать вам это, - чеканя каждое слово, громко произнес Николай.

– Николай, умоляю вас... Вы же обещали мне, - постарался остановить его Жером. Но Николай оттолкнул беднягу локтем.

– Да господин! Не знаю, говорила ли вам Гюльнар, но я предпочитаю открытый разговор: мы с Гюльнар любим друг друга, И я решил жениться на ней.

Тут поднялась Гюльнар. Даже под яркими румянами было видно, как она бледна.

Я не только не люблю вас, я вас презираю! Никого в жизни не презирала более, чем вас! Вон отсюда!

Николай замолк. Молчал и Отто. Он смотрел то на Гюльнар, то на Николая, будто ища выхода. Глаза его были очень печальны. Более слов Николая, его поразила молодость и красота соперника. Этого оружия у Отто не было! Он не раз прежде сокрушался по поводу своих лет, сожалел о старости и понимал, что разница в тридцать лет – это пропасть.

Сейчас он понимал, что пытался заполнить эту пропасть лишь деньгами.

– Уходите прочь! – гневно повторила Гюльнар.

– То есть вы отрицаете, что любите меня?! – поднялся с места Николай и покачнулся (интересно, от слов Гюльнар или от алкоголя?).

– О какой любви вы говорите? Бред! Вы пьяница и грубиян! Мужик! Меня тошнит от вас. Убирайтесь. И чтоб в этой жизни я больше вас не встречала! В аду или в раю – без разницы. Но только не в этой жизни! Вы ничтожество!

Николай снова покачнулся. Жером подошел к нему и взял под руку:

– Пойдем, пойдем, друг мой. Вам нехорошо, пойдем.

Николай был бледен, как покойник. Он молчал. Поддерживаемый Жером, он покинул комнату. Были слышны звуки удаляющихся шагов и за-

хлопнувшей двери. Безобразная сцена была завершена и занавес опущен. Грязная сцена, однако: обманутый пожилой мужчина, знающий об обмане; пьяница и грубиян, который веет себя, как животное; молодая женщина, хладнокровно отвергающая этого грубияна, и предпочитающая держаться за курицу, несущую золотые яйца... Но представление продолжалось: Отто вдруг разрыдался. Я вспомнила плачущего Грандо. Мы, женщины, можем терзать себя и других. Все терзают друг друга, как волки. Таковы правила этого презренного мира.

Гюльнар стояла опустив голову, затем подошла, обняла Отто за плечи и стала нежно целовать.

– Не плачь, Отто. Не стоит плакать из-за слов этого пьяного мужика. Вообразил, что я люблю его! Да я насмеялась над ним.

– Он молод и красив, а я стар... – Отто поцеловал руку Гюльнар и с грустью покачал головой.

– Прошу вас, Отто, не думайте о пустяках. Не падайте духом из-за того глупца. Неужели вы поверили его болтовне? Это же чушь! Он влюблен сам, и думает, что взаимно.

–...?

Гюльнар воспряла духом и вновь была «на коне». Ее глаза горели. Она готовилась к атаке, и начала наступление:

– И почему вы оставили меня одну на целых пять месяцев? Предположим, я допустила пару ошибок (!). Ну, и что с того? Какое это имеет значение? Любовники меняются, а муж (!) всегда рядом. Ах, Отто, умеете трезво смотреть на вещи, все это – пустое.

– И много у вас было любовников за пять месяцев? – подумав, спросил Отто. Он несколько успокоился.

– Ах, умоляю, прекратите! Не будем больше об этом. Я люблю только вас, Отто, только вас!

Сцену обмана прервала распахнувшаяся дверь. Вошла Клемантин, будто убрать посуду.

– Что вам нужно? - сердито спросила Гюльнар.

– Ничего, мадам. Хотела убрать со стола, - ответила Клемантин. Но было видно, что она лжет.

– Неправда. Вы пришли, чтоб поглядеть на происходящее. Вероятно стояли за дверью до сих пор и подглядывали в замочную скважину. Мне надоело ваше лицемерие, пьянство, бесконечные кражи!

– Что-что?! – побагровела разгневанная Клемантин. На нее, честную и порядочную, несчастную, одинокую женщину – так клеветать?..

– Возьмите свои слова назад, мадам, а не то...

– «Не то» – что? Вы угрожаете мне?

Интересно слышала ли все Клемантин? Знала ли она, что ее угрозы потеряли смысл? Ей больше не в чем обвинить Гюльнар, нечем припугнуть ее. Гюльнар оправдана!

– Убирайтесь отсюда, соберите свои вещи и убирайтесь! – крикнул Отто, указав Клемантин на дверь.

У Отто от волнения заплетался язык. Громко возмущаясь и кляня свою «горькую судьбу», Клемантин вышла из комнаты.

– Ну вот и все, – спокойно вздохнула Гюльнар. И вторая сцена спектакля завершена.

Третья сцена предполагала самоубийство Николая. Ведь Гюльнар говорила, что он способен на все. А может быть такой исход и ожидала Гюльнар? Самоубийство отвергнутого любовника сделало бы ее еще неотразимей. Молва о ее красте превратилась бы в легенду. Почему я так подумала? Нет, это грех.

Николай, конечно, не наложил на себя руки, но для нас он умер. Больше мы его не видели.

После этого происшествия и сам Отто переменился. На первый взгляд все было по-прежнему: он, как и раньше, заботился о нас, был нежен с Гюльнар и ласков, покупал нам подарки, настаивал на моем увольнении с «недостойной работы». Но я часто заставляла его задумчивым и печальным. Он си-

дел, уставившись в одну точку и о чем-то размышлял. Я очень сочувствовала Отто. Отчего же не удостоился сочувствия мною же терзаемый Грандо?...

Как-то раз я вернулась домой около семи вечера и увидела Отто сидящим в полутемной гостиной. Он был один. Я поняла, что он плакал. Порой, войдя в помещение, сразу осязаешь атмосферу печали. Я села рядом с Отто.

– Да, я чувствую, что постарел, – как бы отвечал Отто, хотя я ни о чем не спросила, – а вы обе очень молоды. Ваша молодость тяготит меня. Почему я должен владеть Гюльнар? Потому, что я богат? Богатые есть и среди молодых. Ей стоит только сделать им знак.

– Гюльнар любит вас. Уверю вас, Отто, ее симпатии на вашей стороне..

– Ах, прошу вас, не говорите о симпатии! Для чего она нужна? Я страдаю рядом с Гюльнар. Вдалеке от нее я ощущаю себя ближе, живу мыслями о ней. А когда я здесь, она тоже страдает... Она в затруднительном положении.

Открылась входная дверь – это пришла Гюльнар.

Через два дня Отто покинул нас. И прислуги у нас теперь не было. Клемантин в тот же день, когда ей указали на дверь, ушла оставив письмо, которое заканчивалось торжественным самосозерцанием: «Разделяю вашу боль. Не оцененная вами по достоинству Клемантин». Письмо по содержанию отвечало ее характеру. Так и осталось неясным, какую именно «боль» разделяет с нами эта алкоголичка. Тем не менее, мы радовались ее уходу и поражались тому, как долго терпели ее. Нам повезло: удалось-таки найти замечательную служанку, молодую, красивую, приветливую и порядочную девушку по имени Мари. Да, в те времена несложно было найти прислугу-француженку.

Жером навещал нас почти ежедневно. Он был настоящим другом. Жером очень привязался к нам, а мы скучали без него. После неприятного случая с Николаем, он советовал Гюльнар быть осмотрительней:

– Выбирая себе любовника, будьте осторожнее, дорогая. Хорошенько подумайте. Если он нужен для удовлетворения ваших физических потребностей, выбирайте тактичного, понимающего человека. Но, если делаете рас-

чет, тоже подумайте. У Отто много достоинств, не забывайте о своей выгоде. Хороший выбор поможет и вашему дальнейшему развитию. Культура – это такое богатство, которое у вас не отнимут ни люди, ни годы. Даже любовь не доставляет столько радости. Конечно, может произойти чудо, и вы встретите молодого, знатного и богатого человека. Но не теряйте времени, обольщаясь этой мечтой. Жизнь может жестоко разрушить сладкие грезы. Правда, оторваться от них нелегко – все желают быть счастливыми.

«Выбирая любовника, не забывайте о своей выгоде...» Этими словами Жером призывал и меня не рвать отношений с Грандо. Он считал наш союз удачным. Жером не ставил меня вровень с Гюльнар, поэтому я ничего не ответила, хотя его совет немного покоробил меня.

– Выбирать лучшее – хорошая черта, – продолжал Жером. – Но такое стремление часто отравляет нам жизнь. Ведь нередко нашим чудным глазами жизнь противопоставляет горькую действительность.

– Вероятно, мое сознание недостаточно отточено вами, - ответила Гюльнар. – Я недостаточно хорошо поняла ваши слова.

– Поймете и осознаете! Обязательно поймете. Но умственное развитие в большой степени зависит от нас самих. Некоторые ученые утверждают, что мы пользуемся лишь одной десятой частью всего потенциала человеческого мозга.

Оптимизм Жерома, был порой, чрезмерен.

Письма Отто, несколько поредели, хотя и оставались теплыми. Гюльнар и сама это заметила и была немного обеспокоена. А потому и начала чертить план на будущее, дожидаясь «правильно выбранного» любовника. Отныне ее избранник должен отличаться и другими достоинствами, помимо физиологических. Страсть – враг разума. И этим нужно было воспользоваться с умом. Гюльнар решила укротить темперамент и использовать всю силу своей красоты и обаяния. Она уже целый месяц напоминала паука, поджидающего свою жертву, затаившись на паутине. Все это время Гюльнар усиленно работала над своим культурным развитием.

И вот тут-то...

ИНТЕРЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Достаточно было взглянуть на небо над ипподромом, чтоб осознать красоту того чудного дня, дарованную Создателем. Небо было чистым-пречистым, прозрачно-голубым, а солнце, будто готовилось продемонстрировать весь свой блеск. Чистые небеса словно готовились к празднику. А на земле он уже шел: даже лошади чувствовали его, бодро переступая с ноги на ногу и потряхивая гривами. Радость ощущалась повсеместно. Сейчас и не стоило снаряжаться на охоту за счастьем: оно было рассыпано по зеленым лужайкам и чистым скамейкам. О нем щебетали птицы в кронах деревьев, что прыгали с ветки на ветку, подключаясь к общему бодрому ритму.

Атмосфера всеобщей радости окружала меня. Я наслаждалась, как и птицы, чистым воздухом и солнышком, тоже была бодра и весела. На сей раз я ощущала себя юной, красивой и привлекательной, хотя Гюльнар была рядом. На мне был модный короткий приталенный костюм с цветами на вороте.

Дюма-сын говорил: «Женщина – прекрасное создание. Преображаясь то в колокольчик, то в кочергу, она разнообразит свою жизнь». Эти слова как нельзя точно подходили к нам тогда. В соответствии с модой, мы были туго утянуты с ног до головы и напоминали тонкие трубки. Не скажу о внешности, но одеждой нашей можно было гордиться: мужчины обращали на нас внимание. Я уже была довольна своим нарядом и ждала какого-нибудь фото-корреспондента, который оценит мой вкус и сделает снимок для журнала мод. Надеялась, что на этот раз буду объектом внимания я, а не Гюльнар.

Наш верный друг Жером тоже был рядом. Ему очень шли полосатые брюки и приталенный пиджак. Он без конца здоровался с кем-нибудь и тут же давал нам информацию интимного характера о знакомом мужчине или даме. По разговорам становилось ясно, что гуляющие по лужайкам ипподрома, главным образом, люди известные.

– Бог мой! Посмотрите сколько конкурентов. Неужели и с мужчинами придется бороться? – с печалью в голосе произнесла Гюльнар, озабоченная мыслями о своем будущем. Она стала говорить о гомосексуализме:

– У нас на Кавказе, мужчин на это толкает обстановка, общество, социальные условия вынуждают их идти против естества, дорогой Жером. Женщины под чадрой не всегда доступны им. Вот они и удовлетворяют свои инстинкты между собой. Словом, вынуждены заниматься гомосексуализмом. А еще говорят, что некоторые пастухи, попутанные дьяволом, сношаются со своими баранами. Но у нас, женившись, эти самцы прекращают свои «игры». А ваши мужчины идут на такие дела добровольно. Когда же святые отцы напоминают им об адском огне, ссылаются на своих «коллег», Оскара Уайльда, барона де Шарлюса и кучу других.

Господи, до чего же красиво говорила эта Гюльнар! Бог одарил ее не только сознанием, но и способностью верно мыслить и оценивать. А как великолепно она выглядела – настоящая парижанка! На ней был легкий костюм из черного бархата и белая блуза в кружевным воротником, отороченная бархатом шляпка, украшенная красной лентой. Этот костюм, наряду с некоторыми другими нарядами, Гюльнар заказала в нашем Доме мод. Будучи родственницей такой клиентки, я снискала уважение заведующего и коллег по работе.

Все оглядывались на Гюльнар. Даже Жером не отрывал от нее глаз, и я понимала, что он по-своему любит ее.

– Волшебница! – произнес Жером, оглядев Гюльнар. И он был прав.

В Гюльнар было столько шарма, что даже самые невнимательные люди заглядывались на нее. Словом, она оставалась в центре внимания. Гюльнар притягивала взгляды, как магнитом. Я ничего не преувеличиваю – все это истинная правда. Мне же вновь пришлось отодвинуться на задний план, оказавшись в ряду второстепенных образов. Снова поблекли краски, солнышко перестало радовать, и я превратилась в несчастное создание, размышляющее о бессмысленности своей молодости, модного платья и независимости. Ну

почему мое состояние так переменчиво? Как Российские вершины: то вверх, то вниз, то радость, то печаль. Вечно смятение сопровождает меня, швыряя, как щепку на бушующих волнах: не примкнуть к берегу, ни дойти до горизонта. Боже, как тяжело! Но никто вокруг, ни Жером и Гюльнар, не видели мук, терзающих меня. А может быть, не подавали виду? Могут же другие скрывать свои чувства! Я тоже старалась. Но безуспешно. Не думайте, что я испытывала к Гюльнар только отрицательные чувства, завидовала, сердилась. И это было, не скрою. Но все-таки я любила ее, преклонялась перед ее благородством, осознавал себя ее должницей. Она помогала тогда не только мне, но и моему отцу и мачехе, жившим у своей приятельнице, которая была замужем за богатым человеком. Гюльнар помогала и «Жозезу», и Марьям, испытывающим материальные трудности, делала им подарки. Даже злясь на Гюльнар, я всегда восхищалась ее решительностью, обаянием и жизнерадостностью. Говорят, что Богу известны все наши помыслы. Вероятно, и мои не были для него тайной.

Мое настроение ухудшилось. Но Жером и Гюльнар не замечали этого и без устали болтали.

– Это мадам «такая-то», – указывал Жером глазами на красивую даму с шустрými глазками, – очень опасное создание! Редкая лицемерка. Однажды она сказала мне, что предпочтительнее «партуз», нежели обычная любовь между мужчиной и женщиной (через полвека это стали называть «коллективным сексом»). Она говорила, что в таких группах участвуют очень известные личности и можно вступить в половой акт одновременно с несколькими людьми. Говорит, что ее интересует не сам акт – просто хочет все видеть и знать. Уж она-то научилась! Ее мужа часто повышают в чине. Я слышал, скоро его назначат послом в какую-то страну. Тот господин, что справа от нее, и есть ее муж. А слева – граф де Монфорже, очень богатый человек, обожает лошадей. Одна из его лошадей участвует сегодня в скачках. Граф разбирается в скачках, поэтому его прибыль растет.

– Он женат?

– Нет, вдов. У него есть светловолосая, милая дочурка, похожая на Офелию. Отец и дочь обожают друг друга. А мать графа – взбалмошная, тучная женщина. Она известна далеко за пределами Сен-Жермена. Грубая и надменная дама.

– А каково здоровье?

– Чье?

– Графа... Да и его матушки.

– В их роду все долгожители. Отец его погиб на войне. Война укорачивает жизнь и здоровым. Зачем вы спросили об этом?

Гюльнар размышляла о кандидатуре графа. Оторвавшись от этих мыслей, она ответила, что граф внешне напоминает кондитера. Жером пояснил:

– Французская знать выглядит иначе, чем вы представляете себе. Вы привыкли к высоким блондинам с печальными лицами – таков образ русского аристократа. Откуда вам знать о происхождении толстяка Монфорже? Его предки очень благородны и знамениты.

И тут вдруг «потомок благородных кровей» направился в сторону Жерома.

– Я хотел поговорить с вами об одном очень важном деле, друг мой. Но отложим его, а пока прошу вас оказать мне честь и представить этой даме...

Жером немедленно исполнил его просьбу. Несмотря на свою родословную, Монфорже показался мне человеком несерьезным и назойливым. А как же аристократизм? Он нес чепуху, как и Грандо, прибавляя «да-да» к словам. Граф был похож на классический образ «смешного француза» в американских фильмах: невысокий, тучный, с двойным подбородком и симпатичным лицом. У него была белозубая улыбка и черные усы. Наверное, он их красил, как герой Мопассана. На висках у графа серебрилась седина.

Граф не отставал от нас. Делая вид, что увлечен скачками, он исподтишка поглядывал на Гюльнар. Было видно, что граф очарован ею, но остерегается чего-то. Вероятно, не исключал возможности коварства дамы. А Гюльнар поняла, что жертва уселась на «паутину», и приступила к делу. Она вы-

шла из образа мадмуазель де ла Моль и стала играть роль принцессы де Клев. Превратилась в благородную, поэтичную, сдержанную женщину. Гюльнар решила, что этот образ в данном случае более уместен. Судьба послала ей шанс: граф богат, именит, да еще и вдов. Значит, может стать ее мужем! Гюльнар не могла упустить счастливого случая и вычисляла целесообразные ходы. Я не стану описывать главного – ведь в этом и моя писательская интрига.

Скачки в самом разгаре. Но мне они не нравятся. Я скучала. Пришла сюда, чтобы узнать, как развлекаются парижане. Лошади не просто неслись. Они летели, подстегиваемые кнутами наездников. А мне было неинтересно. И что такого в этих скачках? Разве победа какого-нибудь «Тутанхамона» или «Аменофолиса» что-то изменит в моей жизни? Но окружающие вопили от восторга, перебегали с места на место, вроде тех лошадей. Почтенные дамы забыв о нарядах и украшениях, вскидывали руки и кричали, репродукторы гремели во всю мощь. А я умирала от скуки! Зачем я сюда пришла? Фотограф уже сделал снимок, и завтра он появится в журнале мод. «Вчера на ипподроме Лонгшам состоялись скачки. Прекрасная модель дома X» привлекла всеобщее внимание» - такова будет надпись над ним. Теперь мне больше нечего здесь делать, могла уходить. Что меня тут держало? Как обычно: роль второго плана...

Гюльнар «ткала сеть» вокруг графа. Она беседовала с ним, иногда изящно наклоняла голову. Граф задал вопрос, к которому мы уже привыкли:

– Вам нравится Франция?

– Конечно! Очень! – восторженно отвечает Гюльнар и добавляет спокойнее, - Очень нравится! Мало того, я влюблена во Францию! Мне все здесь мило. Я люблю Вал де Грас, Расина, сыр камембер.

Чертовка слово в слово повторяла услышанное от Жерома! Тут она слегка усмехнулась, будто понимая свое положение.

– Ах, иностранки, да-да, точнее, некоторые тонкие иностранные дамы знают Францию лучше многих французов.

– Меня воспитывала гувернантка-француженка, - томно опустив длинные ресницы, пояснила Гюльнар. – Я была совсем крошкой, когда она начала рассказывать мне о вашей стране. И многому научила.

Что же это такое, Господи! Я просто задыхалась от злости. Что она видела, кроме затрещин отца и интриг братьев, о каком воспитании идет речь? «Гувернантка – француженка!» Бред! Было время, когда мне, чаду нефтепромышленников, запрещали общаться с этой троицей – Гюльнар, Асадом и Али.

– Ох, и актриса! – шепнула я Жерому, наблюдавшему скачки в бинокль. – Граф и не представляет себе, на какую лицемерку заглядывается.

Но, кажется, Жером думал иначе. Он тихонько ответил мне:

– Она идет верным путем. Нужно должным образом преподнести себя. Не будет же она рассказывать о своих любовных похождениях! По-моему «Аменофис» придет первым....

– Мне все равно, – грубо ответила я и чуть не заплакала.

Можно было предположить, как завершится сегодняшний вечер. Было ясно, что во имя встречи с Гюльнар, граф отказался бы даже от ужина с Президентом Франции. Я уже знала, что Монфорже не оставит нас и предложит пообедать вместе. А потом будет пожирать ее глазами, а я, как и раньше, - просто родственница Гюльнар. Куда же он нас пригласит? Безусловно, Монфорже влюбился в Гюльнар. Он был околдован, попал в западню, и слова, сказанные Жеромом до скачек, оказались пророческими.

После соревнования граф начал разговор, часто повторяя свое «да-да». Он говорил очень долго, и мы не сразу поняли, что он приглашает нас отобедать в своей малой резиденции виль-д'Аврейд. Гюльнар согласилась не сразу. Она стала изображать из себя гордячку, которая не ищет поводов для визитов и не придает значения приглашениям. «Поупорствовав» немного, Гюльнар приняла приглашение. Некоторое время спустя она уселась в машину графа с водителем в белом костюме. А я поехала с Жеромом в его малень-

ком автомобиле. Всю дорогу Жером пытался заговорить со мной, но я огрызала.

– У вас сложный характер. Ничего не поделаешь, человек не выбирает его сам, – вздохнул Жером.

Я не стану описывать все впечатления от вечера, проведенного в малом дворце графа Монфорже. Эти дворцы, окруженные чудесными садами, называли «Домами фантазий». В словаре Ларусса им дается такое толкование: «дома, построенные в городах или деревнях, отличающиеся особенной фантазией, требуют больших затрат и предназначены для торжественных приемов». Дворец был построен предком графа еще в XVII веке. Предок, похоже, обладал тонким вкусом. Всю эту информацию мы получили в тот же вечер от Жерома. Не хочу говорить об этом вечере – и так все было ясно с самого начала: Гюльнар получила праздник, Жером – развлечение, а я, разумеется мучки и страдания. Но не могу не рассказать о том, что произошло после, когда с трудом удалось отговорить графа провожать нас.

Мы выехали из ворот парка в автомобиле Жерома. Гюльнар развалилась на сиденье и прикрыв глаза, томно произнесла:

– Слушайте оба: я буду графиней Монфорже!

Жером едва справился с управлением от неожиданности, и машина съехала влево. Мимо нас стремительно пронесся большой автомобиль и послышалась ругань водителя. Потом стало тихо. Жером отвел машину на край дороги и повернулся к Гюльнар.

– Вообще-то, должен предупредить вас, что это безумие. Но предупреждаю, что Монфорже никогда, ни за что не женится на такой бездомной бродяжке-иностранке, как вы. К его личному гонору и надменности нужно прибавить и гонор его матушки. Она уничтожит своего сына, но не позволит ему жениться на такой, как вы, авантюристке. Да, вы и сами о себе все знаете. Монфорже женится на иностранке, на...! Разведенной сожительнице сотрудничающего с большевиками подозрительного типа! Эта женщина...

– Да, отец этой женщины мог дырявить пальцем стекло, есть мух, а ее братья, воришки и обманщики, баловались гомосексуализмом.

– Что вы говорите? – несколько смягчившись, прервал ее Жером. – Я не знал таких подробностей о вашем уважаемом семействе. Неужели ваш отец поедал мух? Ему они нравились или он ими лечился?

– Нравились! А еще он громко рыгал, чтоб развеселить нас. Это было так забавно!

– Сожалею, что ваш отец остался на Кавказе. Уверен, графу он понравился бы. Ваш батюшка мог бы развлечь высокое общество. Французские развлечения стали скучны.

– Все верно, - вздохнула Гюльнар. – Вот я и решила сделать последние годы граф веселее, став его женой.

– Дорогая и неподражаемая Гюльнар, я люблю и ценю вас больше, чем вы думаете. Но поймите у вас столько же шансов стать женой графа, сколько у меня – стать ослом.

– Уверяю вас, все решено и можете считать себя ослом. Граф Монфорже женится на мне, невзирая на мое происхождение, положение, дурное имя и религию. Ее, кстати, можно сменить. Я буду женой графа! Хотите заключим пари?

– Принимаю все условия. Но радуйтесь, что заключаете пари со мной. Кто-то другой обязательно бы этим воспользовался бы.

– Ладно, если в течение года граф Монфорже не женится на мне, вы выиграли пари.

– Решено! Но, бедняжка Гюльнар, вы слишком оптимистичны. Не спорю, вы замечательная ученица, способная и большая умница. Но покорить мир, который не смогли покорить другие! Ваше желание неосуществимо. Есть еще оно препятствие. Небезызвестная матушка графа, большую часть состояния записала на свое имя. Она очень богата, и многое осталось ей от матери-американки. После смерти матери, мадам Монфорже переписала наследство на себя. Эта кровожадная женщина может лишить сына наследства.

Правда, и сын богат, но матушка богаче. И еще, Монфорже старше вас лет на тридцать.

– Эх, я привыкла к такой разнице. Это меня устраивает: умрет раньше, а я останусь молодой вдовой.

– Пустая мечта! Я говорил, что это семья долгожителей. Они не оправдывают надежд своих наследников.

– Какая разница? Если заживется – разведусь. Пара миллионов мне перепадет...

Жером не знал, что еще сказать. Он завел машину, и мы поехали дальше по темной улице. Жером молчал. Гюльнар тоже. А я ушла в свои фантазии, в мир своих сладких грез. Как сказал Фортненель, маленькая грусть в моей душе пустила корни и крепла.

Мы миновали мост и заехали в Булонский лес. Тут Гюльнар вдруг вспомнила, что собиралась навестить Жозе и Зулейху.

– Уже очень поздно, - отвечал Жерлом.

– Ничего. В воскресные дни, они поздно ложатся. У них бываю гости. Думаю, они обрадуются нам.

– Вы оптимистичны, как всегда. Но я отвезу вас к ним.

Последнее время я редко бывала у «Жозезу». Жозе мы не нравились. Он не подавал виду, но называл нашу жизнь «беспутной». Это касалось, главным образом Гюльнар. Чтоб не сталкиваться с ней, и Альмерья стал реже ходить к Жозе. Хотя Жозе знал, что Гюльнар не спала с Альмерьей, но и ее оскорбительного отношения к кузену не одобрял. Знал он и об истории с Карповым. Кого она взяла на «прицел» следующего?

– Если тебе угодно распутничать, делай это на стороне, – сердито выговаривал Жозе Гюльнар. – Но не в моем доме! Осточертели мне эти бесстыдники! В какое положение ты ставишь своего несчастного мужа? Не совестно тебе?

Когда мы подъезжали к дому Жозе, я поняла, что Гюльнар намеренна рассказать им о Монфорже. Видно, решила доказать, что может встречаться с людьми гораздо более высокого уровня. Да еще известит о своих планах.

Гюльнар оказалась права, в мастерской были гости. Был тут и Альмерья. Он держал в руках кусок ткани, изображая корриду. Альмерья был пьян, взлохмачен и неопрятен, а лицо – совершенно бледное. Увидев нас, он замолк, отошел в сторону и постарался быть незаметным. Во главе пира, как всегда, стоял Шамси. Он продемонстрировал нам дыры в старых штанах и патетически пояснил, что у Марьям нет времени их залатать. Дыры были в таких местах, что могли внезапно обнажить неприличные части тела. Поношенные штаны Шамси были в центре внимания присутствующих. Он гордо выставлял на вид свою бедность, пытаясь вызвать сочувствие и симпатию. Кажется, у него получалось. Они с Марьям часто меняли жилье, будучи не в состоянии расплачиваться. С каждым разом их жилище становилось все меньше и меньше. И, наконец, «последним пристанищем» Марьям и Шамси стал крошечный гостиничный номер. Они погрязли в долговых расписках и квитанциях, не могли показываться на некоторых улицах 16го квартала: имели долг почти во всех здешних магазинах. Сейчас Марьям и Шамси жили на скудные гроши, продавая последнее. Наверное, скоро и продавать будет нечего.

По классической схеме, сначала продавались ювелирные изделия, затем дорогие предметы быта, а в конце меха и одежда. Шамси уже продал свое дорогое пальто, привезенное из Лондона и с тех пор даже в холод ходил, перекинув через руку старый плащ. Он делал вид, что не нуждается в теплой одежде. Но тяжелее всего было бедняжке Марьям. Когда они приехали в Париж, у нее родился ребенок. Няня, которую наняли тогда для ухода за ним, так привязалась к малышу, что предложила взять его к себе на воспитание. У Марьям не было выбора, и она согласилась. Няня со своим новым мужем и ребенком переехала на юг. Не имея своих детей, эта женщина стала малышу

настоящей матерью. А Марьям превратилась во второстепенную. Такое не-редко случалось среди эмигрантов...

Я приношу извинения за то, что отвлеклась от главного. Но вернемся в мастерскую Жозе.

Гюльнар ждала ухода гостей, чтоб начать разговор. Она уселась на диван, демонстрируя это окружающим всем своим видом. Поэтому через полчаса в мастерской никого не осталось. Только Жером задержался. Ему предстояло еще отвезти нас домой. Гюльнар поднялась и вдохновенно произнесла:

– Хочу сообщить вам о своем новом знакомстве, которое принесет мне удачу в будущем. Жером познакомил меня на ипподроме с графом Монфорже. Это очень богатый человек. Он владеет скаковыми лошадьми, огромным состоянием, замками....

Гюльнар смотрела на Шамси, зная его интерес к вельможным личностям.

– Граф Монфорже? Не слышал о таком, – пожал плечами Шамси. – Надо будет поинтересоваться. У нас в Петербурге...

– К черту твой Петербург! И Петербург, и его знать, и все его графы давно померли. И ваши громкие звания, чины, титулы усопли! А тебе лучше поискать работу, чем забавляться покойниками и дырами на штанах!

Обстановка накалялась. Шамси побледнел. Кое-как взяв себя в руки он произнес:

– Дура несчастная! Идиотка! Только приехала из Баку, только вырвалась из дикости, а уже считает себя современной дамочкой! Прикидывается порядочной женщиной и ищет знакомства с графами-замозванцами...

– И не думала искать с кем-то знакомств. Он сам попросил Жерома познакомиться со мной. Как только увидел меня! Поверь, он такой же граф, как ты – бек. Ты же гордишься до сих пор своим титулом, все тужишься и пыжишься.

У Шамси был плоский нос, несколько раскосые глаза и очень крупные зубы. Он очень напоминал диких степных кочевников, потомков воинственной Орды. Несмотря на его благородное происхождение, Гюльнар выглядела аристократичнее. Шамси повернулся к Жерому:

– Дорогой Жером, очень сочувствую вам. Мне кажется, что, уделяя столько внимания этим простушкам, так прислуживая им, вы можете потерять уважение.

– Верно. Бедняга Жером, – поддержал его Жозе, – Вы зря теряете время.

Жозе во всем соглашался с Шамси, был его единомышленником. И сейчас делал это от души. Ему, Жозе, тоже не нравились наши проделки, он опасался дурного влияния на свою жену.

Так этот граф влюбился в тебя? – с интересом спросила Марьям, до сих пор молча слушавшая весь разговор. – Прямо-таки, сразу?

– Именно так, молниеносно! Он хочет жениться на мне!

– Почему же тебе не зацапать сразу Президента США? – громко засмеялся Жозе. Они с Шамси так хотели уличить Гюльнар во лжи. – Правда у него нет графского титула, но зато он силен в политике и известен. Подумай об этом.

Жозе не любил Гюльнар. А последнее время просто ненавидел. Это было трудно скрывать. Жозе считал Гюльнар распутной, легкомысленной, нахальной. Ее увлечение литературой казалось ему смешным. Когда она восторженно пересказывала историю мадмуазель Аисы и говорила о своем намерении написать книгу, Жозе приходил в бешенство. Он всякий раз пытался поставить Гюльнар в неловкое положение, унижить. Порой, был даже слишком несправедлив.

– Смейтесь, смейтесь, – невозмутимо ответила Гюльнар, придет время, вы заговорите иначе.

На следующий же день начали готовить капкан. Кто кому? Монфорже думал, что ловушку для Гюльнар сооружает он. Графу и в голову не приходило, что эта ловушка предназначена для него самого. Утром Гюльнар полу-

чила от графа огромный букет роз. Так Монфорже сделал первый шаг к своей цели. Гюльнар, волнуясь нюхала цветы, разглядывала их, как предверие победы. Продавцы цветов говорят: «Извещайте цветами о своих намерениях». Они правы. С того дня Гюльнар стала готовить себя к обществу, членом которого скоро станет. Она упростила прическу и уменьшила грим. Для грядущей встречи с матушкой графа, этой грозой бульвара Сен-Жермен, нужно обрести благородный вид. Гюльнар никогда не унывала и летела к победе на крыльях своего воображения. Ей были враждебны неуверенность, разочарование, печаль. Она всегда жизнерадостна и решительна, чем и привлекала окружающих. И это одна из главных причин ее успеха. Гюльнар ни на миг не сомневалась в победе. Она приступила к изучению английского языка. Ведь будущей графине нужно соответствовать своему титулу! Ее английский должен быть безупречен. В отношениях с графом она выбрала позицию «приветливая, но недоступная». До поры надо держать дистанцию. Для укрощения Монфорже мнимая гордость и неприступность – главное оружие.

Они встречали ежедневно в течение месяца. Монфорже иногда приходил к нам, но чаще мы прогуливались вчетвером, или они с Гюльнар встречались сами. Но граф до сих пор не приглашал ее в свой дом на улице Сен-Доминик, где жил со своей матушкой. Гюльнар сердило это.

– Конечно, он не хочет представить семье такую, как я. Пусть так! Этот Монфорже будет рыдать у моих ног! Посмотрим, кто кого...

– Дорогая Гюльнар, «кто кого» плохо звучит по-французски. Мадмуазель Аиса не должна употреблять дурных выражений.

– Ладно уж, - соглашалась Гюльнар. Сейчас ей предпочтительнее был образ «Гюльнар Монфорже», а не «Гюльнар-Аиса».

– Я предупреждал вас о трудностях. Вчера в Жокей-клубе Монфорже расспрашивал меня об Отто и задал кучу вопросов о вашем происхождении. Я не смог сказать ничего определенного об Отто. Что мне о нем известно? Но могу немного порадовать вас: Монфорже влюблен по уши! Он с таким восторгом и трепетом говорит о вас. Будто о святой.

– Не смейтесь надо мной, – сердится Гюльнар.

– Я пошутил, но самую малость. Монфорже действительно потерял голову от любви.

– Это хорошо. Если не потеряет голову – потеряет меня.

С тех пор, как был установлен «капкан», Монфорже почти через день присылал Гюльнар букеты. Они становились все роскошнее, пышнее. Вскоре наша квартира, уставленная корзинами с цветами, напоминала цветочный магазин. От смешанного аромата даже болела голова. Но Гюльнар, которая прежде радовалась цветам, теперь делала сердитую гримасу. И однажды она попросила графа не присылать больше букетов.

– Мне некуда ставить эти чудесные букеты. От их аромата кружится голова.

– Прекрасно! Да-да, - попытался воспользоваться моментом Монфорже.

– Если позволите завтра принесу нечто иное.

Гюльнар была заинтригована: неужто граф отведет ее на встречу с матушкой? «Нечто иное» - это что?

На следующий день Монфорже заехал за Гюльнар. Он пригласил ее в театр. Жером был еще у нас. В его присутствии граф вытащил из кармана какую-то коробочку и протянул Гюльнар.

– Да-да, вам надоели цветы, а этот подарок не утомит вас ароматом.

Монфорже уселся в кресло, ожидая радостной реакции Гюльнар. Нет, граф плохой психолог! Гюльнар открыла коробок. В нем была брошь в форме цветка: сверкающий рубин в окружении бриллиантов. Это приобретение он сделал в фирме Картре. Гюльнар резким движением захлопнула коробок и поставила его на столик около графа.

– Господин... – начала Гюльнар, войдя в образ Марии-Антуанетты, гневно смотрящий на де Рохана, - Господин (тут граф забеспокоился), я не знала до сих пор, что вы обо мне думаете. Полагала, вы уважаете меня. Хоть самую малость... Теперь все ясно: выходит, считаете меня женщиной, которую можно купить за бриллианты!..

Граф едва охнул на месте, но Гюльнар продолжала не обращая на него внимания:

– Вероятно, вы поняли, господин, что я имею право не выходить с вами сегодня.

«Мария-Антуанетта» царственно покинула нас.

Боже мой! Что стало с бедным Монфорже! Несчастливого графа не держали ноги, он то бледнел, то багровел, даже кожа его короткого горла покрылась красными пятнами. На строгом лице выступили капельки пота.

– Не понимаю... Да-да... Что произошло? Что тут плохого – ведь это исключительно по дружбе. Правда я, забыл что она замужем. Конечно, такая тонкая женщина могла неверно расценить мой подарок... Жером.. Что вы думаете?

Граф нуждался в поддержке. Он ждал ее от нас, близких Гюльнар. Монфорже устало опустился в кресло.

– Да, я сделал глупость,.. – Он был не в себе, задыхался от волнения.

У меня даже возникли опасения: а что если с ним случится сердечный приступ? Станет ли граф плакать? Такой вельможный господин, и так недержан.

Я представила себе такую сцену из давней истории: перед глазами возник один из предков Монфорже, участник Крестового похода. Он повержен Салахатдином в окрестностях Иерусалима. Рыцарь с трудом поднимается, нет, встает на колени, моля о пощаде. Сейчас его потомок, граф Монфорже, пытался вымолить прощение у мусульманки, возможно какой-то ветвью приходящейся родственницей арабскому воину. Во все века история только и делала, что перемешивала или кромсала человеческие судьбы.

– Жером, подите к Гюльнар, – взволнованно просил граф, – скажите, что я сожалею. Молите ее простить меня! Скажите ей о моем глубоком почтении!

Глубокое почтение! Бог мой! Любовь делает мужчин такими нелепыми, жалкими. А как великолепно сыграла Гюльнар! Она просто поразила нас артистическими способностями.

Жером, подхватив игру своей ученицы, серьезно ответил Монфорже:

– Мне кажется, не стоит спешить. Я передам ей ваши сова. Пусть немного успокоится.

– Что же мне делать? Уйти или остаться?

– Думаю, лучше уйти.

Монфорже со смущением взял коробок и положил в карман. Пробурчав несколько раз свое «да-да», он уныло побрел к выходу. Как только граф вышел, из боковой двери выскочила Гюльнар.

– Ну, как вам моя игра? – радостно заверещала она. – Господин граф думал при помощи подарка сделать меня своей любовницей. А мне нужен его титул! Он был очень расстроен?

– Очень! Потрясен до глубины души. Горькая чаша печали обожгла его горло.

Мы все рассмеялись. Жером сказал:

– Да уж, умница и красавица Гюльнар, здорово мы развлеклись. Должен сказать, что даже знаменитая Сара аплодировала бы вашей игре. Но замечу вам, в этом деле, которое вы называете «игрой» есть большое несоответствие. Вы, пассия, такого добродетельного человека, а ведете себя, как женщина легкого поведения.

– А разве это не так? Вы намекаете на страдания Отто, если «операция» завершится успешно? Не утруждайте себя. Я не намерена провести всю свою жизнь с Отто или Монфорже. Если честно, граф не очень-то мне и нравится. Мне не по душе семейная жизнь, совместный быт. Все время вместе: вместе есть, вести подсчеты, делить все на два – это кошмар. Семья – это однообразие, тоска. Она уничтожает самые сладкие мечты, самые прекрасные чувства.

Жером, улыбаясь, смотрел на Гюльнар. Ее бестолковый монолог доставлял ему удовольствие.

– Вы рассуждаете как Наполеон. Он говорил: «Супруги днем портят друг другу настроение, а ночью портят друг другу воздух».

Хочется еще немного поговорить о привлекательности Гюльнар. Хотя я затрудняюсь выразить словами свое отношение к ней. Понимала ли я ее до конца? Все знают, как непросто выковыривать содержимое мозговых костей. То, что тебя интересует, находится под крепкой оболочкой: копаешь, копаешь, а не получается. Вот и я не могла докопаться до тех участков души Гюльнар, которые были упрятаны слишком глубоко. Видя ее способность добиваться желаемого, я вспоминала слова Ницше: «Жить для себя – это значит высвечивать свою суть и ввергать в пламя окружающих». Возможно, выделять Гюльнар среди миллионов подобных ей красивых авантюристок, не совсем правильно. Но не отдавать должного ее упорству, целеустремленности и обаянию, невозможно. Однако, я повторяюсь... Скорее для себя, чем для читателя... Хочу понять причину: как удается маленькому человеку казаться большим?

– Меня озадачивает ваше стремление выйти замуж и, одновременно, нежелание быть замужем, – вновь обратился Жермо к Гюльнар. – Стоит ли из-за своего временного успеха причинять страдания двум мужчинам, Отто и Монфорже?

– Замужество, еще не означает успех. Я хочу выйти замуж за очень богатого парижанина. Он должен обеспечить мне достойное имя и состояние. Разве я сказала, что разведусь вскоре после замужества? А вдруг граф помрет, не дожидаясь моей старости? Вы же заметили, что он страдает гипертонией.

– Вы опасная женщина! Такая бакинская красотка должна была оставаться заключенной в гареме. Нет, я сожалел бы об этом. Ладно, скажите, что за план зреет в вашей чудесной головке?

– Я решила не встречаться с ним, до тех пор, пока не осознает серьезность моей обиды. Он так исстрадается, так изведется, что откроется, наконец, своей матушке-драконше!

На следующий день граф вновь умолял Жерома помирить его с Гюльнар. Но она вела себя холодно и напоминала бронзовую статую – ни за что! Гюльнар не ответила и на письмо графа. Четыре страницы были переполнены мольбами о прощении и покаянии. Но неожиданно вернулся Отто... И граф прекратил свои визиты. Правда, приезд Отто предполагался, за день до этого он дал телеграмму. А Гюльнар продолжала игру. Теперь она изображала любящую жену, занятую семьей уважаемую даму. А «хитрец», который набивался ей в любовники, уединился в своем доме на Сен-Жермен. Обуреваемый страстью и печалью, он остался с грозной матушкой. Жером сообщил графу о приезде Отто, и Монфорже исчез из виду ровно на месяц.

Отто выглядел неважно. Он похудел, стал более меланхоличен. Лицо его отображало всю душевную печаль. А мне он стал еще симпатичнее. Я видела, что Отто не только пылко любит Гюльнар, но и уважает ее. Он, действительно желал ей добра и счастья. До сих пор Гюльнар не встречала такого благородного человека. Отто доказывал это на деле: Во время последнего приезда в Париж он положил на счет в банке большую сумму для Гюльнра. Отто заботился о ее будущем, чувствуя приближение старости. Он понимал, что всякое может случиться в жизни, старался скрывать свое уныние. В моих глазах Отто вырос безмерно, став образцом добродетели и благородства.

Чем же я была занята тем временем? Да ничем особенным. По-прежнему продолжались холодные встречи с Грандо и работа в доме мод на площади Вандом. Здесь меня больше не считали простофилей – ведь, как и у всех, у меня теперь есть друг.

– Наконец-то! Вот ты и поумнела, – воскликнула Мари, узнав эту радостную новость.

Сама она очень часто меняла любовников. Мужчины ей осточертели! В любовных делах Мари была мастером такого высокого класса, что ни один писатель-фантазер не смог бы сравниться с ней. Такие способности в более полезных делах принесли бы ей большие успехи

Хорошо владея словом, она так красочно описывала все тонкости секса! Желая рассердить «мадам», Мари часто заводила такие разговоры.

– Прекратите! – выходила из себя «мадам». – Мне омерзительны ваши разговоры. Я пожалуюсь на вас хозяину!

– Ах-ах, скажите пожалуйста! Не нравится – выйди проветришься. Раньше и сама ежедневно меняла мужчин, а теперь строит из себя непорочную.

– У меня было всего восемнадцать мужчин, - сдержанно отвечает «мадам». Как видно, она любила порядок не только в делах. Даже вела счет своим любовникам.

– Ладно, – спросила у нее Мари, – о чем же нам говорить? Об английском текстиле или садоводстве? Иногда, благодаря мужчинам, мы получаем удовольствие от текстиля и цветов, но это не тема для разговоров. Лучше, ты детка, расскажи, каков твой доктор в постели.

Не уподобляясь псевдо-целомудренной «мадам», я достаточно вольно рассказала о «достоинствах» Грандо, об однообразии наших встреч, о желании прекратить их, о своей холодности и суровости.

– С мужчинами надо быть ласковой, – увещевала «мадам», – Это главная обязанность каждой женщины.

Мари рассмеялась. И Люси стала смеяться. А я замолкла. «Мадам» подавив гнев, больше ничего не сказала. Вообще, если не считать болтовню Мари, приносящую некоторое веселье, разговоры здесь были однообразными.

Я уже привыкла к Грандо и ездила в Орлеан одна. В субботу вечером садилась в поезд и отправлялась в Орлеан. На вокзале меня встречал Грандо или его водитель. Водитель был одновременно и садовником, и служащим Грандо. Звали его Жак. Но меня охватывала скука, как только мы приезжали в дом Люсьена на тихой улице. В прихожей стоял запах мебельного лака, в комнате – ароматической бумаги, которую Грандо жег в мою честь. Здесь было тихо, как на кладбище. Я едва держалась, чтоб не уснуть. Все время

клонило ко сну. Иногда хотелось вот тут, рядом с Грандо, без волнений и проблем провести остаток жизни.

Спать, не суетиться, не тревожиться ни о чем, дремать всю жизнь... В такие юные годы я уже ощущала усталость и страх перед жизнью. А что мне ждать от будущего? Рядом с роскошной Гюльнар я была похожа на угасшую звезду. Разве плохо прожить оставшиеся годы в этом тихом местечке, в комнате, пахнувшей дымом, слыша звон колоколов близлежащей церквушки? Я не была еще в этом храме, где собиралась христианская паства. Ведь в отличие от христиан, всегда считала Иисуса пророком.

До сих пор я не говорила о нашем с Гюльнар отношении к религии. По моему, Гюльнар никогда не проявляла серьезного интереса к понятию «Бог». Она так была увлечена сиюминутными радостями, частыми переменами, очарованными ею мужчинами, что не имела свободного времени на общение с неопределенным, мифическим «объектом». Собственно, и моя религиозность была туманной. Она провалилась лишь в маленьком Коране, который всегда носила с собой. Скорее, это был мой талисман; посредством него надеялась воплотить в жизнь свои мечты. Других заслуг перед верой у меня, по сути, и не было. Но как же надеяться на Бога, с которым меня ничего не связывало?.. Ничего общего у меня не было и с Пророком, рожденным в Аравии. Почему он предписывал женщинам носить чадру? Говорят, его слова неверно толковались. Сможет быть. Тем не менее, гаршаб носили, а я благодарна Аллаху, что он избавил меня от этого мрачного покрывала.

Иногда Грандо уходил навещать больных, и я оставалась дома одна. Сидя в свете красного абажура, отдавалась своим грезам. Проводила время на кровати с красным покрывалом. Когда воспоминания возвращали меня в прошлое, я благодарила Бога за то, что оказалась вдали от этого прошлого. Мысли о будущем приводили меня в уныние от неизвестности. Под звон колоколов я думала о ненужности, бессмысленности своей жизни. Но мысль о внезапной смерти ужасали меня. Хотелось убежать из этой комнаты. Так и буду я прозябать в жизни, возможно и длинной? Убежав от войны, револю-

ции, однообразной жизни сестер-мусульманок, жить похожей жизнью? Нет, я протестую против этого! Я согласна терпеть трудности и лишения, но и не подумаю расстаться со своей личной свободой! Она так нелегко далась мне!

Грандо возвращался домой, и мы без особой страсти отдавались любви. Все наши отношения завершались спорами и склоками. Каждое слово Грандо раздражало меня. Даже его умные речи сердили меня. Я внушила себе образ Грандо как малокультурного, неотесанного, неполноценного человека. Если Грандо молчал, я скучала, если говорил – я сердилась. Мы оба тяготились такой обстановкой. Только занятия любовью на короткое время отвлекали нас от уныния. Я знала, что должна прекратить никчемную связь с Грандо. Он и сам это понимал. Но у меня не хватало мужества отвергать любовника, на которого я отважилась с таким трудом. Даже это подобие любви, служит человеческим потребностям – я успокаивала себя такой мыслью. «Желание любить и быть любимым неизменно в человеке», - говорил Жером. Была еще одна причина, из-за которой я не бросала Грандо: мне необходимо «загрузить» кого-то своими капризами и дурным характером. Плаксивый и недалекий Грандо был объектом моего гнева и придинок. Почему же он сам не бросал меня? Возможно, проснувшаяся во мне тяга к сексу и редкие ласки завожили его. Манекенщица из Парижа, моложена на двадцать лет, экзотическая барышня – вот мои преимущества. А почему бы и нет? Я была недовольна своей внешностью. Но, надо сказать, другие так не думали. В субботу и воскресенье мы с Грандо выезжали на охоту. Меня очаровывала тишина, запахи, птичий щебет, красота лесов Солонии. Здешний пейзаж так отличался от сопровождавших мое детство степных пейзажей. Отныне пленительную голубизну Каспия заменили мне картины юга Франции. В лесах Солонии часто стоит густой туман, и оттого поверхность озер как бы дремала. Больше всего мне нравилось небольшое озеро, заросшее камышом близ берега. В камышах всегда стояла маленькая лодка. Лежа в ней, я могла часами наблюдать проплывающие облака. Тем временем Грандо с друзьями охотился. Доносившиеся звуки выстрелов вызывали во мне жалость к судьбе обреченных на

смерть животных. А однажды Грандо дал мне небольшое красивое оружие. Таким образом он решил разбудить во мне страсть к охоте. Подвесив на ветке маленького зайчишку, он стал учить меня правильно целиться и предложил сделать выстрел. Несчастный зверек, чувствуя близкий конец, трепыхался в петле. Я выстрелила, но промахнулась. Не попала в цель ни вторая, ни третья пули. Бросив на землю ружье, я расплакалась от стыда. С тех пор прошло пятьдесят лет и мне теперь ясно, как годы меняют человека. Сегодня никто на свете не заставил бы меня выстрелить в связанное, беззащитное существо: не могу понять ту юную особу – себя – и ужасаюсь ее жестокости. Почему «ей» вздумалось хладнокровно целиться и стрелять в несчастное животное? Ради чего она это делала – из интереса, от жестокосердия, или желая кому-то понравиться?

Сегодняшняя моя суть не может объяснить поступка меня той. А ведь это одно и то же лицо, один и тот же человек, а мое прошлое и настоящее единая судьба этих «двоих».

Иногда, оставаясь в лесу одна, я начинала мерзнуть. Неподалеку находилась ферма, куда я и направлялась. Погостить у хозяйки. В доме была большая старинная печь, рядом с которой можно хорошенько погреться. А позже сюда приходил и Грандо. Иногда с друзьями. Иногда один. Сидя у печки, он рассказывал о своих охотничьих успехах, с аппетитом ел яичницу, приготовленную хозяйкой фермы, пил вино. А толстая хозяйка в грязном платье все время жаловалась на дороговизну.

Жар печи увеличивался, усиливая запах копченной свинины и колбас, развешанных тут же и дразнил хозяйских собак, которые дремали на полу. Отогревшийся и довольный Грандо пытался целовать меня, но я не позволяла делать этого при посторонних. И, вообще, такая развязность раздражала. Снова я проявляю суровость, а Грандо становится несчастным...

Ночью мы возвращаемся домой на автомобиле. Некоторые деревья в темном лесу напоминают драконов. В скромных деревенских домишках горел неяркий свет ламп. Как хорошо, что я не живу в таких условиях! Как хо-

рошо, что мы удаляемся от жестокого лесного холода и возвращаемся в теплый городской дом! А миллионы зверюшек страдают зимой от голода и холода. Да еще беднягам приходится спасаться от людей. Вот и славно, что я не лесная зверюшка! Такие мысли вызывали во мне недолгий прилив нежности к Грандо.

Вернувшись домой мы рано ложились спать. Усталость не располагала к любовным ласкам, да и утром к девяти надо быть на работе... С вокзала Орсей я направлялась к парку Тюелери и, минуя его, оказывалась на площади Вандом. Да, в те годы Орлеанский поезд прибывал прямо в город.

Я рассказала о наших зимних встречах с Грандо. А сейчас сразу перейду к летним. Мы были вместе всего одно лето и провели его на отдыхе в Савуа. Читатель упрекнет меня в непоследовательности, в путанном перечне месяцев, сезонов и даже годов. Но прошло так много лет... Сейчас мне трудно вспомнить все по порядку. Я часто теряю нить мысли и тему. Но знаю точно одно: наш роман с Грандо тянулся ровно год. Ну, а в году, как известно, четыре сезона. И по каждому времени – свои воспоминания.

* * *

Мы выехали из Орлеана чудесным июльским днем. Во время завтрака выяснилась одна неприятная деталь: я поняла, что придется быть экономнее. В каком-то поселке, или городке, мы сходили в кафе, а затем направились в гостиницу. Но, стесненные в средствах, вынуждены были переехать в другую, более доступную по цене. Не доверяя справочнику Мишеля, Грандо сам расспрашивает о стоимости номеров, изучает ценники на дверях. Пока он вел расчеты, я с презрением смотрела на него: он изучал все мелочи, стараясь не быть обманутым в цене. Мне конечно, не стоило придавать такого серьезного значения скупости Граендо – ведь сама-то росла в семье таких миллионеров-скряг! Почему меня не смущали мои прижимистые родственники? Наверное большим семьям сопутствуют большие странности. Мой дед по отцу был богатейшим человеком на Кавказе. Он тратил на благотворительность огром-

ные деньги. Но сожалел о каждом проигранном рубле и затратах на приемы. Мать моего отца охала и ахала по каждой копейке, потраченной на продукты, но могла, не колеблясь, снять с пальца и подарить гостю ценный перстень. Тетушки, дядюшки, кузены тоже были жадны до денег. Но и они имели свои странности. А скупость Грандо, слабого и плаксивого буржуа, казалась мелочной и смешной. Я давно поняла, что он не из щедрых. Но в быту это не так заметно. В Париже мы посещали один и тот же ресторан, и цены там были одни и те же. И в Орлеане обходились без проблем. Скупость Грандо коробила меня, но я ставила ее в один ряд с другими его недостатками.

Во время первого и последнего совместного путешествия я получила возможность оценить сполна скупость своего друга. Как он радовался, найдя удобную гостиницу по сходной цене! А ведь в то время это было не сложно. Но Грандо считая и пересчитывая каждый раз свою выгоду, приходил в восторг от «удачи». Его симпатии к владельцам дешевых гостиниц росли.

В один из вечеров мы сидели в комнате (дешевой и удобной), на берегу Женевского озера и любовались закатом. Тишина и окружающие красоты располагали к любви и нежности. В тот миг я забыла все недостатки Грандо, посожалела о своих несправедливых поступках. Захотела одарить его лаской. Бросившись в объятия Грандо, я заплакала. Мне было жаль себя, наше положение. Грандо тоже прослезился. Еще бы! Его слезы все время «дежурили» в ресницах. Они выкатывались наружу по самому незначительному обстоятельству: сентиментальный пейзаж, сердечное слово, прихлынувшее чувство – все вызывало у Грандо слезы. В этот раз я спросила, любит ли он меня. Он утвердительно ответил самыми торжественными фразами и снова заплакал. Позже, когда я вспоминала эту трогательную сцену, стала понимать причину тех слез – лицемерие и угрызение совести. Как выяснилось позднее, уже тогда Грандо строил планы по женитьбе на одной богатой особе. Разумеется, он оставит свою капризную, неимущую, беспомощную любовницу. Потому он и затеял это «прощальное» путешествие. Пора прекратить это любовное приключение, не приносящее особой радости и обзавестись семьей!

Конечно, Грандо по-своему любил меня, хоть и лицемерил в тот вечер. Особенно сильно его чувство было во время наших первых встреч. Однажды он даже говорил, что хочет жениться на мне.

Итак, самым ярким воспоминанием от того путешествия была счастливость Грандо и поток нежных чувств, неожиданно вырвавшейся из моей души и бросившей в объятия Грандо на берегу Женевского озера. Наша последующая разлука даже обрадовала меня. Временность отношений с Грандо была изначально ясна. Но прервать их я не решалась. А может быть, чертик внутри меня облюбовал мягкотелого Грандо для своих нападок?

Возвращение в Париж и встреча с Гюльнар радовали меня. Ее прыть, способности, щедрость не могли не радовать. Оторвавшись от Грандо, я попадала в другой мир. Как обстоят дела Гюльнар с Монфорже? Придется вернуться несколько вспять, потому что во время моего отъезда с бедолагой Грандо их любовная интрига продолжалась.

Значит, так – история с брошью. Об этом читатель уже знает. О том, что приезд Отто приостановил встречи Гюльнар и графа, я тоже рассказывала.

А после, через месяц, Отто уехал. В то утро я была на работе и не смогла вместе с Гюльнар проводить его с вокзала. Мы попрощались дома. Отто прижал меня к груди, крепко обняв.

– Милый друг, позаботься о Гюльнар, я очень беспокоюсь о ней, - с мольбой в голосе проговорил он.

Я чувствовала себя виноватой перед ним. Какими надеждами питал он себя? «... беспокоюсь о ней»! Да, моя вина бесспорна! Ведь и я участвовала в том предательстве, что готовила ему Гюльнар. Стоило Монфорже узнать об отъезде Отто, как он снова стал просить Жерома помирить его с Гюльнар. Она не соглашалась две недели, дожидаясь пока граф не спекся окончательно на огне раскаяния и надежд. А после согласилась на встречу. Выдвинув условие: Жером и я тоже будем рядом! Гюльнар планировала торжественное «оформление отношений с графом». Ум становился все более зрелым.

Монфорже пришел на встречу с двумя букетами – для Гюльнар и для меня. Не очень большой размер букетов говорили о его решении впредь быть более сдержанным в отношении Гюльнар. Граф поцеловал нас обеим руки. Столь же официально и сдержанно, не делая разницы. Мы начали необязывающий разговор, стараясь затянуть его. Опасаясь серьезной беседы, Жером находил всевозможные обыденные темы. Но у Гюльнар был свой план: следовало направить разговор в нужное русло и взять графа в клещи. Воспользовавшись возникшей незначительной паузой, она вновь обернулась Марией – Антуанеттой. «Господин!» - произнесла Гюльнар, глядя в упор на графа. Монфорже вздрогнул от железных нот в ее голосе. Он весь съежился под суровым взглядом «королевы». Поверьте, я почти ничего не преувеличиваю. Мимика и жесты были очень схожи.

– Господин, я рада, что в нашей беседе участвуют моя кузина и Жером. Они засвидетельствуют ответственность сказанного. Я буду краткой. Зная о том, что я несвободна, вы как мещанин, сочли меня доступной женщиной, - мастерски изображала Гюльнар вельможную даму.

Граф заерзал на месте, поправил ворот. Гюльнар, не обращая на него внимания, продолжала:

– Не знаю, что вы думаете о моем отношении к Отто, но у меня нет мысли изменять ему. Когда мы с Отто встретились, он был уже женат. Сейчас он пытается получить развод. Как только это произойдет, мы поженимся. Разве могу я изменить Отто в канун официального супружества? Если так, то вы первый станете презирать меня. Своей вины я себе никогда не простила бы! Это одна сторона вопроса. Моральная. С другой стороны... подумайте сами, как может женщина отвернуться от человека, который любит ее, заботиться о ней, ради другого мужчины, не принявшего никакого решения? Можно ли оправдать ее поступок?

Во время монолога Гюльнар Жером сидел опустив голову, пытаясь принять серьезный вид. А граф, делал протестующие жесты, не осмеливаясь перебить Гюльнар.

– Ах, – попытался он заговорить, но Гюльнар не позволила.

– Не утруждайтесь, господин, нам известен ваш ответ. Вероятно, я должна была стать одной из ваших любовниц. Возможно, самой любимой. Но не более того. Вы не решитесь жениться на мне. Поэтому я отдаю предпочтение менее знатному, но более решительному человеку, который действительно любит меня. Отто сделал мне предложение, и я его с благодарностью приняла. Вот теперь, вам ясна обстановка. Была бы рада узнать, насколько верно вы поняли меня. Я могу быть только вашим другом... – Гюльнар торжественно замолкла. В этот миг, я почувствовала как печаль графа заполняет все пространство. Его сковал страх потерять эту очаровательную женщину. Слабость графа и твердость Гюльнар были очевидны.

– Да-да,... – бормотал Монфорже, не в силах еще что-то произнести. Почему бы ему не принять дружбу Гюльнар? Это был бы выход в какой-то степени... но он молчал. Почему? Держу пари, не из-за уверенности в себе. Я уже начала подозревать, что в действительности граф гораздо безвольнее, чем кажется. Он смущался нашим присутствием. Граф потел, бледнел, задыхался. Багровел. Он вел себя как девица. Духи его благородных предков покинули графа, оставив один на один перед колдовским взглядом мусульманской чаровницы. Не дожидаясь ответа Монфорже, Гюльнар с легкой улыбкой на устах подошла к Монфорже.

– Замечательно, значит, решено, мы остаемся хорошим друзьями, – Гюльнар протянула графу руку. Граф схватил ее ладонь и прильнул к ней губами. Он поцеловал ее как нечто святое. С него будто упал тяжелый груз. Граф не обещал чистой дружбы, но в данный момент был успокоен – от него не отвернулись, у него еще есть надежда! А пока он может спокойно продолжить беседу со «святой» Гюльнар, ее кузиной и Жеромом. Постепенно Монфорже пришел в себя и повеселел. Глаза его засияли, лицо посветлело. Печаль покинула сердце, уступив место веселью. Не подавая виду в личной заинтересованности, Монфорже предложил нам план развлечений на грядущие четыре дня: сначала в ресторан, затем в театр, оперу и, наконец, на праздник

в резиденции Виль-Арвей. Уверенна, что в тот день он мог сделать нам и подарок в виде чека на большую сумму. В глубине души граф считал себя победителем в обозримом будущем. Но все говорило в пользу Гюльнар. Именно она была победителем, граф же – побежденным. Конечно, не обойдется без скандалов между графом и его своенравной мамашей, без определенных трудностей, разговоров о достоинстве рода и пр., но, так или иначе, победа Гюльнар не вызывала сомнений. Не скажу, что и сейчас не подверглась изменному чувству зависти и вредности.

Мы с Жеромом так и не добились ответа Гюльнар на вопрос о разводе Отто с женой. Неужели то, что она говорила графу – правда? Не знаю, Гюльнар ушла от ответа.

Вопрос развода интересовал меня и по другой причине. Нет, не для того, чтобы оценить свои шансы на супружество с Грандо. Мне хотелось юридической свободы, правовой. Я уже давно не отвечала на жалостливые письма своего мужа. Он, устав от этого, перестал писать. Нас уже ничего не связывало. Не считая ничего не значащего письменного «подтверждения» кябин, составленного священнослужителем-мусульманином. Этот «брак» был заключен с девушкой, читавшей «Войну и мир», думающей об Андрее Болконском, но носившей чаршаб и ставшей женой нелюбимого человека. Хотя кябин был и недобровольным, но оставался препятствием для развода и премены национальности. Куда мне нужно обращаться, чтоб убрать и это препятствие? Я обратилась к Жерому. Ведь он все знал, да еще окончил юридический факультет, знал многих чиновников в Париже, который стал пристанищем для наций и народностей. Я верила, что Жером поможет мне. Жером навел справки и сообщил мне о необходимости посоветоваться с юристом-турком, так как местные правоведа затрудняются в решении этого вопроса.

– Мой бедный друг, – начал однажды разговор Жером, И я поняла, что вести для меня неутешительны, – возможно вы знаете, что наш суд не может вынести решения о разводе для иностранцев, не имеющих жилья во Франции. Если же один из супругов проживает в другой стране, положение усугубляется.

губляется. В этом и ваша трудность. Прежде вы считались российской подданной, а теперь ваша национальность и вовсе неизвестна. Кроме того, ваш супруг принял турецкое гражданство, и это касается только его самого. Вы даже не советская гражданка, поэтому и в Советское посольство обращаться бессмысленно. По этой бумаге – вы азербайджанка. При всем уважении к вашей стране, о ней никто ничего не знает. Ваш брак заключен по законам шариата, несмотря на советский режим.

– Мой милый, добрый друг, вы понимаете как все запутанно?

Я молчала, озадаченная его «кроссвордом».

– Французский суд не поможет вам. Вы указали свою национальность – азербайджанка. Это слово знакомо только вашим соплеменникам. Поэтому развод можно оформить только в Турции, там, где находится ваш муж. Истица требующая развод, обязана присутствовать в суде. Таковы правила.

– Не хочу ехать в Турцию! – закричала я.

– Не волнуйтесь, если и захотите не сможете. Турецкая сторона не позволит. Там не очень-то стремятся принимать беглецов, особенно из России. Турки не забыли беспокойства, которые доставили им сотни тысяч беженцев из коммунистической России.

– Прекрасно! И что же мне делать?

– Надо заставить французский суд дать ход делу, - ответил Жером после недолгого раздумья.

– А если не будет согласия?

– Выход найдем. Человек должен уметь пользоваться всем, даже несуществующим мужем.

– Не волнуйся, я пошутил, - добавил Жером, заметив мою растерянность. – Я попрошу одного из своих друзей-адвокатов заняться этим делом. Посмотрим, что у нас получится.

С трудом, без всякой охоты французский суд дал добро на рассмотрение вопроса о моем разводе. Но дело оказалось таким сложным, что затяну-

лось на семь лет. Оно стало объектом интереса многих известных юристов и журналистов.

После всех трудностей, я смогла, наконец, обрести полную свободу. А вскоре вновь вышла замуж. Правда, через несколько лет разошлась... Вот так, постоянно обновляясь, течет жизнь.

ВОПРОСЫ РЕШАЮТСЯ ПО РАЗНОМУ: И ХОРОШО, И ПЛОХО

Жизнь продолжалась. Гюльнар становилась все краше, граф изнывал от любви, я причиняла страдания Грандо, а он пока терпел. Отто писал письма, полные любви. В этих письмах были самые нежные слова, которые он знал на всех трех языках. Читая письма, нетрудно было почувствовать переполняющую его грусть. Но Гюльнар, не обращала на это внимания.

Но однажды, мы заметили, что от Отто давно нет писем. Последнее его письмо пришло из Москвы. Даже Гюльнар, обычно беспечная, стала волноваться. Через месяц один из коллег Отто сообщил нам, что его арестовали за «незаконную торговлю», и положении Отто очень серьезно.

Гюльнар пролила несколько искренних слезинок и стала готовиться к атаке на Монфорже. Ей хотелось, чтоб граф как можно скорее открыл свое сердце. Она еще не спланировала до конца свою затею, но знала, что тянуть долго нельзя. После отъезда Отто визиты графа возобновились, однако он вел себя скорее как друг, нежели как поклонник. Монфорже, безусловно, не был искренним в уверениях чистой дружбы. Но Гюльнар настолько убедительно сыграла роль достойной женщины, что он обращался к ней, будто к монахине. И эта почтительность. Была искренней. Шутки ради, порой и Жером, оставаясь наедине, называл ее «уважаемая Гюльнар». Она, конечно, была довольна, что к любви графа прибавилась и почтительность. Внешне эта парочка тоже изменилась: Монфорже заметно похудел, осунулся. А Гюльнар, наоборот, немного поправилась – граф терял, Гюльнар приобретала. Монфорже выглядел несколько поникшим, он понял, что не сможет стать любов-

ником Гюльнар, и единственный способ обладать ею – женитьба. Иначе у него не будет возможности заключить очаровавшую с первого дня Гюльнар в свои объятия, прильнуть к ее манящим губам. Происхождение графа возвело между ними Великую китайскую стену. Что делать? Покончить с жизнью? Расстаться с Гюльнар? Граф не знал о том, что произошло с Отто в СССР. Гюльнар просила нас не говорить ему ничего. Иначе он снова осознает шанс стать ее любовником.

Иногда хочется проникнуть в мозг интересующего меня человека. Узнать все его мысли, планы, надежды, всю его суть до мелочей. Нет, не стать невидимкой, чтоб подсмотреть интимные тайны или дурные поступки. Проникнуть в сознание и наблюдать его – это совсем другое. Сейчас, например, очень хотелось узнать мысли Монфорже, его отношение к родне, надежды и сомнения, колебания в выборе. Кого он предпочтет: Гюльнар или свою мать? Его положению не позавидуешь. Каким орудием он намерен разрушить ту самую стену? Неужели такое средство есть в природе?

Но всему когда-нибудь приходит конец. Близилась развязка и этой истории. Однажды, если читатель помнит, Жером пытался остановить Гюльнар и советовал ей не тешить себя несбыточными мечтами: многие молодые женщины грезят красивыми, богатыми женихами. Но моя кузина верила в свою счастливую звезду и не сомневалась в удаче.

И вот однажды прогуливаясь перед витринами на бульваре Сент-Оноре...

Гюльнар стояла перед витриной магазина «Гермес». Все юные, но несостоятельные барышни испытывают глубокое уныние перед блеском богатых магазинов. Сейчас Гюльнар любовалась чудесной сумочкой из крокодиловой кожи. Иметь такую сумочку в Европе, и особенно, во Франции, считалось знаком превосходства. Гюльнар колебалась: купить или не купить? Деньги у нее были. Они лежали в ее простенькой кожаной сумке. Эта роскошная вещица на витрине будто околдовала Гюльнар. Денег, оставленных

Отто, хватило бы на двухлетние расходы Гюльнар. Она никак не могла решиться...

Очень часто недостижимое в реальности дня обретается ночными грезами. А сейчас грезы обретали плоть. Мечта всех юных прелестниц – красивый статный молодой мужчина, настоящий принц – наблюдал за Гюльнар, околдованную сумочкой. Казалось, все ее внимание сконцентрировано на этой вещице. Но Гюльнар всегда чувствовала на себе посторонние взгляды. Она обернулась и увидела перед собой воплощение мечты – неотразимого молодого мужчину. Он спросил по-английски, с американским акцентом:

– Уверен, вы говорите по-английски.

– Разумеется! – Гюльнар не зря месяцами совершенствовала свой английский.

А в это время граф Монфорже метался в сомнениях у себя в резиденции на Сен-Жермен. Через несколько дней его решение потеряло смысл – он опоздал. Потому что в первый же день знакомства Гюльнар приняла приглашение в ресторан от Джона Фитцджеральда Кеннеди, на следующий день переспала с ним, а еще через день они отметили помолвку. Обручальное кольцо было куплено в магазине Картье (в том самом, где бедолага граф покупал брошь). А после секретарь господина Кеннеди начал готовить документы, необходимые для бракосочетания.

Конечно речь шла не о будущем Президенте Америки. В те годы он был еще совсем крошкой. Но Перси Мак Тадден был так похож на Джона Кеннеди! Когда через сорок лет я увидела Президента Кеннеди, была ошеломлена их сходством: рост, телосложение, цвет и форма волос, обаятельная улыбка, глаза и все остальное – одно к одному Мак Тадден!

Какое красивое обручальное кольцо получила Гюльнар! Огромный каплевидный бриллиант играл всеми цветами радуги.

Перси и Гюльнар излучали радость. Часть радости Гюльнар можно списать за счет положения, в которое попал Монфорже. Вот и вонзилось острие ятагана басурманки в сердце неверного!

Мак Тадден предложил Гюльнар, мне и Жерому отметить помолвку сначала у нас дома, а затем в одном из ночных русских клубов. Гюльнар праздновала в тот вечер триумф. А я вспоминала во всех подробностях часы своих мук!

После обеда мы с Гюльнар переоделись. Она надела свое чудесное белое платье, а я темно-красное. Красное – назло судьбе! Скоро Гюльнар уедет и покинет меня... Я чувствовала, что без нее мне будет еще хуже. Мучиться рядом с ней проще, чем одной.

Перекладывая вещи в другую сумку, я вспомнила о письме Грандо, которое получила утром и еще не прочла. Ну и что? Я и по аккуратному, нудному почерку знала наперед содержание письма. Скорее всего, он рекомендовал, каким поездом удобнее ехать в следующий раз, и еще что-нибудь в этом роде. Я бросила письмо в сумочку, решив прочитать позже.

Белое платье, подчеркнутое жгуче-черными волосами и алыми губами, делало Гюльнар просто прекрасной! Она вытянула руку. Бриллиант на пальце горел как звезда.

– Какая ты красивая Гюльнар! – ахнула я, и мое сердце стало наполняться завистью. Почему я не такая, как она?! Для чего нужно было Богу создавать эту разницу? Неужели он играет людьми? Такие вопросы часто мучили меня. Я старалась прогнать черные мысли, но безуспешно.

– Я так счастлива! – сказала Гюльнар. – Просто не верю своему счастью! Разве можно сравнить Перси с этим старым графом? К черту его титул!

Безусловно, родовой титул старого аристократа терял смысл рядом с Перси. Надменность и гонор потомственного графа вызывали насмешку на фоне красавца-американца.

Мак Тадден выглядел очень счастливым. Он всегда улыбался, был весел и мил. Он имел все, что необходимо для счастья: молодость, красоту, здоровье, ум, деньги. Его отец был очень богат. Он создал какой-то особенный химический медицинский препарат и сколотил огромный капитал. Я и после встречала много богатых людей. Но среди них не было счастливых.

Мак Тадден был умен и хорошо образован. Он хорошо разбирался в искусстве, ценил красоту. Перси постоянно проявлял заботу об окружающих. Я была влюблена в него. Слав Богу, что не очень. Но и этого оказалось достаточным для моих мук. Его речь и внешность волновали меня. Он был внимателен ко мне. А как он обожал Гюльнар! Мак Тадден заботился обо мне, как и Отто. Несчастный Отто! Он него по-прежнему не было вестей. Это был плохой признак. Помнит ли его Гюльнар? По крайней мере, имени его она не произносила. Я же опасалась напоминать ей.

Мак Тадден так подружился со мной, что обещал и меня увезти в Америку. Я возражала: и одной кавказской дамы достаточно, чтоб удивить ведь Техас. Мои слова рассмешили Перси (он неплохо знал французский).

– Нет никто не удивится. Мои родители очень хорошие люди. Они с радостью примут обоих барышень. Прежде им не приходилось видеть таких женщин.

Поздним вечером мы отправились в самый лучший ночной клуб Парижа, чтоб отметить помолвку Перси и Гюльнар. Посетителей было много очень много. Отовсюду доносились пение цыган, звон бокалов, разноязыкая речь. Как и во всех ночных клубах, русские песни чередовались с американским джазом. Все танцевали. Гюльнар и Мак Тадден танцевали, привлекая всеобщее внимания. Эта красивая парочка исполняла модный голливудский танец. Создавая резкий контраст, молодые люди были одинаково привлекательны: высокий светловолосый улыбчивый мужчина и женщина блистательной экзотической внешности. Прекрасная парижанка в белом платье! От них невозможно было оторвать взгляд!

Мы с Жеромом сидели за столиком. Он не приглашал меня на танец. Так мы давно решили между собой этот вопрос. Жером плохо танцевал. А мне не хотелось вертеться и кривляться, да еще с мужчиной, который не нравится мне. И вообще, сблизиться можно и другими способами. Жером не соглашался с этой мыслью.

Вы все упрощаете. Людей издревле привлекали музыкальные ритмы, телодвижения, мимика. Не забывайте, что и царь Давид выражал танцем свою мистическую радость!

Мистическая радость! Да, Жером мог обосновать любое утверждение. Правда, порой его доказательства вызывали у меня сомнение. Мы не видя других танцующих, любовались Мак Таденом и Гюльнар.

– Скажите, как обстоят ваши дела с Грандо? Иногда я думаю, что не следовало знакомить вас, - спросил Жером.

– Поздновато сожалеть. Конечно, не стоит говорить о каких-то чувствах. Просто проводим время. Кстати, я получила письмо от Грандо и еще не читала его.

Я достала из сумочки конверт. Стало вдруг интересно прочесть письмо. Чем наблюдать счастье других, лучше увидеть ласковые слова, адресованные самой. Кому они не милы? Извинившись перед Жеромом, открыла конверт и стала читать.

«Дорогая, наверное, мое письмо огорчит тебя. Но, моя бедная малышка, это необходимо и тебе, и мне. Нам не стоит больше встречаться. Мы не схожи во всем: во вкусах, образовании, характерах. Я буду вспоминать с нежностью дни, проведенные с тобой, незабываемая моя. Расстаюсь с печалью...»

И аккуратная подпись – Грандо. Я оторопела, держа в руках этот листок, пахнущий ароматической бумагой, которую жег в мою честь Грандо. Перечитала трижды письмо, извещающее о расставании. Грандо, не хочет больше видеться со мной! Эти короткие слова раскололи меня надвое. Да, в тот момент я любила его! Несмотря на скупость, сентиментальность, плаксивость... Любила...

– Что с вами? Вам нехорошо?

Не в силах ответить, я кивнула. Без слез отвечать на вопрос, было невозможно. Чтоб подавить рыдания, отпила из бокала. Жером, почуяв неладное, не стал больше ничего спрашивать. Я сложила листок, опустила конверт

в сумочку. Все стало ненавистным: и красная сумочка с печальным письмом, и душный шумный зал. Мне захотелось выпить. Не давая Жерому возможности поухаживать, я наполнила бокал шампанским из тяжелой бутылки. Легкое опьянение усугубило мою боль. Так стало жаль себя! Как несправедлива судьба! Подарив счастье Гюльнар, она в тот же миг сделала нечастной меня. Гюльнар получила роскошное обручальное кольцо, а я - прощальное письмо. Меня душили слезы. Вот-вот разрыдаюсь. Я выбежала из зала и направилась в туалет. Меня поприветствовала служащая – одна из бывших высокопоставленных российских дам.

Я вошла в пустую кабинку. Стоило сесть, как слезы ручьем покатались из глаз. Они текли по щекам, рукам, капая на платье и белый пол. Такой же белый пол как на балконе нашего бакинского дома.. Стоя на этом балконе, мы любовались морем. Там мне было... хорошо. А теперь нет ни того балкона, ни пристанища, ни тех дней... слезы потекли еще обильнее. Детские воспоминания усилили боль, я любила эти воспоминания и ненавидела Гюльнар, Грандо... Неужели вся жизнь пройдет в грезах и пустых ожиданиях? Эта мысль обожгла меня...

Я была еще молода. Неудачи могли сломить меня. Протягивала руки к надежде, но они каждый раз оставались пустыми. Необходимо было видеть это, когда все вокруг добиваются успеха, обретают желаемое, становятся счастливыми. Какой смысл в подобной жизни?

Сколько же времени провела я в кабинке, терзаясь муками? Не помню. Наверное, мои спутники начали волноваться. Вино же уже затуманило сознание. Керамическая плитка на стенах будто ограждала меня от новых ударов, ожидающих снаружи. Уж лучше побыть тут подольше, но вдруг послышались чьи-то торопливые шаги и раздался голос Гюльнар, о чем-то спрашивающей у туалетной служащей. Она подошла к двери кабинки и стала стучать. Я не отвечала. Пусть эта дамочка, сосредоточившая в свих руках все вселенское счастье, моя «опекунша» Гюльнар, стучит, сколько угодно... Не буду отвечать!..

– Открой немедленно! Что ты задумала?

Шампанское и горе опьянили меня. Стук в дверь еще больше дразнил меня. Мне доставляли удовольствие волнение Гюльнар и служащей. Внутри кабинки я бессмысленно перечитывала обращение на дверях: «Просьба соблюдать чистоту и порядок при пользовании туалетом».

А что если найдут здесь мой окровавленный труп? Это был бы замечательный подарок к свадьбе Гюльнар! Нет, и это желание (как и все прежние!) останется невыполнимым...

– С ней что-то произошло! – кричала снаружи Гюльнар. – Боже, что делать?

Прислуга тоже причитала: «Боже мой! Боже мой!» Я злорадствовала, добившись всеобщего волнения. Пусть Гюльнар поймет, что Бог несправедливо поделил блага: ей – все, а мне жалкую жизнь.

– Надо позвать мужчин! – кричала Гюльнар.

Я представила себе эту сцену: мужчины всей силой бьют по двери, она соскакивает с петель, ударяет по мне и я... умираю! Красная кровь пропитывает красное платье...

Но, наконец, разум побеждает. Я с трудом поднимаюсь, открываю дверь и выхожу. Женщины с изумлением уставились на меня. Волосы мои были растрепаны, макияж смешался от слез, я качалась на месте. Кошмарное зрелище!

– Что с тобой, бедняжка моя? – кинулась ко мне Гюльнар. Она не думала, что я могу напиться допьяна. Ласковые нотки в ее голосе успокоили меня. Забыв обиду и зависть, я прильнула к ее плечу и снова разрыдалась.

– Помнишь наш балкон с видом на море? – Давясь слезами, хрипела я. – А наши скалы в песке? Ты их помнишь? А «чертов дом» на даче? Ты помнишь?...

– Что это с тобой?.. – такие воспоминания в туалете ночного клуба не могли не удивить.

– А может быть, мы были бы счастливее, оставшись там и нося чадру, как наши бабушки? Не искали бы работу, мужчин, свободу!... Рожали бы детей, ходили бы на женские посиделки, в бани... Ах, Гюльнар, я так несчастна!...

– Вот бы повеселился Жером, если б услышал тебя сейчас... Э-э, да ты пьяна... – взяв меня за плечи, в упор посмотрела Гюльнар.

Я кивнула. И тут же меня стошнило. Как хорошо, что умывальник был рядом.

Что произошло дальше, совсем неинтересно. Ни мне, ни вам....

Эпилог

Они поженились и были счастливы. Но не навсегда, как это бывает в сказках. Не будем забегать вперед.

После бракосочетания они направились в Гагр, где их ждал огромный и роскошный корабль. Пассажиры таких кораблей даже с рекламных щитов вызывают зависть. Тогда между континентами еще не было воздушного сообщения. Морской путь в Америку превращался в замечательное путешествие. А Монфорже? Конечно, Жером все рассказал ему. С самого начала, с витрины магазина «Гермес», у которого соединилась судьба кавказской девушки и американского юноши. Отныне они будут шагать по жизни в месте. Возможно, скоро к их шагам примкнет еще один человечек, чтоб усилить это единство.

Не будем сплетничать о Монфорже. Отвергнутый граф страдал из-за своей надменности и любви. Сожалел ли он об ограничениях, на которые обрекало его происхождение? А может, быть наоборот, его радовало такое завершение их короткого романа? Никто об этом не знает. Ничего не удалось узнать и о дальнейшей судьбе Отто. Как и миллионы других людей, он сгинул в дебрях русских кошмаров, советский государственный молох без следа заглатывал людей. Был ли он в чем-то виновен или нет – не знаем. Земля ему пухом!.. Может быть я единственный человек, надолго сохранивший память

о нем, помнивший его доброту и благодарный ему. Вряд ли Гюльнар сожалела об Отто. Огромное море счастья, в котором она купалась, не могло не смыть из памяти тех малых радостей, которые давал ей несчастный Отто.

Я осталась одна в небольшой квартире. Можно было жить здесь какое-то время, не неся расходов. Гюльнар оставила мне все свое добро. Мак Таден намеревался назначить мне содержание. Кузина, которой я всегда завидовала, заботилась обо мне. Работу манекенщицы решено было оставить. Хотелось заняться умственным трудом. Я была еще очень молода, и жизнь напоминала длинную тропу с неизвестностью впереди. К сожалению, настроение мое не улучшалось. Провожать Мак Таадена и Гюльнар пришли все наши родственники, земляки, друзья во главе с Жеромом. Все радовались удаче соотечественницы, смеялись. И я смеялась. Но на сердце было холодно. Сразу после проводов я покинула близких, чтоб уединиться. Так меньше ощущалось мое бедственное положение. Домой не спешила. Долго бродила по улицам. Улицы все еще хранили свои деревенские особенности и бесхитрость. Эти улицы я знала хорошо. Знала здесь все дома, все дворы и многих жителей. Весь Париж состоит из таких небольших поселков, где люди давно живут рядом и узнают при встрече. А это всегда сближает. Вот так и бродила я по поселку Отой, как вдруг тележка продавщицы цветов остановилась рядом, и девушка-цветочница протянула мне букетик. Именно так и случилось в первую мою прогулку по улицам пригорода! Может быть, это та самая девушка? Тогда мне казалось, что счастье совсем рядом, где-нибудь за поворотом. Рано или поздно я встречу его, прижмусь к нему, почувствую аромат грусти, исходящий от него.

..Покинув грезы, я оказалась на полутемной улице и поежилась. Не помню, как оказалась, в парке, ловящем слабые лучи заходящего солнца. По узкой тропинке подошла к одинокой скамейке. Села. Стало тяжело от безнадежности. Все осточертело. Неужели смерть – это единственный выход? Нет, я еще к ней не готова. Но что же делать? Ища ответ, подняла глаза к небу, где обитает Господь. Надо мной пролетела какая-то птица. Внезапно стало

легко. Легко-легко! В душе затеплился огонек. Пусть слабый, но это был свет надежды. Я поняла истину: до тех пор, пока полет птицы, шелест листьев, морские волны радуют человека, стоит жить. Я молода, и многое еще смогу. А не проверить ли мне силы в написании книг, как моя кавказская предшественница Аиса? Ее дух сквозь века навестит меня, станет оберегать, вдохновлять. А может быть именно дух Аисы навеял мне такую мысль.

Я взбодрилась, поднялась со скамейки. Тоска рассеялась. Значит, смерть не единственный выход из страданий. Меня ждала жизнь. Надо спешить ей навстречу!

